

ЗВЕЗДЫ РОМАНТИЧЕСКОГО
ФЭНТЕЗИ

ОЛЬГА КУНО ЕКАТЕРИНА КАБЛУКОВА

ПОВЕНЧАННЫЕ
ВРЕМЕНЕМ

Annotation

Любой правитель обязан жениться, чтобы произвести на свет законного наследника. Дайон, герцог Левансийский, привык к одиночеству и изо всех сил старался отсрочить неизбежное. Но что делать, если на свадьбе настаивают все кругом? Остается смириться и... бежать, дабы хоть на пару часов ощутить глоток свежего воздуха. Кто же мог знать, к чему приведет такой побег? Придется забыть на время привычную жизнь, встретиться с демонами прошлого и влюбиться по уши. А заодно попытаться понять, что важнее: чувства или долг. Или, быть может, то и другое все-таки можно совместить?

- [Ольга Куно, Екатерина Каблукова](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Эпилог](#)
-

Ольга Куно, Екатерина Каблукова

Повенчаннные временем

© О. Куно, Е. Каблукова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Пролог

Тьма. Тяжелая и вязкая, она обволакивает тяжелым облаком, не давая вздохнуть. Тишину нарушают шаги. Холодный пот струится по лбу, а сердце начинает бешено колотиться в груди. Неужели все? Стражники войдут в камеру, инквизитор монотонно зачитает приговор, его выведут на площадь...

– Дайон... – шепот за стеной. Осторожный, едва слышный, будто человек боится быть обнаруженным. – Дайон...

Глупая надежда наполняет душу. Неужели сейчас дверь камеры откроется?..

– Кто здесь? – Он притрагивается к решетке, до боли в глазах вглядываясь в темноту.

– Я... я – друг.

Внезапная, глупая радость, охватывающая его после этих слов, почти сразу сменяется недоверием:

– У меня еще есть друзья?

– Их много. Просто они пока не смогли сюда добраться. Но я для этого и пришел – сказать, что осталось недолго. Тебя отсюда вытащат.

– Когда? – Он старается, чтобы голос звучал твердо, но все равно срывается на тонкие ноты.

– Через месяц. Понимаю, это немалый срок, но я хочу, чтобы ты твердо знал: твое заточение закончится.

Тот человек, что за стеной, тяжело вздыхает.

– Но ты уже здесь. Если ты – друг, как утверждаешь, почему не можешь освободить меня сейчас?

– Я не могу.

Почему-то кажется, что человеку с той стороны двери в эту секунду еще более жутко, чем самому Дайону.

– Что значит «не могу»? – Он пытается надавить на собеседника, цепляется за невероятно тонкую ниточку надежды. – Я тебе приказываю, слышишь? Ты – мой подданный?

Молчание. Тишина, прерываемая только биением сердца и сбивчивым дыханием.

– Это слишком сложный вопрос, – наконец доносится из-за дверей.

Дайон скрежещет зубами. Что в этом вопросе может быть сложного?! Но черт с ним... Лишь бы этот человек, хотя бы назвавшийся другом, не ушел, оставив юного герцога в темноте подземелья.

– Ты – левансиец?

– Да.

Теперь тот, другой, отвечает практически мгновенно, и голос звучит уверенно.

– Значит, ты обязан выполнить мой приказ.

Хочется топнуть ногой, но он давно не позволяет себе проявления эмоций. Любая эмоция – это слабость, а ему надо быть сильным. Ради своих поданных, ради Денизы, ради самого себя, наконец...

Грустный смешок раздаётся за дверью.

– Наверное, я – единственный левансиец, на которого не распространяется это правило... – И снова по голосу кажется, будто незнакомец терзается не меньше, чем сам Дайон. – Нонсенс, конечно... Но здесь все нонсенс.

Все нонсенс... Герцог открыл глаза и вздрогнул. Спальня была чужой. Затянутые золотистым шелком стены, огромная кровать под тяжелым балдахином, резной прикроватный столик, на котором стоял стакан с водой. Стоит ли ее пить или она отравлена? Отголоски сна были еще свежи в памяти. Дайон тряхнул головой и решительно взял стакан. Свежая вода прояснила мысли.

Герцог еще раз обвел взглядом комнату. Ах, да, он же в Эвендейле.

Прибыл два дня назад с визитом к эрлу Раймонду Ковентеджу, правителю графства и по совместительству мужу сестры.

Элино́р л'Эстре, старшая сестра герцога Левансийского, известная в узком кругу посвященных как бывший младший агент левансийской разведки Дениза Арсе, ныне графиня Ковентедж, давно зазывала брата в гости. Он упорно откладывал визит, пока, наконец, во время очередного визита в Левансию, сестра не пригрозила заковать его в кандалы и вывезти силой, даже если для этого ей придется запихнуть брата в сундук.

– Надеюсь, что не по частям, – отшутился он.

Дениза ответила мрачным взглядом, и герцог понял, что дальнейшие отговорки неуместны. Пришлось отдавать соответствующие распоряжения Юрбену, личному секретарю, и Ферранту, приближенному лицу и главе левансийской разведки.

Наконец, после многочисленных согласований, визит состоялся. Так что теперь Дайон находился в гостевой спальне замка эрла Раймонда Ковентеджа. И вряд ли эрл, несмотря на многочисленные разногласия в прошлом, желает отравить герцога Левансийского.

Дайон одним глотком допил воду и встал. Ему не стоило ехать сюда в такое время. После пережитых в юности испытаний, герцог Левансийский всегда плохо спал в чужой обстановке, а тут еще и апрель – время, когда прошлое особо настойчиво наступало его в сновидениях, а головные боли обострялись, становясь невыносимыми.

Звать слуг Дайон не стал – волосы слиплись от пота, а ему не хотелось, чтобы кто-то посторонний прознал о его кошмарах и донес Денизе. Не стоило тревожить сестру по пустякам. Быстро приведя себя в порядок, герцог вышел из комнаты. Замок только просыпался: где-то хлопали двери, на кухне повара разжигали огонь в печи. Не желая столкнуться с челядью и породить кучу ненужных сплетен, Дайон спустился во внутренний двор, где был разбит небольшой сад.

Скрытый от посторонних глаз сад, куда имели доступ только хозяин замка и близкие ему люди, только начинал пробуждаться от зимнего сна. Нежная листва едва проклюнулась на ветках, на клумбах отцветали крокусы, готовые уступить свое место тюльпанам и нарциссам.

Цветы Дайона трогали мало, как и наступившая, наконец, поздняя весна. Как всегда, после ночных кошмаров мысли путались, а стук сердца отдавался в ушах громким гулом. Поежившись (утро было морозным), герцог подошел к колодцу и решительно вылил на себя ведро воды. Нервная дрожь сменилась дрожью от холода, естественной, понятной, не пугающей. Он прислонился к деревянному вороту, чувствуя, как ледяные капли струятся по телу, унося с собой вязкий страх ночи.

– Ты рано проснулся. – Дайон резко обернулся. Дениза стояла за спиной, недовольно морщась от ледяных брызг. – Опять снились кошмары.

Она не спрашивала, а утверждала, и отпираться не имело смысла.

– Не волнуйся. Я уже к ним привык, – проворчал герцог, присаживаясь на край колодца.

Дениза покачала головой. Она прекрасно знала, сколь тяжелы бывали ночи брата, особенно в чужой спальне.

– Если бы я могла вытащить тебя оттуда раньше, – прошептала она.

– Это все равно ничего не изменило бы, и ты прекрасно это знаешь. – Дайон скользнул взглядом по ее стройной фигуре. Дениза была одета в бриджи и рубашку, на предплечьях красовались кожаные браслеты со специально изготовленными ножнами, из которых торчали рукояти кинжалов. – Опять повышала свою меткость?

– Не хочу терять навык. – Она небрежно пожала плечами.

– И как успехи?

– Почти идеально!

– Почти? – хмыкнул Дайон, доставая из голенища сапога нож и почти не глядя кидая его в мишень. Точно в центр.

Непосвященные здорово удивились бы, обнаружив у герцога такие таланты. Им и не положено было знать. Бессонница оставляет много часов для тренировок, а чувство уязвимости, привитое в юные годы, способствует мотивации. Впрочем, наверное, наследственность тоже сыграла определенную роль: меткость явно была семейной чертой.

– Почти. – Едва заметным движением Дениза выхватила клинки и отправила их вслед за ножом герцога один за другим. Они вонзились по обе стороны от рукоятки.

Дайон склонил голову набок, внимательно рассматривая пораженную цель, потом перевел взгляд на сестру.

– Ты поссорилась с Ковентеджем?

– С чего ты взял? – приподняла брови Дениза.

Дайон насмешливо улыбнулся:

– Так да или нет?

– Да! То есть нет. Вернее... – Дениза опустила голову. Нерешительность была ей крайне не свойственна, и герцог нахмурился.

– Мне увезти тебя с собой?

– В кандалах и сундуке? – грустно рассмеялась Дениза.

Дайон закатил глаза:

– Все не можешь забыть те опрометчивые слова?

– Феррант воспринял их буквально.

– Феррант – осел. Но исполнительный и преданный Левансии.

– Феррант – умный человек и предан тебе, Дайон, как и все мы. –

Дениза подошла ближе и ласково откинула челку со лба герцога, как часто делала прежде, когда жила в Левансии. – Все-таки тебе надо жениться.

– Надеюсь, не на Ферранте?

– Он не подходит для семейной жизни, – ответила она с грустинкой в голосе, будто Дайон высказал такое предположение всерьез. – Как, впрочем, и я... Странно, что Раймонд до сих пор этого не понял.

– Может, это ты не поняла, что отлично для нее подходишь?

Дайон с нежностью потрепал сестру по волосам. Она вздохнула:

– Увы, я все понимаю. Даже слишком хорошо.

Дениза решительным шагом направилась к дереву, извлекла из ствола клинки и вернулась на позицию.

– Ты позволишь? – полушутливо поинтересовался Дайон, устанавливая новую мишень взамен испорченной. Судя по следам на рыхлой земле и отметинам на стволе, сестра тренировалась часа два. Значит, она либо злилась, либо была чем-то расстроена.

– Не скажешь, в чем все-таки дело? – как можно небрежнее спросил он, вставая рядом с Денизой.

Та хищно прищурилась, прицеливаясь.

– Я беременна, – словно невзначай сказала она и метнула кинжал. Попала точно в середину.

– Что?.. Ты?.. А...

Рука дернулась и нож улетел в «молоко». Дайон даже не заметил этого, растерянно глядя на сестру. Он никогда не думал о ней в таком ключе.

Денизу можно было представить на поле битвы, раздающей направо и налево меткие, смертоносные удары. Сидящей в тесном подвале и, согнувшись над столом, рисующей карту местности для других подпольщиков. Блистающей на балу и виртуозно пускающей пыль в глаза иностранных агентов. Но никак не матерью.

Во всяком случае, сколько герцог ни пытался представить ее в этой роли, ему не удавалось. Хотя, казалось бы, разве не к этому шло?

Не зря же она полгода назад вышла замуж за Раймонда Ковентеджа, переехала к нему в Эвендейл и оставила работу агента. Вернее, агента Левансии. Насколько Дайону было известно, сестра успешно консультировала разведку Эвендейла. Впрочем, он тоже иногда получал от нее нужные Левансии сведения.

– Но... это же замечательно! – неуверенно проговорил он, всеми силами стараясь заставить себе чувствовать то, что говорит. – Ты рада?

– Безумно, – мрачно ответила Дениза, идеально отработанным движением извлекая второй кинжал. Брата-близнеца первого. – Материнство – это счастье. Наверное.

С этими словами она метнула оружие в мишень. Опять в точку.

– Я что-то об этом слышал.

– Любая женщина не может желать лучшей участи, – процедила сквозь зубы она. Направилась к дереву и снова выдернула клинки. – Любящий муж, дети, домашний очаг и что там еще...

– Но не ты.

– Но не я.

– Понимаю.

Дайон действительно понимал. Денизе было необычайно тяжело. Прощедшая через невероятное число невзгод, приключений и авантур, она оказалась совершенно не готова к такой ожидаемой, казалось бы, роли. И теперь чувствовала себя растерянной, даже испуганной. А потому искала успокоения в занятии, которое было ей знакомо и привычно.

Он вздохнул и обнял сестру за плечи, мягко привлек к себе. Как в старые времена, Дениза прижалась лбом к его плечу, ища поддержки.

– Что, если я не смогу? – тихо спросила она.

– Ты будешь прекрасной матерью, – искренне уверил герцог. – Мальчику никогда не будет с тобой скучно, а девочку ты сможешь научить постоять за себя!

Она фыркнула, а потом шмыгнула носом и отстранилась, чтобы смахнуть ладонью слезы.

– Извини, в последнее время я сама не своя.

– Почему ты не сказала мне вчера?

– Не бросаться же на тебя с порога такими новостями!

– Ковентеджу ты сказала, – проворчал Дайон.

Дениза ошеломленно взглянула на брата.

– Дайон! Он – отец ребенка!
– Угу, – хмыкнул герцог. – Для этого, знаешь ли, большого труда не требуется.

Дениза покачала головой:

– Все еще не можешь забыть вашу размолвку?
– У меня хорошая память. Я вообще не умею забывать... ничего.
– Хочешь, я поговорю...
– Я – большой мальчик, Дениза, – оборвал ее Дайон. – И могу сам о себе позаботиться.

Он фальшиво улыбнулся и предпочел вернуться в свою комнату. В душе царил сумбур.

Привыкший быть честным с самим собой, Дайон прекрасно осознавал, что не так рад только что услышанной новости, как положено быть любящему брату. Не потому, что недостаточно любил Денизу. Скорее наоборот. Сестра была единственной ниточкой, которая связывала его с настоящей жизнью, в противовес *существованию*.

Эта нить истончилась, когда Дениза вышла замуж и уехала в Эвендейл – событие, которому Дайон не только не препятствовал, но и, напротив, поспособствовал. Он понимал, что теряет очень близкого человека, но Дениза заслуживала своего счастья, пусть и с тем, кто много лет назад от нее отказался.

Опасения герцога, что брак сестры окажется неудачным, оказались напрасными, и Дайон был этому рад, хотя понимал, что их общение с сестрой не будет прежним.

Рождение ребенка грозило окончательно разорвать хрупкую связь. Именно теперь графиня Ковентедж остепенится по-настоящему, полностью погрузится в семью, перестанет надолго выезжать из замка супруга, и ее общение с братом станет ограничиваться все более короткими письмами на дни рождения и большие праздники.

Дайон знал, что это неизбежно, но не ожидал, что все произойдет так быстро. И что ему будет невыносимо тоскливо думать об этом. Тяжело вздохнув, он потянулся за колокольчиком, чтобы вызвать слуг – следовало привести себя в порядок, пока никто не имел счастье лицезреть герцога Левансийского небритым и без камзола.

Огромные напольные часы пробили десять ровно в тот момент, когда Дайон, тщательно одетый, вошел в кабинет хозяина замка. Лишь влажные волосы напоминали сейчас об утреннем разговоре с сестрой.

– Эрл.

– Доброе утро, герцог!

Мужчины холодно взглянули друг на друга. Несмотря на внезапное родство, память о разногласиях, едва не приведших к войне, была слишком свежа.

– Как я понимаю, вас можно поздравить? – Дайон, как старший по титулу, первым нарушил затянувшееся молчание.

Ковентедж усмехнулся:

– Скорее уж посочувствовать!

– Вот как? – Лед в голосе герцога мог заморозить все графство.

Раймонд вздохнул:

– Не стану отрицать, я очень рад, но Дениза...

– Дениза?

– Она стала какой-то нервной. Вчера вечером увидела мертвую бабочку и рыдала битых полчаса!

Дайон пожал плечами:

– Женщинам свойственна сентиментальность.

– Мы говорим о Денизе? – приподнял бровь Раймонд. – Твоей сестре, которая в шестнадцать лет боролась за освобождение Левансии, оставляя за спиной горы трупов? Потом ездила по стране с отрядом карателей, дальше служила агентом тайной службы...

– Можешь не продолжать. – Когда речь заходила о Денизе, они нередко переходили на ты, хотя Дайон в целом предпочитал более официальную форму общения.

– А еще она боится, – мрачно сообщил Ковентедж.

– Дениза?! Быть не может! Чего?

– Того, что этот ребенок станет еще и твоим наследником!

Дайон недоуменно нахмурился:

– А что в этом плохого?

– Унаследовать огромное герцогство? Хорошего тоже мало. Будем откровенны, Дайон, из-за этих земель пролито слишком много крови.

– Из-за твоего графства тоже.

– Не спорю, но масштабы... Скажи, ты сам не задумывался о женитьбе? – напрямую спросил Раймонд.

– Нет, – слово далось с трудом, словно герцог предавал сестру.

– Тогда я настоятельно рекомендую подумать! Левансии нужен наследник, и им не может стать следующий эрл Ковентедж!

– Может быть, нам лучше начать обсуждать торговые пошлины. Пока я не занялся свадебными приготовлениями. – Дайон не потрудился скрыть иронию в голосе.

Раймонд скептически хмыкнул, но достал из шкатулки проект договора. Герцог кивнул и углубился в то, что у него хорошо получалось.

Глава 1

– Ваше сиятельство, взгляните на эту! – суетился секретарь герцога Левансийского, понимая, что настал его звездный час. Шутка ли, его сиятельство все-таки возжелал жениться и приказал представить ему список невест.

Дайон уныло посмотрел на очередную миниатюру. То ли художник рисовал по трафарету, то ли секретарь отбирал кандидаток на свой вкус, но с эмали на него смотрела очередная белокурая кукла. Огромные голубые глаза, пухлые розовые губки, легкий румянец на по-детски округлых щеках. Герцог перевел взгляд на старшего агента Ферранта Руажа, как всегда стоявшего по правую руку.

– Младшая и любимая дочь герцога Ксавьенского, – совершенно правильно истолковал молчание правителя тот. – Дебютантка этого сезона. Прилежна, аккуратна, почтительна...

– А герцог Ксавьенский?

– Менее почтителен, ваша светлость.

Дайон вздернул уголок рта, обозначая улыбку.

– Брак с дочерью герцога Ксавьенского выгоден Левансии, – вмешался секретарь. – Он будет способствовать укреплению торговых и политических связей...

– Которые будут рушиться, как только дочурка вздумает пожаловаться папе на мужа, – отмахнулся герцог.

Судя тому, как Феррант опустил голову, скрывая улыбку, он точно угадал характер капризной красавицы. От этого на душе стало еще тоскливее.

Дайон обреченно взглянул на портреты, лежащие на столе.

– Они все совсем юные! Неужели нет никого постарше?

– Видите ли, ваша светлость, как правило, дочери герцогов и графов не засиживаются в невестах. Один-два сезона, и они выходят замуж... – осторожно возразил секретарь. – К тому же не думаю, что лет десять разницы между супругами...

Дайон закатил глаза. Он редко вспоминал, что ему еще нет тридцати. Убийство родителей, смутное время, двухлетнее тюремное заключение и взятая на себя затем ответственность за герцогство

заставили его повзрослеть слишком рано. Порой ему доводилось завидовать Денизе, вечно сбегавшей из замка на очередное задание. Сам Дайон сбежать не мог. От этих мыслей на душе стало совсем тоскливо. Он взглянул в окно, за которым щебетали птицы. Везунчики, они-то могут улететь, куда хотят. И точно не обязаны ни на ком жениться...

– А может быть, Йоланта Макстейер? – осторожно предложил секретарь, прекрасно чувствовавший настроение своего господина, но все еще не утративший надежды ему угодить. – Она еще не начала выходить в свет, придется дожидаться осени, но... Она, как-никак, племянница самого короля. Пока у его величества Жерома нет сыновей, лишь две дочери, и если вы женитесь на леди Макстейер, это серьезно повысит шансы...

– Юрбен, тебе лучше не продолжать! – резко оборвал Дайон. Он очень ценил своего помощника и за исполнительность, и за безграничную преданность, но сейчас терпение было на исходе. – Только метить в королевские наследники мне не хватало. С меня вполне довольно и герцогства.

– Но вы могли бы объединить страну, – рискнул продолжить секретарь. Герцог взглянул на него так, что бедняга замолчал и нервно сглотнул.

Дайон не стал комментировать, что в их стране, где каждый герцог сам решает, как устраивать жизнь на своей территории, власть короля весьма эфемерна, и управление таким государством – весьма сомнительное удовольствие. Но настроение было окончательно испорчено.

– На сегодня все, – холодно обронил он.

Юрбен верно понял приказ герцога и, не желая вызвать еще одну волну негодования, поспешил к выходу. Феррант задержался.

– Ваша светлость желает, чтобы я подобрал еще кого-нибудь? – осведомился он.

Дайон подавил желание закатить глаза. Его не покидало чувство, что он – племенной бык, которого везут на ярмарку.

– Нет. Первых семи вполне достаточно. – Он тяжело вздохнул. – Без королевской племянницы, разумеется. Жду подробный отчет по каждой.

Старший агент поклонился и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Дайон резко выдохнул и снова взглянул на портреты, понимая, что одну из этих девушек он будет вынужден впустить в свою жизнь. Завтракать вместе с ней, обедать, принимать гостей, выезжать в свет... В придачу она, чего доброго, станет сочувствовать ему, жалеть... «Бедный герцог, вы так много испытали в юности!» А может, еще и расскажет об этом подругам. Или фрейлинам. Или и тем, и другим.

Но самое ужасное – если она его полюбит. Девушки вообще склонны к романтике, особенно в юном возрасте. А трагическая юность герцога Левансийского придавала ему ореол героя. И вряд ли наивные красавицы задумывались о том, что «герой» два года просидел в подвале, подписывая всевозможные указы по требованию захватчиков. В то время, как другие – даже его собственная сестра! – проливали за герцогство кровь.

Дайон смял в кулаке первый попавшийся под руку лист и швырнул в дверь. Увы, это не дало эмоциям должного выхода: бумага была слишком легкой и даже не долетела до цели. «Бедный герцог» не мог даже докинуть бумажку до стены... «Герой!»

Окончательно разозлившись, он со всей силы саданул кулаком по полированной столешнице. Показалось, что дерево жалобно скрипнуло. Звякнули ящики.

На костяшках заалели капельки крови. Боль отрезвила.

Злость утихла, но это была лишь полумера. Дайон стиснул зубы, борясь с охватившей его яростью.

Он слишком разозлился, позволил себе утратить контроль над эмоциями, сорвался на верных ему людях, что совершенно недопустимо.

Причина была, конечно же, не в исполнительном старшем агенте левансийской службы безопасности, и уж тем более не в жаждавшем порадовать своего господина секретаре. Дайона попросту раздражала предстоящая свадьба. Он не мог отделаться от ощущения, что пошел на поводу у Ковентеджа, Денизы, левансийского дворянства... а ведь однажды он поклялся себе, что никогда больше не будет марионеткой в чужих руках.

Дайон словно наяву услышал вкрадчивый голос из прошлого: «Подпишите, мой герцог!», сопровождаемый шорохом бумаги и

стуком опускаемого в чернильницу пера. Так говорил Астор ле Бриенн, советник и правая рука лорда Маркуса, дальнего кузена, захватившего власть в Левансии во время Смуты.

Чтобы упрочить свою власть, Маркус не стал убивать истинного наследника, а провозгласил себя регентом при несовершеннолетнем герцоге. Таким образом, все, кто желал свергнуть регента, формально становились предателями Левансии. Прекрасный ход, подсказанный, в этом Дайон не сомневался, тем самым Астором ле Бриенном. В мозгу яркой вспышкой промелькнуло воспоминание: люди, ворвавшиеся в комнату с оружием, с которого стекала кровь, алые пятна на полу и голос, перекрывающий всеобщее возбужденное веселье: «Мальчишку не трогать! Он нам еще нужен! Вы ведь подпишете указ о регентстве, не так ли, мой герцог?»

Как и тогда, по спине заструился холодный пот, а голову словно сдавило тисками. Дайон до крови закусил губу, сдерживая стон. Он так и не сумел забыть этот голос; напротив, после отъезда сестры вкрадчивый баритон ле Бриенна звучал в голове все чаще. Воспоминания как правило сопровождались приступами. И совершенно не помогал герцогу тот факт, что ле Бриенна давно не было в живых: его нашли заколотым в одной из комнат замка еще до того, как туда ворвались освободившие Дайона повстанцы. Кто именно заколол мерзавца, оставалось загадкой. При Маркусе он обладал почти абсолютной властью и наверняка нажил себе много врагов. Однако герцог Левансийский был бы рад при случае пожать убийце руку.

...Нельзя позволить хоть кому-то увидеть его в таком состоянии. На людях Дайон л'Эстре всегда оставался хладнокровным, властным, уверенным в себе правителем. Показывать окружающим свою слабость, пусть даже самую незначительную, недопустимо. Этот урок он усвоил много лет назад, в ту самую кровавую ночь, и все эти годы герцог Левансийский неуклонно следовал собственному правилу.

Но душившее бешенство требовало выхода.

Дайону пришлось сосчитать до ста, чтобы хоть немного успокоиться. Убедившись, что руки больше не дрожат, он критически оглядел кабинет, заметил смятый листок, валяющийся на полу, и, неодобрительно качнув головой (которая тут же отозвалась болью), выбросил свидетельство своего гнева в корзину для бумаг. И лишь

затем вышел из комнаты. Махнул секретарю, давая понять, чтобы тот не отвлекался от своих обязанностей, и выскочил прочь.

Он даже изобразил легкую улыбку, сбегая по ступеням. Вниз, в подземелье, подальше от любопытных глаз.

Встреченные по пути слуги почтительно кланялись, стражники на постах мгновенно вытягивались по стойке смирно, делая вид, что все время дежурства только так и стояли – с идеально прямой спиной, отведенной в сторону алебардой и бесстрастным выражением лица.

Будто герцог не догадывался, что эти люди только что болтали, играли в кости или, по меньшей мере, зевали со скучающим видом. Их поведение интуитивно воспринималось как лицемерие и раздражало, хотя он отлично понимал, что охранники всего лишь следуют предписанию, как делает, в известном смысле, и он сам.

Давно минули те времена, когда юному Дайону казалось, будто за пару мгновений до его появления все обсуждали именно его, и тем же займутся, едва он исчезнет за поворотом. И все равно каждый раз его охватывало противное чувство неловкости.

Герцог, ни разу не обнаживший оружия, в то время как подданные без малого два года проливали за него кровь. Герцог, подписывавший, пусть и вынужденно, указы против этих самых подданных. И пусть ему было пятнадцать, и пленители не оставляли ему выбора, стыд за содеянное не уходил.

Резкий болевой спазм заставил ускорить шаг. Герцог торопливо хлопнул дверью, перекрывавшей вход в подземелье, и прислонился к стене, схватившись руками за голову.

Слабо освещаемый коридор разветвлялся. Здесь уже давно не держали узников, для этой цели в герцогстве имелось достаточно тюрем. Если свернуть направо, можно попасть к складам и помещениям, отданным для разведывательной службы Левансии. Дайон же, едва боль слегка притупилась, зашагал налево, в заброшенную часть замка.

Он не любил здесь бывать, но все равно приходил каждый раз, когда на душе было так плохо, как сейчас.

Сердце неприятно кольнуло, когда он оставил позади поворот к своей камере. Той, где его продержали почти два года. В ту кровавую ночь пятнадцатилетнего, до смерти напуганного мальчишку, бросили в подземелье собственного замка. Повезло, причем вдвойне, что сестры

не оказалось тогда дома: Дениза не только не разделила его участь, но и примкнула к рядам сопротивления, а в конечном итоге лично возглавила восстание. Так вместо аристократки Элинон л'Эстре появилась бесстрашная Дениза Арсе. Именно она сумела сплотить повстанцев и добиться освобождения брата, а чуть позднее – и герцогства. Дайон же вышел из заключения, будучи семнадцатилетним по дате рождения и стариком по сути.

При воспоминаниях о Смуте в висках заломило, словно ему на голову опять надели завязанную узлами веревку, которую на затылке стягивали железным прутком. Один оборот, второй, узлы врезаются в кожу... Четки боли. Кажется, так называлась эта пытка. Ле Бриенн применял ее дважды, укрощая непокорного герцога.

На лбу проступила испарина.

«Подпишите...» – голос в голове звучал так явно, словно мучитель снова стоял за спиной. Зная, что он один, Дайон все равно оглянулся. Никого. Понимая, что вот-вот задохнется среди каменных стен, герцог поспешил в темноту туннеля.

Созданный специально, чтобы защитники замка могли выбраться наружу в случае опасности, во времена Смуты проход был засыпан и восстановлен только во время недавних ремонтных работ, вопреки протестам Ферранта. Старший агент не терпел мысли, что кто-нибудь может прокрасться в замок, и потому проход в туннель был надежно скрыт от посторонних глаз.

Щурясь в темноте, герцог взглянул на фамильное кольцо, которое надел сразу после освобождения из тюрьмы и никогда с тех пор не снимал. Орел, держащий в когтях змею. Только если на кольце изображение было выпуклым, на стене напротив того места, где остановился Дайон, красовался точно такой же отпечаток. Не мешкая, герцог поднес руку к камню, совмещая изображения.

В тот же момент что-то щелкнуло и часть стены отъехала назад, открывая потайной ход. Желая убежать хотя бы от неприятных мыслей, герцог шагнул в темноту проема. Разум твердил, что надо вернуться, закрыться в спальне, пережидая очередной приступ, но в кои-то веки Дайон Левансийский не желал слушать голос разума. Прочь, прочь из замка! Хоть на секунду глотнуть свежего воздуха, почувствовать себя живым...

Толстый слой пыли под ногами напоминал ковер. Шаг, еще один. Шорох за спиной дал понять, что вход в тоннель закрыт. Герцог не стал оборачиваться. Он щелкнул пальцами, зажигая магическую искорку. Будучи Одаренным, Дайон редко пользовался своими магическими способностями. Самые важные годы, когда такие, как он, обычно постигают свой дар, герцог провел в заточении. Потом он был слишком занят другими делами, и было, опять же, не до обучения. Да и зачем герцогу, к услугам которого многочисленные поданные, обладающие значительно большей силой, развивать почти ничтожный дар?

Пол тоннеля был очень неровным. Погруженный в свои мысли, Дайон и не понял, как нога скользнула в выбоинку. Мир вокруг качнулся. Пытаясь не упасть, герцог резко вскинул руку, хватаясь за стену. Не устоял. Показалось, что в щиколотке что-то хрустнуло, перед глазами рассыпались искры.

...Он очнулся, лежа на полу в пыли. Горько усмехнулся: прекрасно! Герцог Левансийский даже по тайному ходу не может пройти самостоятельно. Просто чудесно! И непонятно, что с ногой. А ведь ему надо добраться хотя бы до входа, чтобы позвать на помощь. Да и потом...

Он живо представил, как ковыляет по лестницам, а за спиной перешептываются слуги...

Дайон покрутил ногой. Странно, но она не болела. Герцог медленно встал и сделал несколько неуверенных шагов. Ничего, только в голове каждое движение отзывалось тупой болью. Отряхнувшись, Дайон решил продолжить начатый путь. Порыв сломя голову бежать из замка прошел, но герцог рассудил, что возможность побыть одному выпадает редко, а возвратиться в свои покои он всегда успеет.

Тоннель закончился тупиком. Герцог привычно провел по кладке рукой, кольцо само скользнуло в очередной отгиск, в стене опять что-то щелкнуло, открывая выход. В лицо пахнуло свежестью весеннего леса. Дайон вышел и критически осмотрел свой камзол. Весь в пыли, рукав разошелся по шву. Проще выбросить, чем являться в замок похожим на пугало.

Здрavo рассудив, что являться в одном жилете еще хуже, чем в испачканном камзоле, герцог избавился и от этого предмета гардероба.

Дышать сразу стало легче.

Головная боль утихла. Майский ветерок взъерошил коротко стриженные волосы. Герцог провел по ним рукой, чувствуя, как к пальцам липнет паутина. Пожалуй, следовало пройтись к ближайшему ручью и умыться.

Гулять без сопровождающих для человека его положения было, конечно, неблагоприятно. Но ему до того осточертело все разом – и вечно околачивающиеся рядом стражники, и идеально благоприятное поведение, – что он решил позволить себе глотнуть свободы. Хотя бы чуть-чуть, напоследок. В преддверии предстоящей свадьбы. В конце концов, он – взрослый мужчина и вряд ли ему что-то угрожает в десяти шагах от собственного замка, где его знал каждый кузнецик.

Только это внезапное легкомыслие герцога и спасло. Земля задрожала под ногами, сперва едва уловимо, затем сильнее, Дайон услышал позади нарастающий шум... и был вынужден пригнуться, прикрывая голову руками, поскольку в его сторону полетели осколки камней. Тех крупных камней, которые обрушились, заваливая вход.

Едва все стихло, герцог кинулся назад. Не пробраться. Он выругался сквозь зубы. Однажды такое уже случилось. Никто так и не разобрался, что послужило причиной. На сей раз надо будет тщательно исследовать место. Но этим займется не он. Главная задача Дайона л'Эстре на данный момент – вернуться в замок, пока его исчезновение не обнаружилось. Еще не хватало, чтобы Ферранта или того же Юрбена хватил удар, когда они подумают, будто герцог погиб под завалом. Вот только дорога займет время: придется идти кружным путем, к главным воротам.

Он спустился по неровной тропе, касаясь ладонями древесных стволов. Хвоя и сухие опавшие листья приятно хрустели под ногами. Внезапно небо далеко впереди озарила яркая вспышка. Дайон инстинктивно зажмурился, а когда открыл глаза, кругом снова было темно. Показалось? Отголоски снов и режущие душу воспоминаний? Но прежде у него никогда не бывало галлюцинаций. Плохой признак... То-то порадуетя такому «подарочку» его будущая жена!

И снова вспышка, только на сей раз, кажется, ближе. Моргнув, он успел увидеть крошечные огоньки, сыплющиеся с вечернего неба. Такое зрелище могло бы доставить удовольствие, но он слишком хорошо знал, чему сопутствует подобная красота. Разрушительная

магия огромной силы. Смертоносные лучи, уничтожающие все живое. Огненные шары, прожигающие насквозь любые доспехи. Все это уже было во времена Смуты. После таких «фейерверков» людей хоронили десятками. Но он не видел подобного по меньшей мере восемь лет! Большинство Одаренных, способных на столь мощные заклинания, погибли в боях или были казнены за военные преступления. За теми, кто остался в живых, тщательно следили специально предназначенные для этого службы. А самое главное, Смута как следует отрезвила даже самых отъявленных вояк и интриганов, надеявшихся добиться богатства и власти незаконным путем. Никто не хотел повторения кровопролития, в какое погрузилось королевство на целых два года. Смешно сказать: за все это время на жизнь герцога даже не было серьезных покушений! И вдруг – такое?!

Да что же здесь сегодня творится?! Дайон ринулся вперед. Дорога шла под уклон, словно умышленно его подгоняя. Может быть, все-таки простая гроза? Но гром не гремел, с небес не упало ни капли, и характерного запаха тоже не ощущалось. Очередная вспышка, и десятки лучей устремились к земле... Нет, это точно не молнии.

Впереди замаячили темные силуэты домов, над ними возвышался шпиль ближайшего храма. Ветер сменил направление, и до слуха Дайона долетели людские крики, ржание коней и топот копыт. Он все-таки остановился, вспомнив про осторожность. Благоразумие боролось с безотчетным желанием рвануть вперед что есть сил и выяснить, что, черт возьми, творится на его землях. Землях, которые он обязан оберегать.

Неизвестно, какая черта характера взяла бы верх, но внезапно произошло нечто, заставившее его окончательно уверовать в абсурдность происходящего. Со стороны города, из-за деревьев, выскочила невысокая, худощавая девушка в весьма приличном, но давно вышедшем из моды платье. Остановившись лишь на долю секунды, она снова пустилась бежать и буквально налетела на Дайона, а налетев, обвила его шею руками и поцеловала в губы. Он так опешил, что застыл, как истукан, не отвечая на столь неожиданное поведение, но и не отстраняясь.

– Да поцелуйте меня наконец, неужели вам трудно? – Наглая девица требовательно притопнула ножкой. – И обнимите меня за талию. Что вы руки расставили, как пугало? Давайте же, давайте!

Дайон покосился на свои руки, действительно вытянутые довольно неестественно. Девушка положила ладони на его щеки и, привстав на цыпочки, принялась покрывать поцелуями лицо.

«Вот это галлюцинации...» – только и смог подумать он. Похоже, Дениза все-таки права, ему действительно пора жениться. Хотя лазарет для душевнобольных определенно подойдет ему больше. Интересно, передается ли такое помешательство по наследству?

– Да что же вы, смерти моей, что ли, хотите? – прошипела девушка, и на ее лице отразилось выражение самого настоящего отчаяния.

Смерти галлюцинации, пусть даже такой ненормальной, Дайон не хотел. Поэтому пристроил руки на ее талии и даже коснулся губами собранных в пучок волос, хотя на поцелуй это походило мало.

– Так уже лучше, – похвалила она. – Только будьте как-то поактивнее. Вы что, женщину никогда не целовали?

Целовал или не целовал... Разницы никакой. Женщины появлялись в жизни Дайона столь же быстро, сколь и исчезали. Никаких чувств, ничего, что принято называть «отношениями». Все предельно просто и ясно. Встретились – разошлись. В свою жизнь герцог Левансийский никого не впускал. Иногда на балах ему приходилось танцевать с романтически настроенным барышнями (а герцогский титул и прилагающаяся к оному сокровищница весьма способствовали романтическим настроениям среди юных особ женского пола, да и не очень юных тоже). В таких случаях он предпочитал смотреть сквозь партнершу, не замечая и даже не запоминая лица. Существовала вероятность, что при такой памяти ему придется опознавать выбранную жену по случайно оброненной ею вещи: платке или туфельке.

Галлюцинация все еще требовательно смотрела на Дайона, и он вдруг обнаружил, что у нее огромные синие глаза. Не голубые, не серые, а именно ярко-синие, опущенные длинными черными ресницами. Девушка раздраженно махнула ими, и герцог опомнился.

– И «да», и «нет» прозвучат одинаково глупо, вы не находите? – язвительно поинтересовался он.

– Я не прошу вас отвечать! – парировала незнакомка. – Неужели вам так сложно просто взять и поцеловать симпатичную девушку?

– Разумеется нет, особенно если она об этом просит! – галантно уверил ее Дайон, а сам подумал, что в данном случае, в отличие от танцев, лицо запомнит точно.

Уж слишком необычным было все происходящее. Одной рукой он притянул настойчивую незнакомку к себе, вторую положил на ей затылок, чтобы девушка вдруг не передумала. Она выдохнула и закрыла глаза, задирая голову так, чтобы ему удобнее было выполнить просьбу. Дайон склонился, легко коснулся губами ее губ. Топот копыт невдалеке заставил его остановиться. Девушка вздрогнула, открыла глаза и сама притянула мужчину к себе, напряженно впиваясь в губы.

– Эй, вы! – послышался грубый окрик.

Девушка еще сильнее вжалась в Дайона. Герцог с иронией подумал, что, если бы не видимость романтики, партнерша наверняка притянула бы его к себе за уши.

Не прерывая своего занятия, он осторожно бросил взгляд из-под ресниц, мгновенно узнал легкие кольчуги и серые короткие плащи, обязательные для городской стражи. Интересно, почему девушка скрывается от них, еще и таким экстравагантным образом. Желая разобраться во всем самостоятельно, Дайон скользнул рукой по спине партнерши, имитируя страсть. Та призывно застонала и удвоила усилия.

Стражники переглянулись.

– Поехали отсюда, – пробубнил один. – Сам видишь, от этих двоих мало толку!

– Думаешь? – скептически отозвался второй. – Девица-то под описание подходит!

– Невысокая, темноволосая... да у нас вся Левансия подходит! И даже ты!

– Да, но...

– Думаешь, девка, зная, что за ней погоня, будет миловаться со своим любимым в кустах у дороги?

Второй стражник кинул жадный взгляд на целующуюся пару. Похоже, он был из любителей подсматривать в замочную скважину. Дайон дал себе слово поинтересоваться у Ферранта, как происходит отбор в городскую стражу.

Сейчас ему оставалось либо приступить к выяснениям и тем самым разоблачить себя, либо продолжить изображать страстный

поцелуй. Он предпочел второе: не стоит, чтобы накануне выбора невесты по стране поползли слухи, что герцог Левансийский развлекается с девицами в придорожных кустах. Его ладонь медленно ласкала затылок незнакомки, пропуская густые шелковистые волосы между пальцами. Девушка напряглась, но старательно терпела подобную вольность.

– Да что ты застыл? – В голосе старшего из стражников послышалось недовольство. – Капитан Монтегю по голове не погладит, если узнает, что вместо ловли мятежников ты разглядываешь целующиеся парочки!

Дайон нахмурился. Он достаточно хорошо знал списки офицеров городской и замковой стражи, но не помнил, чтобы среди них фигурировал такой капитан.

– Ладно, поехали! – тем временем недовольно пробурчал второй стражник. Судя по жадным взглядам, он предпочел бы остаться и досмотреть действие до конца.

– Спасибо за помощь! – Как только стражники скрылись за поворотом, девушка моментально прекратила поцелуй. Достала платок и промокнула губы, словно стирая память о произошедшем. – Приятно было познакомиться, всего наилучшего.

Она попыталась выскользнуть из объятий, но герцог удержал.

– Не так быстро, милая девушка! Сначала вы расскажете, кто вы такая и почему убегали от городской стражи.

– Я? – она грозно сверкнула глазами, но сразу же опустила ресницы, скрывая этот блеск. – Меня зовут... Мадлен.

– Мадлен – и все? – Герцог не торопился выпускать пленницу.

– Да, все, – девушка очаровательно улыбнулась, отчего на щеках показались ямочки. – И от стражи я не убегала. Вы же сами слышали!

– Что они искали девицу, по описанию похожую на вас?

Дайон изогнул бровь. Он ни секунды не сомневался, что девушка назвалась вымышленным именем, и городская стража преследовала именно ее.

С видимым безразличием лже-Мадлен пожала плечами.

– Невысоких брюнеток так много, и среди них масса неблагонадежных девиц! – пожаловалась она тоном недовольной жизнью матроны. – Просто ужас, в какое время мы живем! А теперь извините, мне пора.

Она снова попыталась вывернуться, но безуспешно.

– Не извиню, – отрезал Дайон, усиливая хватку.

Девушка поморщилась от боли и прикусила губу, но он не стал принимать это во внимание.

– Что за преступление вы совершили?

– Я? Преступление? – Она широко распахнула глаза, смотря на мужчину кристально честным взглядом. Слишком кристальным и слишком честным. – Да как вы смеете! Я, может быть, в тысячу раз законопослушнее вас!

– Это было бы интересно, – хмыкнул герцог, который в некотором смысле сам и являлся законом на своих землях. – Только вот чтобы скрыться от преследования городской стражи, я не вешаюсь на шею первому встречному.

– Я и не вешалась! Просто вы мне понравились. С первого взгляда.

Дайон расхохотался:

– Неужели? Тогда почему вы так спешите покинуть меня?

– Потому что со второго вы мне разонравились! – Что-то в настроении девушки изменилось, и она гордо вздернула подбородок. – Да и целоваться не умеете!

– Вы меня ошеломили. Но мы можем попробовать еще раз, – обманчиво мягко предложил герцог. – Вдруг мне удастся исправить впечатление.

– Не думаю... – Она внимательно посмотрела куда-то поверх головы Дайона, в глазах мелькнуло нечто, похожее на испуг.

Герцог обернулся и тут же охнул от боли: воспользовавшись моментом, девушка от души пнула его по голени. От неожиданности он разжал руки, и лже-Мадлен моментально бросилась прочь, подхватив юбки. Однако Дайону не составило труда ее догнать.

– Ну вот что, раз сами вы признаваться не желаете, придется пойти со мной! – Он схватил пленницу за руку и направился обратно к дороге.

– Куда это? – возмутилась она, упираясь.

– В замок, разумеется, – бросил через плечо герцог, все еще злясь, что поддался на уловку очаровательной преступницы.

Признаться, девушка была хороша. Совсем юная, невысокая, темные кудри обрамляли нежный овал лица, совершенство которого не

портила даже ямочка не подбородке, брови вразлет и огромные глаза, сейчас смотревшие на герцога с лютой ненавистью.

– В замок?! Значит, вы из этих? – Она словно выплюнула последнее слово.

– Из этих, – холодно откликнулся Дайон, понятия не имевший, что именно она имела в виду, но невольно покоробленный неприкрытым презрением, прозвучавшим в ее голосе.

– Надо же, а с виду приличный человек! – процедила пленница.

На это герцог ничего не ответил, лишь недоуменно приподнял брови. В его собственном представлении, сейчас, без камзола, жилета и в перепачканных брюках, он выглядел как угодно, но только не прилично.

Спорить с пленницей по этому поводу он не стал – и так прошло слишком много времени, и слуги могли в любой момент обнаружить его отсутствие.

Девушка сопротивлялась изо всех сил, что чрезвычайно затрудняло продвижение. В результате потерявший терпение Дайон просто взвалил ее на плечо и зашагал по дороге, гадая, как воспримет замковая стража его эффектное появление.

– Отпустите! – пленница замолотила кулачками по спине похитителя.

– Вам лучше смириться и подумать, что вы скажете дознавателям, – посоветовал он, удерживая девушку, чтобы она не пнула его ногой.

– Что вы меня похитили и надругались! – процедила она сквозь зубы.

– Вряд ли вам это поможет, – хмыкнул Дайон. – Особенно если вспомнить, что нас видели городские стражники... Кстати, вы не знаете, кто такой этот капитан Монтегю?

– Такой же мерзавец, как и вы! – выпалила она.

– Весьма исчерпывающее объяснение. – Герцог поправил свою ношу и зашагал дальше.

Внезапно небо озарила очередная вспышка. Огненный шар пролетел над верхушками деревьев, едва не опалив листву. Это заставило герцога приостановиться, но хватку он не ослабил.

– Что у вас здесь творится, черт возьми?! – зло воскликнул он, каким-то шестым чувством понимая, что девушка знает о

происхождении магических фокусов больше его.

Интуиция не подвела.

– Можно подумать, вы вчера родились! – ощерилась она. – И не говорите, будто ни разу не видели, как ведут бои Одаренные!

– Одаренные? – Слишком удивленный, он поставил лже-Мадлен на ноги, внимательно всмотрелся в лицо. – Но... такого не случилось целых девять лет!

– Девять? – настала очередь девушки удивляться. – Вы что, с луны свалились?

– Скорее, явился из-под земли, – глухо откликнулся герцог.

Глава 2

Несколько мгновений они стояли, недоверчиво смотря друг на друга. Герцог почувствовал, как виски опять начинает ломить от боли. Он поморщился и огляделся в поисках укрытия: следовало как можно скорее разобраться в происходящем, а вести беседу посреди дороги неблагоприятно. Подходящего убежища не обнаружилось, лишь придорожные кусты, за которыми через небольшую прогалину темнел лес. Что ж, лучше, чем ничего.

– Пойдемте.

Он снова потянул девушку за руку.

– Куда это? – насторожилась она.

– Расскажите мне все.

– С чего вдруг? – фыркнула она.

Дайон приподнял бровь. Уже много лет никто не смел разговаривать с герцогом Левансийским в таком тоне. Он смерил нахалку гневным взглядом и молча направился к кустам.

– Отпустите! – девушка опять принялась сопротивляться, на этот раз гораздо отчаяннее, чем прежде. – Да по какому праву?!

Хотелось съязвить что-нибудь о правах господина и феодала, но герцог сдержался.

– У меня есть все права!

Продолжить Дайон не успел. Из лесу показалось несколько мужчин. Трое из них сжимали в руках короткие мечи, а вокруг пальцев четвертого переливались магические искры.

– Отпусти ее! Немедленно!

Понимая, что силы не равны, герцог с досадой разжал руки.

– Анри! – лже-Мадлен подбежала к одному из мужчин и встала рядом. Судя по некоторому сходству, это был ее родственник, скорее всего, брат. – Что так долго?

– Стражники. Решили прочесать лес, пришлось отсиживаться в пещере.

– А это кто? – пробасил второй, внимательно рассматривая Дайона.

– Понятия не имею! – Девушка зло тряхнула головой. – Встретился по дороге и поволок в кусты.

– Что? – Анри двинулся к пленнику. Стоящий рядом мужчина попытался удержать его, но парень повел плечом, сбрасывая ладонь. – Да что ты себе позволяешь?

– Уверяю, лишь то, что предложила мне ваша сестра, – утомленно отозвался герцог. – Хотя, признаться, целуется она неумело.

Анри проревел нечто невразумительное и ударил Дайона в челюсть. Не привыкший к такому обращению, герцог не успел уклониться. Перед глазами заплясали яркие мушки, он непроизвольно потянулся к поясу, где обычно висел меч, но тут же получил кулаком в живот.

Пронзительная боль заставила согнуться пополам, дыхание перехватило. Дайон почувствовал, как ему заламывают за спиной руки: видимо, дружки Анри решили внести свою лепту в дело чести лже-Мадлен.

Герцог попытался вырваться, но не добился ничего, за исключением пинков. Солоноватый привкус во рту подсказал, что Дайон по давней привычке прикусил губу до крови, лишь бы не застонать вслух.

Сколь ни удивительно, прервала все это безобразие именно лже-Мадлен.

– Стойте! Прекратите! – закричала она, с силой притопнув при этом ногой.

– С чего это? – мрачно повернулся в ее сторону братец.

– Досадно, что приходится напоминать вам об этом, но четверо против одного – это совсем непохоже на правила честного боя. А кроме того, он сказал правду.

От неожиданности Анри вздрогнул, а затем грозно нахмурился:

– Что ты хочешь этим сказать?

Воспользовавшись замешательством, Дайон осторожно выпрямился, гадая, насколько сильны повреждения. Вроде бы били его достаточно аккуратно.

Под пристальными взглядами мужчин виновница происходящего слегка потупилась.

– Нет, целуюсь я хорошо! – первым делом заявила она. – Но я действительно первая его поцеловала.

– Да с какой же стати?! – взорвался Анри. – Что ты о себе возомнила? Какое ты имеешь право целоваться с первым встречным, даже не узнав мнение ближайших родственников на этот счет?

Дайон полагал, что сейчас девица объяснит, как все происходило на самом деле. Но вместо этого она, совершенно взбешенная, подошла вплотную к брату и уперла кулачки в бока. Под ее убийственным взглядом Анри непроизвольно опустил плечи, и Дайону даже стало немного его жаль. Исключительно в силу мужской солидарности.

– Я ничем не хуже тебя и всех остальных, – отчеканила она. – Я – самостоятельный человек, и сама решаю, с кем целоваться, сколько и когда. Если захочу, я еще и отдамся ему здесь и сейчас, и ты даже пикнуть права не имеешь, понял?

Лже-Мадлен решительно повернулась к Дайону, который уже готов был допустить, что девица сейчас и правда сама потащит его в давешние кусты. Причем пикнуть при этом не посмеет не только ее братец, но и сам герцог.

– Ладно, ребята, свои семейные вопросы будете решать потом, – не сердито, но твердо прервал их мужчина постарше. Он не принимал участия в потасовке, вернее, избииении, а держался немного поодаль. – Сейчас важно благополучно вернуться. Мы не знаем, когда стражники снова окажутся здесь.

– А с ним что делать?

Анри кивнул на герцога.

Старший повернулся к Дайону, пристально посмотрел ему в глаза. Нахмурился, словно пытаюсь вспомнить, где он мог видеть этого человека.

– Кто ты такой?

Вопрос был задан не враждебно, можно даже сказать, по-хорошему, но Дайон понял, что ступил сейчас на очень скользкую почву. Как ответить? Назвать свое подлинное имя? С одной стороны, весьма вероятно, что эти люди, кем бы они ни были, не рискнут связываться с самим герцогом Левансийским, и в этом случае его слово решит проблему. С другой, человек его положения – весьма лакомая добыча для преступников, а повстречавшаяся ему компания точно не в ладах с законом. И, наконец, кое-что из услышанного представлялось ему настолько странным и подозрительным, что раскрывать инкогнито не хотелось вдвойне.

– Дворянин, – сказал он, твердо глядя в глаза спрашивающего. – И подданный Левансии.

На всякий случай Дайон сцепил руки, вроде бы от нервозности, и незаметно повернул кольцо герцогской печатью внутрь.

– Это, конечно, хорошо, – усмехнулся мужчина. – Я и сам вижу, что ты не крестьянин. А имя свое не назовешь?

– Ну вы ведь тоже не спешите представляться, – откликнулся Дайон.

– Резонно. Зови меня Жюст. Однако я неплохо знаю местное дворянство. И тех, кто переметнулся, и тех, кто остался на стороне молодого герцога. А вот твое лицо мне незнакомо. Хотя что-то едва уловимое есть... Может, мне и доводилось встречать кого-то из твоих родственников. Но тебя я точно вижу впервые.

– Я прибыл издалека. Порталом, – отозвался Дайон, уже чувствуя, что в его словах много ужасной правды, но стараясь пока не развивать едва уловимую мысль. Не ровен час разум взорвется от подобного. – Мой маг что-то перепутал, и я оказался не там, где следовало.

Мужчина покивал, но, кажется, не поверил ни единому слову. Правильно сделал. Дайон бы тоже не поверил, поменяйся они местами.

– Неудачно же тебя закинуло, – хмыкнул Одаренный, до сей поры помалкивавший.

– Да уж. И сам не рад, – в тон ему отозвался герцог.

Опытный переговорщик, он легко подмечал то, что позволяло расположить противников к себе и сделать их если не союзниками, то не врагами.

– А куда изначально собирался? – будто невзначай продолжил маг.

– Ну... на свидание. – Дайон брякнул первое, что пришло на ум.

– На свидание? – Анри наигранно рассмеялся.

Герцог смерил его ледяными взглядом:

– Могу я поинтересоваться, что вас так насмешило?

– А как имя той, с кем вы собирались встретиться? – настаивал Одаренный.

Дайон покачал головой:

– Вы же понимаете, что требуете от меня слишком многого? Дама замужем...

– Да врет он все! – нетерпеливо фыркнул Анри. – Посмотрите на него! Разве в таком виде к дамам ходят? Ну разве что разделся сразу, чтобы даром время не терять!

Старший из четверых задумчиво взглянул на герцога.

– Назовите имя дамы, – потребовал он.

Дайон скрипнул зубами.

– Мод. Мод Уиллок, – ляпнул он, вспомнив симпатичную хозяйку самой популярной городской таверны.

Хохотушка Мод, как звали ее в городе, кокетничала напрапалую, и герцог Левансийский не был исключением.

Лже-Мадлен покачала головой, а мужчины переглянулись. Дайону очень не понравились эти взгляды.

– Мод Уиллокс полгода как умерла, а ее внучка слишком юна, чтобы крутить амуры с таким, как ты, – проинформировал старший. И повернулся к товарищам: – Надо уходить. Придется взять его в лагерь.

– Может, проще убить? – предложил кто-то.

– Это всегда успеется. – Думаю, сперва стоит допросить.

– И как мы его поведем? – с сомнением протянул Анри. – Стоит кому-нибудь увидеть, что с нами пленник, возникнут ненужные вопросы. Да и всем вместе показываться не стоит.

– А может быть, мы просто разойдемся каждый своей дорогой? – с иронией предложил герцог.

Его коробило от этого разговора, как и от самой ситуации. Сбитая скула все еще саднила, а мышцы до сих пор помнили удары.

– Исключено. – Старший покачал головой. – Ты слишком много знаешь, парень!

Дайон хотел возразить, что он вообще ничего не знает, да и «парнем» его называть поздновато, но чувство самосохранения взяло верх, и он благоразумно промолчал.

– Мадлен, свяжи его! – приказал Анри, кидая сестре свой пояс.

– Почему я? – возмутилась девушка.

– Потому что ты его привела!

– Я могу и уйти! – спокойно предложил Дайон, порядком устав от идиотизма ситуации. – И тогда у вас не будет повода для ссоры.

– Ну уж нет! Отпусти мы тебя, ты вернешься со стражей! – возмутился Анри.

– Даже если и так, вас-то здесь уже не будет! – резонно возразил герцог, теряя терпение. Обычно, его слова не подвергались сомнению, и сейчас он устал объяснять очевидные вещи.

– Увы, ты нас видел и сможешь узнать, – вмешался старший. – Извини, приятель, но тебе придется пойти с нами.

Он взял пояс из рук Анри и лично связал руки пленнику.

– Идемте, мы и так потеряли много времени, – поторопил Одаренный.

Он первым скрылся в кустах. Не выпуская из рук конец пояса, которым были связаны запястья герцога, второй разбойник направился за ним, и Дайону не оставалось ничего иного, как брести следом.

Не привыкший ходить пешком по лесу, он то и дело спотыкался о корни, пару раз нога угодила в яму, и только высокие жесткие голенища сапог спасли его от вывиха лодыжки. Каждый раз Дайон дергался, и ремень впивался в запястья.

– Ты совсем стыд потеряла! – бубнил за спиной Анри. Как только они отошли достаточно далеко от дороги, он возобновил выяснение отношений с сестрой. – До начала Смуты ты была приличной девушкой. Мать с таким нетерпением ждала твоего первого выхода в свет! Что бы она сказала, если бы увидела, как ты ведешь себя теперь?

– Не смей прибегать к памяти мамы, чтобы мной манипулировать! – огрызнулась лже-Мадлен, бойко переступавшая через широкие корни и ловко уклонявшаяся от колючих веток. – Весь мир изменился за последние полтора года, и никто из нас не остался прежним. Но маме было бы чем гордиться, я тебя уверяю! Балы, наряды – это все мишура, а мы сейчас занимаемся настоящим делом.

Мысли Дайона словно потекли в замедленном темпе, предоставляя мозгу возможность осмыслить то, что происходило вокруг. Слишком сильно напоминали речи об изменившемся мире и людях его собственные беседы с Денизой, касавшиеся времен Смуты, того, что эта эпоха сотворила с каждым из них. И вот теперь это «до начала Смуты»... Судя по разговору, лже-Мадлен было тогда лет пятнадцать. Но она и сейчас совсем молода, Дайон никак не дал бы ей больше семнадцати. В то время как с начала Смуты прошло целых девять лет! Что, черт побери, творилось вокруг? Будто он попал в книгу или оказался главным действующим лицом в представлении комедиантов. Вот только он не соглашался на все эти роли, а

происходящее выглядело уж слишком реальным. Подошва сапога скользнула по мокрому мху, нога поехала в сторону, и Дайон чуть не упал. Ремень с силой врезался в кожу, и герцог привычно закусил губу, сдерживая стон.

– Ну, что там такое?

Его конвоир обернулся.

– Могу я спросить одну вещь?

– Да, – чуть поколебавшись, ответил тот. – Надеюсь, не про пароли, явки или наши настоящие имена. На такие вопросы ответа не будет, сам понимаешь.

Герцог даже не стал отвечать на такие предположения, тем более что пароли интересовали его сейчас в последнюю очередь. Ужасная догадка парализовала не хуже яда или магического заклинания, а на лбу выступила испарина.

– Какой сейчас год?

Язык ворочался с трудом, а голос прозвучал глухо, как будто издали.

– Ты что, умом тронулся? – фыркнул Анри.

– Подожди, он ведь и раньше что-то такое странное говорил, – припомнила лже-Мадлен.

– Вы можете просто ответить на мой вопрос?

Что-то в голосе пленника заставило остальных вздрогнуть.

– Семьсот девятый, – торопливо ответил старший.

Дайон почувствовал, как сердце рухнуло в бездну. Этого не могло быть. Этого просто не могло случиться по определению. Когда он выходил из замка, на дворе стоял апрель семьсот восемнадцатого.

Голову вновь сжало тисками, приступ подкатил с новой силой. В глазах потемнело, и герцог оступился, не заметив узловатого корня, торчавшего из-под земли. Он едва удержался на ногах, не без помощи подоспевшего вовремя Анри.

– Точно болезный, – обернулся к товарищам тот.

– Эй, вы как себя чувствуете? – обеспокоенно спросила девушка.

– Идеально, – отрезал герцог тем ледяным тоном, которого так опасались его придворные.

Лже-Мадлен отпрянула, будто ее окатили холодной водой. Это радовало: хоть что-то осталось неизменным в этом новом, совершенно неизнаваемом мире. Анри открыл было рот, желая одернуть обидчика

сестры, но встретился взглядом с ледяными глазами герцога, и так и не смог подобрать нужных слов. Дайон почувствовал мрачное удовлетворение. Но длилось это состояние недолго. Одаренный вдруг снял с шеи платок и подошел к герцогу.

– Думаю, так будет надежнее, – пояснил он, завязывая пленнику глаза. Тот скривился, но промолчал, опасаясь, что следующий платок будет использован в качестве кляпа.

– Идем!

Ремень опять врезался в запястья, вынуждая двинуться вперед.

Они шли медленно и очень долго. Дайон заподозрил, что его намеренно водят кругами, чтобы он запутался окончательно. Во всяком случае, сам бы он поступил именно так, если бы хотел скрыть местоположение лесного лагеря. Наконец, все остановились. Повязка упала с лица и перед взором герцога предстала непролазная чаща. Он удивленно моргнул. Никогда раньше Дайон не видел такого сплетения веток. На первый взгляд складывалось ощущение, что вокруг стояли несколько огромных перевернутых вверх дном корзин. Чуть позже герцог сообразил, что это – палатки. Его сестра иногда применяла подобную магию, чтобы украсить сад к чаепитию. Впервые она воспользовалась такой магией год назад, буквально вырастив клетку вокруг покушавшегося на Раймонда преступника. Вернее, *много лет вперед*, если то, что ему сказали, было правдой. Дайон понял, что окончательно потерялся во времени.

Глава 3

– Что замер, идем!

Конвоир опять дернул ремень. Герцог скрипнул зубами. Ему порядком надоело изображать собаку на сворке, и он открыл было рот, чтобы высказаться по этому поводу, но решил повременить: вокруг пришедших начали собираться жители лагеря. В большинстве своем – женщины и подростки, хотя к ним присоединилось и несколько мужчин.

Под их настороженными взглядами Дайон невольно напрягся, хотя он и привык к вниманию толпы. Но одно дело знать, что рядом с тобой находятся стражники, готовые по первому зову кинуться на защиту своего господина, а совершенно иное – вот так стоять, со связанными руками, понимая, что здесь за тебя никто не вступится.

Ребра заныли, напоминая о полученных недавно тумаках. Он почему-то поискал глазами лже-Мадлен, но девушки нигде не было. По всей видимости, она ушла к себе.

– Кого это ты привел, Жюст? – тем временем поинтересовалась высокая женщина с собранными на макушке волосами.

– Да вот, встретили на дороге, – отозвался конвоир Дайона, – говорит, что шел к любовнице и отказывается называть имя.

– Чье, свое?

– Нет, любовницы. Свое, впрочем, тоже не назвал.

– Не помню, чтобы кто-то его спрашивал, – холодно отозвался Дайон.

– Считай, что спросили, – хмыкнула женщина.

Герцог смерил ее равнодушным взглядом и обернулся к своему конвоиру:

– Это допрос?

– Пока еще нет, – качнул головой Жюст.

Он хотел добавить что-то еще, но к нему подскочил мальчишка, протягивая смятое письмо. Жюст развернул послание, прочитал и нахмурился.

– Похоже, допрос придется отложить. – И он быстрым шагом направился к лесу, коротко бросив напоследок: – Заприте его!

Последние слова предназначались Анри и его товарищам. Они тут же обступили герцога.

Одаренный присел на корточки и приложил ладони к земле. Дайон хмуро наблюдал, как ветки кустов сплетаются между собой, образуя огромную не то корзину, не то клетку. Прочные прутья скрывались за разраставшимися на глазах листьями.

– Заходи!

Приказ заставил герцога опомниться. Окинув провожатых тяжелым взглядом, от которого те невольно попятились, Дайон шагнул в палатку. Одаренный освободил его руки от пут.

Затем немного поколдовал над входом – и прутья срослись, превратив временное пристанище герцога в своеобразный цельный кокон без дверей.

Дайон хмыкнул и присел на землю, облокотившись спиной о сплетенные между собой ветки. Головная боль потихоньку прошла, сменившись легким покалыванием в висках. Силясь понять, что же с ним все-таки произошло, герцог задумчиво рассматривал листву и боялся сделать окончательный вывод. Тому, что случилось, было лишь два возможных объяснения. Вариант первый: он все-таки сошел с ума. Сколько бы ни твердили лекари о том, что его приступы носят совершенно иной характер и не могут привести к подобным последствиям, даже самый искушенный эскулап способен на ошибку. Даже Кале, спасший в свое время Денизу.

В свое время целитель долго общался с герцогом, но все-таки сдался, объяснив, что все светочи мира бессильны, пока его светлость не сможет сам освободиться от своего прошлого. Дайон криво усмехнулся воспоминаниям. Двухлетнее заточение в юном возрасте не прошло бесследно. Его мучили кошмары и жуткие головные боли. Поэтому он мало спал и много работал на благо Левансии и своих подданных. Будто таким образом можно было компенсировать кровь, пролитую за него во время Смуты.

Возможно, его разум не выдержал и дал трещину. Скорее всего, прямо сейчас он лежит в своей постели, вокруг мечутся слуги, встревоженная Дениза сидит на краю кровати, а Дайону мерещатся взрывающиеся шары и лес, полный повстанцев.

Он даже ущипнул себя за руку и попытался представить ту, замковую, реальность, подобно тому, как пытается проснуться

человек, осознающий, что происходящее – всего лишь сон. Увы, не сработало. Прутья темницы не исчезли, шум лагеря не стих.

Это заставило его переключиться на второй вариант, невероятный, но, если вдуматься, тоже возможный: он действительно попал в прошлое. Герцогу доводилось слышать о перемещениях во времени и даже читать упоминания о них в древних научных трудах и исторических хрониках. Явление было столь редким, а его описания – столь размытыми, что Дайон никогда не воспринимал такие истории всерьез. Он относился к ним как к легендам, каковым не придавал особого значения. Однако, если исключить вариант сумасшествия, вывод напрашивался сам собой.

Он переместился в эпоху Смуты, слишком уж много деталей на это указывало. Магические взрывы над городом, лагерь в лесу, разговоры жителей лагеря, даже одежда тех, кто взял его в плен. Дайон хорошо помнил охотничьи кожаные куртки со шнуровкой, призванные подчеркнуть белизну рубашек. Они вошли в моду совсем незадолго до начала смутного времени. Отец щеголял в такой за обедом, клятвенно уверив мать, что переоденется к ужину.

В тот день ужинать они так и не сели. Вечером замок был охвачен бунтом. Отец погиб с оружием в руках, что стало с матерью, Дайон так и не узнал. Вернее, предпочитал не знать, опасаясь, что ни он, ни Дениза не выдержат всей правды. В любом случае родители были мертвы. А его провозгласили герцогом и кинули в подземелье... Виски опять сдавило. Дайон прикрыл глаза, намереваясь мученически переждать боль.

Но громкий шепот за спиной вывел его из состояния болезненной полудремы.

– Эй! Незнакомец! Эй! Вы что, спите?!

Судя по интонации, с которой была произнесена последняя фраза, эта догадка вызвала глубочайшее возмущение лже-Мадлен.

– Уже нет, – хрипло отозвался Дайон, с трудом открывая глаза. Свет, проникавший сквозь листву показался очень ярким, а щебечущие над головой птицы – слишком громкими.

– Как можно спать в заточении? – продолжала недоумевать девушка.

Дайон повернулся на звук, но лицо говорившей скрывала густая листва.

– А что, по-вашему, еще можно делать в заточении? – сварливо отозвался он.

За прутьями захрустело, словно девушка переступила с ноги на ногу.

– Ну, не знаю... Думать о смерти, например.

– Благодарю покорно. У меня было два года на это занятие. Оно порядком мне надоело. Вы что-то хотели? – поспешил спросить он, дабы не развивать скользкую тему. – Или пришли только затем, чтобы выяснить, думаю ли я о смерти в такое время?

Молчание и частое, сердитое дыхание с той стороны.

– Зачем вы хотели надо мной надругаться? – выпалила она наконец.

Не сдержавшись, Дайон рассмеялся, хотя обстоятельства не слишком способствовали веселью. За листвой обиженно засопели.

– Простите. – Герцог постарался взять себя в руки. – Но это самый нелепый вопрос, который мне доводилось слышать.

По логике вещей теперь девушка должна была обидеться окончательно, но, видимо, она в принципе не имела привычки поступать предсказуемо, поскольку на этот раз вполне спокойно ответила:

– Пожалуй, вы правы.

После такого Дайон почувствовал, что должен тоже пойти ей навстречу.

– Не собирался я над вами надругаться, – примирительно произнес он. – Просто хотел поговорить.

– В кустах? – фыркнула девушка.

– Согласен, вышло не слишком удачно. Но тащить вас в замок было слишком сложно, к тому же, верите или нет, мне не доставляет удовольствия применять силу к юным девицам. Я решил, что лучше разобраться во всем сразу. Но надо было по меньшей мере сойти с дороги, чтобы не привлекать внимания стражников и случайных путников. Только и всего.

Тяжелый вздох был ответом.

– Выходит, я вас подставила, верно?

– Что вы имеете в виду?

– Не появись я, вы бы спокойно пошли к этой своей любовнице, а потом вернулись домой...

– Возможно.

Дайон не считал нужным отрицать предложенную девушкой версию.

– Скажите хоть, как вас зовут, – предложил он затем.

Попытки разглядеть лицо девушки за прутьями и листвой оставались бесплодными, и герцог сел ровно, глядя внутрь своей «камеры».

– Вы же знаете, – прозвучало с той стороны, впрочем, не слишком уверенно.

– Поверьте: имя «Мадлен» совершенно вам не подходит, – хмыкнул Дайон.

Девушка хихикнула.

– Так уж и быть: Виола, – призналась она. Помолчала еще немного, а потом выпалила: – Как вам не стыдно!

– Стыдно? И почему вдруг мне должно быть стыдно?

Герцог напрягся, подозревая, что его пытаются уличить во лжи. Не исключено, что появление девушки и этот разговор отнюдь не случайность, а где-то поблизости находится Анри или сам Жюст, внимательно прислушиваясь к их разговору. Во всяком случае, Феррант Руаж наверняка так бы и поступил. Кстати, интересно знать, где он сейчас, в прошлом, – если это действительно прошлое.

– Потому что вы с вашей любовницей обманываете честного человека! – выпалила Виола.

– Что? – опешил Дайон.

– Портал, тайна имени... а о муже вашей любовницы вы подумали? Каково ему?

– Знаете, я как-то не привык думать о других мужчинах и об их комфорте, – извиняющимся голосом произнес герцог.

– Ну, разумеется! Вы же думали только о собственном удовольствии! Вы – эгоист! – припечатала девушка.

Дайон несколько мгновений осмысливал услышанное, а потом снова расхохотался. По всей видимости, это оскорбило собеседницу.

– Вы... – прошипела она, не в силах сразу подобрать нужный эпитет. – Вы...

Герцог приготовился слушать, что же еще она придумает, но тут неподалеку раздались голоса:

– ...на краю поляны. Жюст приказал привести его.

Виола ойкнула и поспешила ретироваться.

Дайон вздохнул и покачал головой. Виола чем-то напоминала ему сестру. Такая же порывистая и непредсказуемая. И юная... Слишком юная. Погруженный в раздумья, он не пропустил момент, когда прутья его темницы раздвинулись, и в камеру вошли двое: все тот же Одаренный и еще один повстанец, незнакомый герцогу.

– Пойдем! – прозвучал короткий приказ.

Ему связали руки и снова куда-то повели. К счастью, на этот раз путь был недолгим. Они пересекли поляну, в центре которой тлели угли кострища, а по бокам лежали поваленные деревья – своеобразное место сбора всех обитателей лагеря. Несколько палаток, наподобие той, в которой держали Дайона, располагались у края леса. Только они были гораздо больше по размеру, и вход закрывали не прутья, а плотная ткань, которую Одаренный отодвинул в сторону:

– Заходи!

Дайону пришлось пригнуться, чтобы переступить порог. Его конвоиры предпочли остаться снаружи, но руки пленнику так и не развязали. Выпрямившись, герцог огляделся. Палатка была обставлена с комфортом: походная кровать сродни той, которую иногда использовал сам Дайон в путешествиях, сундук у стены, складной стол и несколько стульев, на одном из которых сидел Жюст.

Вне всяких сомнений, он не успел передохнуть с дороги: та же одежда, те же изрядно запылившиеся сапоги, волосы основательно взъерошены, а под глазами залегли тени. Дайон полагал, что и сам выглядит не лучше.

– Присаживайся! – Жюст первым нарушил молчание.

Герцог опустился на стул, выжидаяще глядя на повстанца.

– Ну что, давай попробуем еще раз? – предложил Жюст. Благодарно кивнул молодому парню, который подал ему кружку с горячим, если судить по струйке пара, напитком. – Можешь идти, Мэтью, дальше я сам.

Тот отступил и прислонился спиной к прутьям, решительно сжав губы.

– Ладно, как знаешь, – фыркнул Жюст, сам, по-видимому, не считавший, что нуждается в охране.

В груди неожиданно защемило. Паренек, безгранично преданный своему господину и стремящийся услужить даже там, где его об этом

не просят, чем-то напомнил Дайону его собственных людей: Юрбента, Ферранта, Теодора... Больно кольнуло сознание, что он может никогда не вернуться в привычное и само собой разумевшееся общество обитателей замка.

– Итак, как, ты говоришь, тебя зовут? – спросил Жюст, инстинктивным жестом приглаживая растрепавшиеся волосы.

– Виконт Йонатан де Грандье, – Дайон успел продумать ответ на этот вопрос, пока сидел взаперти. Род де Грандье прервался во время Смуты, и даже если кто-то начнет выяснять подноготную незнакомца, то вряд ли сможет разузнать что-либо наверняка.

– Неужели? Ни больше, ни меньше – виконт? – издевательски протянул Жюст.

– Именно. И, может быть, оставим этот панибратский тон? Признаться, не люблю бесцеремонность.

Жюст усмехнулся. Подпер подбородок сплетенными пальцами.

– Неужели? Интересно, а сам ты никогда не переступал границ дозволенного?

– Переступал. – Дайон скривился. – Неоднократно. Поэтому и не люблю.

– Ну хорошо. Хотя со многими здесь *вам, ваша милость*, в этом плане придется труднее, чем со мной... Если, конечно, проживете достаточно долго, чтобы завести знакомства среди моих людей.

– Угрозы я тоже не люблю, – заметил Дайон и, чуть подавшись к собеседнику, добавил: – Особенно пустые.

– Пустые я и сам не жалую, – серьезно ответил Жюст, и несказанные слова камнем упали между собеседниками. Они с минуту сверлили друг друга взглядами, потом Жюст нехотя кивнул.

– Продолжим. Свое происхождение, как я понимаю, вы не скрываете. А положение в обществе?

– Дворянин на службе.

Об этом Дайон тоже успел подумать. «Присвоить» себе более значимый статус нельзя: судя по всему, Жюст и сам был из таких дворян, и оказаться выше по положению было нежелательно. Это могло вызвать ненужную злобу и излишние подозрения в шпионаже.

– Странно, что мы незнакомы, – завел прежнюю песню Жюст.

Герцог скептически приподнял бровь.

– Вы лично встречались со всеми виконтами королевства? – едко осведомился он.

– Вы сказали, что являетесь подданным Левансии, а здесь я встречал всех.

– Подданным – да. Но я уже много лет живу в Эвендейле, – в который раз Дайон порадовался, что успел продумать ответы на вопросы. – Еще до Смуты мои земли были разорены дедом, отец не смог поправить дела, и я устроился на службу к эрлу.

– Хороший ход, – похвалил Жюст, не отрывая от герцога пристального взгляда.

– Устроиться на службу к Ковентеджу?

– Нет, сказать, что вы живете в Эвендейле.

– Попробуйте доказать, что я лгу.

– Вы не хуже меня знаете, что Раймонд Ковентедж сейчас далеко, к тому же оплакивает недавно почившую от лихорадки супругу. А поскольку отношения Левансии с Эвендейлом и до Смуты были весьма гм... натянутые, проверить ваши слова нам вряд ли удастся.

– В таком случае, вам придется верить мне на слово.

– Или не верить. Как вы попали в наши края?

– Я ведь уже говорил: порталом.

Дайон отлично знал, что подобные повторы – нормальная практика при ведении допроса. Застань человека врасплох, поймай на ошибке – и можно считать словесный поединок выигранным.

– Зачем вам понадобился портал?

– И это я тоже уже говорил. Визит к даме.

– Да-да, я помню. Вы сказали, что это Мод Уиллкок? Которая из двух?

Дайон изобразил утомленный вздох. Впрочем, принять усталый вид было совсем несложно.

– Ни одна из них, как вы правильно заметили.

– Но вы же сказали...

Герцог выставил ладонь, обрывая допрашивающего на полуслове:

– Я сказал, что дама замужем. Как вы понимаете, называть ее настоящее имя я не собирался и не собираюсь.

– Думаете, мы на короткой ноге с ее мужем и можем разрушить семью?

– Думаю, что знакомство с вами будет для нее намного более опасным, чем гнев обманутого мужа.

– Неужели?

– Именно, – Дайон чуть наклонил голову. – В любом случае речь идет о даме, так что компромиссов не будет.

– Это говорит человек, который совсем недавно силой тащил женщину в кусты? – хмыкнул Жюст.

– Спрашивает человек, которому привычнее тащить в кусты мужчин? – парировал Дайон, демонстрируя связанные руки.

И снова знания расходились с делом. Он отлично понимал, что следовало держаться более сдержанно, но отказать себе в удовольствии от едкого ответа не смог.

На лице Жюста заиграли желваки, взгляд стал ледяным.

– Советую вам тщательнее следить за словами, – процедил он. – Ваша жизнь по-прежнему висит на волоске, и это не пустая угроза. Не бойтесь, что если я по-настоящему рассержусь, то попросту прикажу вздернуть вас на ветке?

– Не боюсь. – Дайон постарался придать своему голосу спокойствие, которого не испытывал. – Я неплохо разбираюсь в людях. Если вы прикажете меня повесить, это будет сделано ради безопасности ваших людей, а не из мелкой мести. Но на этот случай могу сказать одно: убейте меня – и вы проиграете. Все и навсегда.

– Не слишком ли много вы на себя берете? – осведомился, скривив губы, Жюст.

По лицу герцога скользнула мимолетная улыбка.

– Вы даже не представляете, насколько я точен в своих определениях.

Его оппонент собирался сказать что-то еще, скорее всего, оспорить смелое заявление допрашиваемого, но тут в палатку вбежал мужчина из лагеря, которого герцог прежде видел лишь мельком.

– Жюст, прибыл гонец из отряда Денизы Арсе! Говорит, срочные новости!

Стул с грохотом полетел на землю. Дайон вскочил, с тревогой взирая на вошедших:

– Что с ней?

– С кем? – не понял вошедший.

– С Денизой Арсе!

Видимо, в его интонациях было столько волнения и одновременно напора, что партизану не пришлось в голову придержать ответ при себе.

– Есть сведения, что герцога собираются везти в город! Теперь Руаж планирует напасть на карету, чтобы его освободить.

– Молчать! – опомнился Жюст.

Партизан спохватился и затравленно посмотрел на хмурившегося пленника.

Дайон не обратил на это внимания, пытаясь понять, откуда поступила информация. Он был совершенно уверен, что за два года заточения его ни разу не выводили за пределы замка. В разные периоды – небольшая тюремная камера в подземелье либо покои в башне с зарешеченным окном. Та же камера, только более комфортная. Иногда юному герцогу позволялось гулять во внутреннем дворе под неусыпным взором многочисленной охраны. Вот, пожалуй и все его перемещения.

Некстати вспомнились ледяные глаза ле Бриенна. И его бесконечные: «Подпишите, герцог! Это – на благо ваших поданных...» Голос звучал в мозгу так явно, что Дайона бросило в холодный пот. Усилием воли он взял себя в руки и взглянул на притихших повстанцев, напряженно следящих за пленником.

– Это – ловушка! – безапелляционно заявил он.

– Неужели? – сразу же усомнился Жюст.

– Подумайте сами, – раздраженно бросил Дайон. – С чего вдруг кому-то понадобилось перевозить герцога?

– Да кто его знает? – Партизан пожал плечами. – Может, показать ему что-то хотят.

– Что? – криво усмехнулся Дайон. – Красивый закат?

– Виселицу. Вчера на площади повесили троих наших, – Жюст скрестил руки на груди. – Возможно, мальчика хотят запугать.

– Да он и так напуган! – возразил Дайон. – Сидит в камере и трясется, как осиновый лист.

– Не смейте так говорить!

Кто-то бросился на герцога, едва не свалив его с ног.

– Мэтью, назад! – приказал Жюст, оттаскивая своего человека. – Если хочешь оставаться моим секретарем, будь добр вести себя сдержаннее! А ты запомни: таких слов я больше слышать не желаю, – жестко обратился он к пленнику. – Надеюсь, мы поняли друг друга?

– Вполне, – процедил герцог.

Мэтью снова замер у порога, опустил голову, но все равно зло сверкал глазами из-под длинной челки.

– Как это благородно: бить человека, у которого связаны руки, – криво усмехнулся Дайон, дождался, пока парень покраснеет и повернулся к остальным. – Послушайте, мне все равно, разделяете вы мое мнение о герцоге Левансийском или нет, но его никуда не повезут. Это – ловушка, и вы должны предупредить Денизу!

– Кого?

– Руажа. Или кто там за главного, – отозвался герцог, понимая, что едва не выдал себя.

– Что скажешь, Жюст? – подал голос партизан.

– Что нам не стоит обсуждать наши планы при посторонних, – отозвался тот, все еще разглядывая герцога. – Мэтью, прикажи, чтобы пленника увели!

Сколь ни сильно было его желание остаться, Дайону пришлось вернуться в камеру. Он с трудом дождался, пока конвоиры уйдут, а потом напускное спокойствие слетело с него, как не бывало. Герцог заметался по небольшому пространству, словно зверь в клетке.

Больше всего удручала неизвестность. За любую, самую незначительную новость о сестре Дайон отдал бы сейчас целое состояние.

Но состояния у него в данный момент, увы, не было, как не было и ни малейшей возможности узнать, что в итоге решили повстанцы. Оставалось лишь уповать на благоразумие Денизы. Дожила же она, в конце концов, до свадьбы с Ковентеджем.

На этих мыслях Дайон заставил себя успокоиться. Если он хочет вернуться обратно, в свое время, ему нужно сохранять хладнокровие. В конце концов, самообладание герцога Левансийского стало притчей во языцех.

Дайон горько усмехнулся. За последний день он вел себя настолько несдержанно и неблагоприятно, что, даже если слухи об этом дне не угаснут за девять лет, никто не поверит, что именно герцог Левансийский был в плену у повстанцев.

Он выдохнул и медленно опустился на землю, прижался спиной к пружинистым стенам своей тюрьмы. Следовало как следует обдумать допрос. Вспомнить каждую деталь, каждое произнесенное слово,

мимику Жюста, его жесты. Составить приблизительный психологический портрет здешнего командира герцогу, пожалуй, уже удалось. Но мысли путались, то и дело перескакивая то на сестру, то на невероятность всего происходящего. А вскоре стало и вовсе не до размышлений.

Лагерь гудел. Мужчины, женщины и подростки сновали туда-сюда. Передавали друг другу веревки и фляги, застегивали куртки, проверяли арбалеты, с премерзким звуком подтачивали лезвия кинжалов. Перекидывались на бегу короткими фразами. И в один прекрасный момент до слуха Дайона долетели слова:

– С отрядом Руажа встречаемся у развилки!

Дайон мысленно застонал. Идиоты, они не поверили его словам. Впрочем, он бы и сам не стал доверять непонятному незнакомцу, вывалившемуся из портала. Но он как минимум приказал бы Ферранту проверить сведения. Герцог обреченно посмотрел на связанные руки. На всякий случай дернул ими в надежде ослабить путы. Края ремня больно впились в кожу, но Дайон заметил, что между запястьями образовался просвет. Стиснув зубы, он, невзирая на боль, вновь и вновь пытался развести руки, но ремни оказались очень крепкими.

– Да чтоб его! – вспыхнул герцог.

Он подскочил к прутьям и, преодолевая боль в запястьях, схватился за них, намереваясь хорошенько потрясти. Магические искры полыхнули между пальцами, дерево рассыпалось пеплом. Дайон ошеломленно выдохнул. В отличие от сестры, он не умел контролировать свой дар. Кто бы мог подумать, что способности спонтанно проявятся в такой момент?

Разрушений хватило, чтобы герцог, обдирая кожу о ветки, выбрался из своего узилища, огляделся, и никем не замеченный, прошел к дереву, где стояли мечи. Клинки были остро заточены, и перерезать ремень, стягивающий руки, не составило труда. Растерев покрасневшие от попыток освободиться запястья, Дайон задумчиво осмотрелся, гадая, как предотвратить самоубийственный план Ферранта. Взгляд упал на Мэтью, торопливо прилаживающего к поясу ножны.

– Куда это ты собрался? – громкий голос Жюста заставил беглеца вздрогнуть. К счастью, Дайон стоял в тени деревьев, и командир

лагеря, слишком поглощенный сборами, просто не обратил внимания на бывшего пленника.

– Разве я неясно выразился? – Жюст подошел к своему секретарю вплотную. – Ты остаешься здесь!

– Но...

– Без всяких «но», Мэтью! Ты достаточно натворил дел, и тебе придется ждать нас в лагере! Это – приказ!

Жюст развернулся на каблуках и направился в сторону уже готового выдвинуться отряда. Насупившись, Мэтью стоял и смотрел им вслед до тех пор, пока последний партизан не скрылся в лесу.

– Интересно, что ты такое натворил, что теперь должен оставаться здесь, пока другие сражаются? – Дайон подошел и оперся плечом на дерево. Парень обернулся и подпрыгнул.

– Эй! Сюда! – Он хотел крикнуть, но голос сорвался.

Герцог улыбнулся.

– Спокойнее. Сам понимаешь, если бы я хотел сбежать или причинить тебе вред, то... у меня уже была такая возможность.

– Тогда зачем...

– Зачем я вышел из своей клетки? Все очень просто – я не хочу очередных жертв.

Мэтью усмехнулся.

– Говорите, как лорд Маркус Дегэйр.

Услышав ненавистное имя, Дайон вздрогнул, но сразу же постарался взять себя в руки. В конце концов, он точно знал, что узурпатор получил по заслугам.

– В одни и те же слова можно вложить разный смысл, – пожал плечами герцог.

– И какой же смысл вкладываете в них вы?

– Глупо попадать в ловушку, если тебя о ней предупредили.

Под пристальным взглядом пленника мальчишка чувствовал себя неуютно.

– Откуда мне знать, что вы не врете? – выпалил он.

– Хотя бы потому, что я до сих пор не сбежал. Послушай, парень, вашего герцога никуда не повезут. Они прекрасно понимают, насколько это рискованно. Одно дела – охраняемая тюрьма в охраняемом замке, и совсем другое – карета, сопровождаемая несколькими стражниками. Никто не станет делать этого без крайней необходимости. А уж если

бы она возникла, секретность соблюдали бы такую, что ни одна мошка не вылетела бы из замка, если она могла хоть что-то услышать!

Мэтью опустил голову, признавая правоту собеседника. Но тут же вскинулся.

– Но тогда... тогда надо их остановить! Надо сказать Жюсту!

Он ринулся было вперед, но Дайон ухватил его за рукав:

– погоди! Так ничего хорошего не выйдет!

– Но ведь они...

– Твой командир мне уже не поверил. Как ты собираешься его остановить? Что ему скажешь?

– Я... я... не знаю... – сник Мэтью.

– Сначала подумай, потом кидайся в авантюры! – назидательно произнес герцог и горько усмехнулся, вспомнив, как сам стремглав кинулся в тоннель замка.

– Интересно, как собирались действовать вы, – пробурчал парень.

К счастью, у Дайона был ответ.

– Ты знаешь, кто такой Феррант Руаж?

– Конечно! – парень не смог сдержать восхищения.

– Хорошо. Отправишься к нему. И передашь послание. – Дайон требовательно протянул руку, и Мэтью передал ему папку с писчими принадлежностями, которую всегда носил с собой.

Вспомнить шифр, которым они с Феррантом и Денизой пользовались в конце Смуты и еще некоторое время после ее окончания, не составило труда. Судя по услышанному в палатке Жюста, операцией руководил Руаж, поэтому Дайон адресовал письмо ему. Герцог быстро написал несколько строк, подписал: «Друг», сложил лист бумаги и запечатал.

– Держи.

– А что там написано?

– Что готовится ловушка. Главное – успеть перехватить Руажа раньше, чем он отправит отряд на задание! – подчеркнул герцог.

Он чувствовал себя последним негодяем, используя юнца, почти мальчишку, которого Жюст умышленно оставил, чтобы не подвергать опасности, но иначе было нельзя. Слишком много людей погибнет. К тому же в том отряде была Дениза.

– Ну, что стоишь?

– А если... – парень замялся. – Если вы – шпион, и придумали все это, чтобы заманить отряд в ловушку?

Дайон раздраженно выдохнул.

– Тебе не кажется странным, что я позволил себя поймать, привести сюда, рисковал быть убитым по дороге, только для того, чтобы заманить вас в ловушку? Подумай сам, что проще: проделать все это или пустить слух, что лорд Маркус решит повезти герцога в город?

– Верно, – судя по сосредоточенному выражению лица, прежде подобная мысль не приходила парню в голову. – Но тогда...

– Тогда тебе надо торопиться. Если хочешь, можешь позвать часовых и приказать меня связать.

– Не думаю, что это вас удержит. Впрочем, дайте мне слово, что не покинете лагерь до моего возвращения! – потребовал Мэтью.

– По доброй воле и без чрезвычайных ситуаций, – педантично уточнил Дайон. – Беги уже.

– Ладно!

Мэтью умчался, а герцог снова прислонился спиной к дереву. Место под дубом казалось ничем не хуже его камеры, и Дайону было все равно, где ждать.

Глава 4

– Вы? Как вы выбрались?! – изумленное восклицание выдернуло герцога из раздумий. Он взглянул в ту сторону, откуда прозвучал вопрос, и мгновенно (сказалось воспитание) вскочил на ноги. Виола подошла ближе, недоверчиво рассматривая мужчину.

– Вы – Одаренный? – напрямик спросила она. Вопрос был задан таким строгим тоном, что Дайон невольно улыбнулся.

– Да, но я не представляю опасности.

– Почему же? – Виола остановилась перед ним, зачем-то сцепив руки за спиной.

– Я почти не умею пользоваться магией.

– Тем не менее вы выбрались из камеры!

– Считайте это жестом отчаяния. Когда люди волнуются, они совершают то, что в обычной жизни им не под силу.

– Вы были в таком отчаянии, что смогли выйти, но... тогда почему остались в лагере? – Виола внимательно всматривалась в лицо мужчины.

Он вздохнул:

– Во-первых, меня остановят часовые. А во-вторых, я не желаю бежать, только предупредить.

– Предупредить? О чем?

Дайон задумчиво посмотрел на стоящую перед ним девушку. Сколько ей лет? Шестнадцать? Семнадцать? Имеет ли он моральное право втягивать ее в дела войны? Где-то за спиной звякнуло оружие, напоминая, что они находятся в военном лагере, и эта девочка, как и его сестра, давно уже во все втянута.

– Карета с герцогом – ловушка, – коротко сообщил Дайон и сразу ухватил Виолу за руку. – Вы куда?

– Предупредить!

– В этом нет нужды. Я отправил Мэтью с посланием к Ферранту.

– Вы его знаете? – глаза девушки округлились от изумления.

– Кого? Мэтью? Разумеется.

– Ферранта Руажа, глупец! – Виола даже притопнула от негодования.

– Лично – нет, – спохватился герцог, мысленно ругая себя за оплошность. Не стоило называть старшего агента по имени. – Но наслышан о нем.

– И думаете, он поверит незнакомцу?

– Вряд ли, но получив предостережение, он предпочтет проверить сведения еще раз. Руаж умен и осторожен. Он не станет рисковать людьми понапрасну.

– Но нам-то что делать?

Дайон виновато моргнул:

– Только одно – ждать.

Он предложил девушке сесть у дерева и устроился рядом. Если в глубине души герцог думал, что в компании Виолы время будет идти быстрее, то ошибся. Казалось, оно вообще остановилось. Безмятежная тишина леса действовала на нервы хуже любого грохота. Они оба то и дело прислушивались, не возвращается ли отряд, но вокруг ничего не менялось.

Виола не выдержала первой.

– Если вы солгали, никогда не прощу.

Она упрямо сжала губы.

– Меня? – не столько спросил, сколько констатировал Дайон, но получил неожиданный ответ:

– В первую очередь себя.

– Себя-то за что? – изумился герцог.

– Я не присоединилась к своим товарищам, не рассказала им все, что знаю, не рискнула жизнью вместе с ними. Вместо этого бесцельно сижу и жду. Потому что поверила чужому человеку, хотя отлично понимала, что его слова могут быть ложью. А на самом деле, я просто трусила, вот и весь ответ. Побоялась иллюзорной опасности и осталась в надежном месте. Наверное, брат все-таки прав: мне не место на войне. Соппротивление – для смелых, а я – трусиха.

– Ерунда, вы вовсе не трусиха, – возразил Дайон. – Вы – благоразумная девушка, а это совершенно разные вещи. Войну нельзя выиграть, если стремглав бежать навстречу любой опасности.

– Благоразумная? Я? – Виола натянуто рассмеялась. – Да меня все считают взбалмошной и сумасбродной.

– Глупости.

– Спросите у любого в лагере!

– Предпочитаю составить собственное мнение. Вы умны, умеете делать выводы и быстро принимать решения в опасной ситуации. И способны отстаивать свое мнение, даже если другие его не разделяют. Это дорогого стоит. Просто делаете вы это довольно оригинальным образом...

– Скажите, с чего вы все это взяли?

Хоть Виола и делала вид, что ей все равно, было заметно, что слова собеседника ей приятны.

Дайон пожал плечами:

– Человек моего положения обязан разбираться в людях.

– Вашего положения? – насторожилась девушка. – И какое же у вас положение?

– На сегодняшний день – непонятное. – Он усмехнулся, хотя настрой был совсем не радостный. – Так что не стоит винить себя. Со временем вы наберетесь опыта, и все встанет на свои места.

Виола склонила голову набок и устремила на него испытывающий взгляд.

– Странно, – задумчиво протянула она. – По-моему, вы меня поучаете. Но отчего-то это не вызывает раздражения.

– Кто я такой, чтобы поучать? – возразил Дайон. – У меня нет для этого оснований. Я не герой войны. Не ученый, открывший что-то важное. Не монах, достигший стадии единения с богами.

– Вы утверждаете, что виконт, – немного едко напомнила Виола.

– Слухи уже разлетелись по лагерю? – изогнул бровь Дайон.

– А это слухи?

Девушка скрестила руки на груди и тоже подвигала бровями, пытаясь повторить его мимику, что вызвало на губах Дайона улыбку. Заметив это, Виола обиженно нахмурилась, и герцог, почувствовавший первые признаки ссоры, поспешил сгладить ситуацию.

– Да, я виконт. И даже, представьте себе, самый настоящий. Но это означает, что мне предстоит обучить ровно одного человека – своего сына – как управлять нашими землями. Вернее, тем, что от них осталось, – в последний момент спохватился он, вспомнив, что говорил Жюсту. Но девушка не заметила этой оплошности.

– У вас есть сын? – разочарованно спросила она.

– Пока нет, но это дело времени.

– Ваша супруга не считает нужным торопиться?

– Это я не считаю нужным торопиться, – поправил Дайон и зачем-то добавил: – Супруги пока тоже нет. Но в скором времени появится. Куда я денусь?

Он усмехнулся, вдруг осознав абсурдность последней фразы.

– Вы так говорите, как будто не горите желанием вступить в брак, – заметила Виола, не придав значения выражению лица собеседника.

– Не горю, абсолютно, – подтвердил он.

В других обстоятельствах он никогда не стал бы обсуждать подобные вещи с посторонним человеком. Но нынешние обстоятельства так разительно отличались от обычных, что подобная откровенность показалась Дайону не только не предосудительной, но даже уместной.

– Но собираетесь? – стремилась разобраться Виола.

– А разве у меня есть выбор? Я обязан передать свои земли законному наследнику. Женитьба – не более чем ступень к достижению этой цели.

– А, знаете, это занятно, – протянула девушка. – У меня по сути точно такая же ситуация. Все ждут, что я выйду замуж «за подходящего человека», – последние слова она произнесла, явно пародируя кого-то из знакомых. – Чтоб жить так, как установило общество. Чего я хочу на самом деле, занимает их в последнюю очередь.

– А чего вы хотите?

Она задумалась, а потом опустила голову:

– Раньше я мечтала путешествовать. Объездить весь мир. Сейчас... сейчас уже не знаю. Мне кажется, теперь все хотят только одного – чтобы весь этот кошмар закончился.

Дайон внимательно посмотрел на девушку. Она сорвала колокольчик и зачем-то вертела его в руках. Юная и хрупкая, она и сама казалась цветком, который вот-вот растопчут.

В ее возрасте прячут от посторонних глаз куклы и начинают выезжать на балы, очаровывая приятелей детства. Но Виола, как и Дениза, была лишена такой роскоши. Что станет с ней дальше? Доживет ли она вообще до того времени, когда закончится Смута?

Какое-то время они просто молчали, сидя рядом и обдумывая сказанное. Дайон приоткрыл было рот, собираясь продолжить

разговор, но его прервал громкий возглас:

– Они возвращаются!

Виола вскочила на ноги, герцог последовал ее примеру. Пока никого не было видно. О прибытии отряда возвестил юноша приблизительно того же возраста, что и Мэтью, забравшийся на дерево и сейчас размахивающий рукой, опасно балансируя на покачивающейся ветке.

Сердце тревожно забилося в ожидании новостей о судьбе Денизы, и все же Дайон, сумев отвлечься от личного, неодобрительно покачал головой. Здесь слишком много мальчишек, неопытных, еще не научившихся здраво мыслить. И они слишком часто рискуют головой, хоть командиры вроде Жюста и пытаются по мере возможности ограждать их от опасности. Герцог ведь ни на секунду не поверил, что Жюст отказался брать с собой Мэтью из-за того, что тот якобы «натворил дел». Он просто нашел предлог, чтобы уберечь мальчишку, а заодно заставил того испытывать угрызения совести, чтобы добиться послушания. Дайон, возможно, не был гением стратегии, но кое-что понимал в манипулировании.

Между тем из-за деревьев наконец стали появляться повстанцы. Мрачные, утомленные, скупно отвечающие на приветствия тех, кто остался в лагере. Не выдержав, Виола подхватила юбки и побежала им навстречу. Герцог тоже сделал несколько шагов в их направлении, но затем остановился, опасаясь, что его вернут в «камеру» прежде, чем он успеет получить хоть какую-то информацию. Между тем до поляны добрались мужчины, несущие на носилках раненого. Еще один ковылял следом, опираясь на плечо товарища. Сердце оборвалось. Похоже, отряд все-таки попал в ловушку. Углядев Мэтью, Дайон схватил его за рукав и утянул в тень ближайшего вяза.

– Что там? – спросил он, чувствуя себя так, будто все внутренности разом заледенели.

– Я передал послание, – шепотом ответил Мэтью. – Феррант очень разволновался, когда его увидел. Кажется, он хотел расспросить меня, но времени не оставалось. Я не все слышал, но вроде бы у него была еще какая-то причина подозревать ловушку. Он сказал, что ваше письмо это подтвердило, и надо все отменить.

– Тогда почему здесь раненые?

– Потому что... – Паренек шумно выдохнул и продолжил: – С Жюстом они договорились быстро, и обоим отрядам объявили, дескать, отбой, расходимся. Но некоторые не захотели слушать. И наши, и те, которые из города. Они решили действовать самостоятельно.

– Идиоты! – процедил герцог. – Неужели так сложно просто послушаться командиров!

– У нас не армия, – вскинулся Мэтью. – Здесь все по доброй воле. Не по чьему-то приказу, а по зову чести!

Дайон закатил глаза. Парень явно цитировал чьи-то слова, и этот кто-то, похоже, знал, как привлечь на свою сторону наивных юнцов. Впрочем, если бы не такие юнцы, возможно, он, Дайон, до сих пор бы сидел в заточении и, скорее всего, давно бы сошел с ума. Безумный герцог! Что может быть лучше для узурпаторов? Он горько усмехнулся и потрянул головой. Поиронизировать можно было и позже.

– Продолжай, – приказал герцог парню, который начинал странно на него коситься.

– Они направились туда, где планировалась засада... Мы хотели остановить их, но не успели. Когда карета подъехала, она взорвалась. Все, кто оказался рядом... они просто... – Мэтью заметно побледнел и потрянул головой, отгоняя воспоминания.

– Их разорвало на части, верно? – Дайон вспомнил, какой могущественной может быть сила разрушения. Одна из причин, по которым он не желал обучаться магии.

– Да.

– А остальные?

– Тех, кто дежурил у дороги, тоже зацепило, но они выжили.

Мэтью кивнул в сторону раненых, которых как раз уложили недалеко от костра. Местная травница суетилась, переходя от одного к другому. Виола помогала ей, подавая то бинты, то какие-то склянки.

– Что дальше? – не позволил парню отвлечься Дайон.

– Открылся портал и оттуда вывалились стражники. Их было слишком много... Жюст приказал подхватить раненых и отступить. Вот и все.

Он выдохнул, пытаясь изгнать из головы кошмарные воспоминания. Герцог вздохнул.

«Бесполезно, парень, – так и хотелось сказать ему. – Эти кошмары будут преследовать тебя всю жизнь. И каждую ночь ты будешь просыпаться в холодном поту».

Он снова внимательно посмотрел на Мэтью, решаясь.

– Что с Денизой Арсе?

При мысли о сестре он будто осип и с трудом смог выговорить ее фальшивое имя.

– Ее там не было, – отозвался парень.

– Как?!

Герцог не смог сдержать вздох облегчения.

– Она вроде бы на какой-то важной встрече где-то далеко, может, даже не в Левансии. Ну, мне подробностей не рассказывают. А вы ее знаете?

Дайон покачал головой. Неважно, в Левансии Дениза или нет, главное, что подальше от сегодняшней мясорубки. «И поближе к какой-нибудь другой», – мысленно «успокоил» сам себя он. И усмехнулся собственным тревогам. Все-таки глупо было с его стороны так сильно беспокоиться о ней сейчас, учитывая, что он точно знает: Дениза пережила эту войну и вышла победительницей.

– Эй! – Жюст, основательно потрепанный, с липнувшими ко лбу волосами и забрызганной кровью одежде, сверлил Дайона тяжелым взглядом. Еще двое членов отряда стояли чуть позади с оружием наготове. – Как ты выбрался на свободу?

Дайон молчал, сложив руки на груди. Рационально он отлично понимал правильность действий командира, но панибратское обращение и необходимость давать отчет кому бы то ни было выводили из себя. Даже король не позволял себе подобного тона. Отчасти – из искреннего уважения к герцогу, отчасти – опасаясь столь могущественного вассала.

– Молчишь? – Жюст тоже начинал сердиться.

– Набираюсь сил для других вопросов, более содержательных, – отозвался Дайон. – Их ведь, полагаю, будет много? Правда, не знаю, есть ли смысл отвечать, если мои слова будут игнорироваться, как прежде. Этого, – он выразительно посмотрел в сторону раненых, над которыми по-прежнему колдовала травница, – можно было избежать.

– Может быть, врезать ему хорошенько? – выступил вперед Анри, которому, похоже, очень хотелось выместить хоть на ком-нибудь

горечь поражения.

– Остынь, – оборвал его Жюст, не отрывая взгляда от Дайона. – Ладно... Граф, виконт или как-вас-там... Как вы узнали о ловушке?

Герцог оценил жест командира и тоже пошел навстречу. Тем более что ответ на этот вопрос он успел обдумать.

– У Ковентеджа тоже есть своя разведка. Я недавно общался с Родриго Армистедом. Если бы Дайона л'Эстре планировали вывозить из замка, Армистед наверняка бы об этом знал. А спонтанно такие решения никто не принимает.

– Это могли хранить в секрете.

Дайон покачал головой:

– Подготовка была бы заметна: усиленные посты, охрана... Нет, мальчишка слишком ценный заложник, чтобы так рисковать.

– Да врет он все! – вмешался длинноволосый громила, которого Дайон если прежде и видел, то только мельком. – Небось специально голову нам морочил! Пока он не появился, все шло хорошо, а теперь Мэл и Кирк погибли, и их уже не вернешь.

Герцог стиснул зубы. Как ни верти, гибель этих Мэла и Кирка была на его совести – как и гибель многих других.

– Мэл и Кирк погибли, – Жюст прикрыл глаза, но говорил при этом громче и четче, чем обычно, – потому что не послушались приказа и дали волю эмоциям. – Он шумно выдохнул и поднял взгляд на блондина. – Я скорблю не меньше тебя, Гийом. Но у нас важная миссия. И для того, чтобы добиться своего, а заодно выйти из этой войны с наименьшими потерями, нам нужно думать головой. Головой, черт подери! И принимать правильные решения!

Дайон смотрел на командира отряда с возрастающим изумлением. Тот, кого называли Гийомом, покачал головой:

– Он пришел неизвестно откуда и сразу стал вмешиваться в наши дела!

Он обличительно вытянул руку, и Анри на всякий случай встал между ним и Дайоном, на этот раз с целью обезопасить пленника.

– Он пришел неизвестно откуда, – согласился Жюст. – И его история звучит не слишком достоверно. Но когда мы чуть не шагнули в лапы противника, он предупредил нас – и оказался прав.

– Просто пытался втереться к нам в доверие!

– Зачем? – Жюст устало провел по лбу тыльной стороной ладони. – Мы здесь не такие важные птицы. А если бы у лорда Маркуса все получилось, от нашего отряда и вовсе ничего бы не осталось. К тому же, если бы к нам надумали заслать шпиона, его версия наверняка звучала бы более убедительно.

– Возможно, – не собирался отступать Гийом. – Но все равно этот тип кажется мне подозрительным.

– Как и вы мне, – не выдержал Дайон.

– Вот как? Это еще почему?

– Потому что вы ослушались приказа и не увели своих людей, когда узнали о грозящей им опасности. – Командирский статус длинноволосого был всего лишь предположением, но, судя по полыхающим щекам оппонента, герцог попал в десятку. – Вы заранее решили, что я – шпион, и, отбросив здравый смысл, кинулись в бой, за что и поплатились жизнями своих людей.

Гийом сжал кулаки и, вне всяких сомнений, приготовился дать резкий ответ, но Жюст его опередил:

– Хватит! Не хватало нам еще внутренней распри! Сейчас всем необходим отдых, поэтому расходитесь! Сегодняшние ошибки обсудим завтра. А здесь я закончу сам.

Напоследок посверлив герцога гневным взглядом (а как же без этого?), несостоявшийся противник ушел. Успевшая собраться толпа наблюдателей тоже начала рассасываться.

– Полагаю, меня вы теперь отправите отдыхать в деревянную клетку? – с принужденным смешком поинтересовался Дайон.

– А как бы вы поступили, если бы я вас отпустил? – осведомился вместо ответа Жюст.

– А вы собираетесь меня отпустить?

– Я этого не говорил.

Дайон пессимистично покачал головой. Обстоятельства складывались пока не лучшим для герцога образом, но в целом Жюст был ему, пожалуй, симпатичен.

– Ну хорошо, – кивнул он, принимая правила игры. – Если бы я смог отправиться на все четыре стороны... Дайте-ка подумать... Первым делом я бы отправился в город и попытался проверить, не ищут ли меня мои люди. Как я уже говорил, мой маг перемудрил с

порталом. Возможно, он понял свою ошибку, вычислил, куда именно я перенесся, и теперь пытается меня разыскать.

Хотелось, до чего же хотелось поверить, что такое возможно! Но, увы, никакой маг герцога не переносил. Сработала пока еще самому Дайону непонятная система. А следовательно, вряд ли кому бы то ни было придет в голову, что он мог оказаться в прошлом. А даже если и придет, способен ли хоть кто-нибудь отправиться сюда за ним?

– Возможен и другой вариант: меня не ищут, – признал вслух герцог. – Маг так и не понял, что натворил. Или, хуже того, заслал меня сюда не случайно, а по злему умыслу. Если так, мне нужно самому искать способ вернуться назад. Но это займет время. Не имею ни малейшего представления, сколько времени.

Вот сейчас он говорил правду. Он непременно станет искать способ вернуться в будущее. Или настоящее... Тут уже сам черт ногу сломит. Раз перемещение во времени сработало один раз, должно сработать снова, вопрос лишь, как именно. Тут могут помочь книги, артефакты, маги редкой специализации...

– Обстановка в городе сложная, вы это знаете лучше меня, – продолжал Дайон. Никто не заставлял его объясняться с Жюстом столь подробно, но герцог счел, что так будет лучше. Подобные «мысли вслух», не вполне точные, но приближенные к правде, насколько это было возможно, придавали его истории достоверности. Во всяком случае, он хотел на это надеяться. – У меня нет здесь хороших знакомых, которым бы я доверял в должной мере. К друзьям местной власти я тоже не отношусь. Поэтому, сколь бы парадоксально это ни прозвучало, я предпочел бы остаться в вашем отряде. С правом время от времени посещать город. Вот теперь я дал наиболее полный ответ на ваш вопрос.

– С нами? Любопытно. – Жюст недоверчиво прищурился. – Но ведь вас, кажется, ждет любовница? Отчего бы не переждать у нее?

– Меня давно никто не ждет, – махнул рукой Дайон.

И это тоже было правдой. После замужества Денизы герцог все острее ощущал свое одиночество.

– К тому же я уже доказал, что могу принести пользу. Считайте, что я предлагаю вам взаимовыгодное сотрудничество. Вы помогаете мне выжить в этом безумии, которое называют Смутой, и не мешаете

искать путь домой. Я же делюсь с вами имеющейся в моем распоряжении информацией и в целом стараюсь быть полезным.

– Информацией?

– Как я уже говорил, последние годы я служил у Ковентеджа. Уверяю вас, эрл знает многое из того, что происходит у его соседей. Да и лишняя пара рук в отряде наверняка не помешает.

– Возможно, вы и правы... Если только вы не шпион. – Жюст устало вздохнул. – В любом случае скоро смеркается, да и день был тяжелый. Думаю, нам лучше решить все вопросы завтра на свежую голову.

Он окликнул Мэтью и распорядился принести в «камеру» походную кровать и простыни.

– Все-таки в клетку? – криво усмехнулся Дайон.

Жюст одарил его мрачным взглядом:

– Мы не станем вас запирасть, это бесполезно. Но учтите: часовым я отдам приказ убить вас, если вы попытаетесь бежать.

– Главное, чтобы они не переусердствовали без причины, – холодно обронил герцог.

Глава 5

Весь вечер Дайон провел в той самой клетке, которую теперь благородно переименовали в «палатку». Фактическая разница заключалась в том, что теперь вход не перекрывали прутья, а выжженную часть просто занавесили парусиной. Герцога это вполне устраивало. Слишком много событий произошло, и все они требовали спокойного осмысления.

В палатку бесцеремонно вошли двое мужчин. С собой они принесли крепкие ветки и веревки, из которых соорудили некое подобие походной кровати. После чего все тот же Мэтью принес набитый соломой матрас и даже стопку постельного белья.

– У костра все собираются на ужин, – сообщил он.

Дайон поморщился и покачал головой. Выйти означало привлечь к себе всеобщее внимание, а он слишком устал от событий этого дня.

– Я могу принести вам еду, – спохватился Мэтью, совершенно верно истолковав выражение лица собеседника.

– С чего вдруг? – Дайон склонил голову набок, пристально его рассматривая.

– Потому что... – Парень сначала покраснел, а потом выпалил: – Потому что вы не шпион! И вы спасли наших! И я... я не должен был...

Он окончательно смутился.

– Нет, ты все сделал правильно, – хмыкнул герцог, прекрасно понимая, что таким способом Мэтью пытается извиниться за свое поведение в палатке Жюста. – Но я все равно буду признателен, если ты сможешь принести мне что-нибудь сюда.

– Конечно! – Парень радостно выскочил и вскоре вернулся, неся глиняную миску с овощным рагу и кружку с травяным взваром. – У нас не каждый день мясо...

Похоже, он извинялся за скудный рацион. Герцог махнул рукой, чувствуя, как рот наполняется слюной. Он не ел с самого утра, и теперь подгоревшее с одного бока рагу показалось необычайно вкусным. Мэтью потоптался на пороге и вышел, а Дайон уминал ужин, пытаясь осмыслить все, что произошло.

Итак, как бы дико это ни звучало, он перенесся в прошлое. Следовало окончательно признать этот факт и понять, как побыстрее вернуться обратно. Насколько Дайон помнил, временные порталы и до Смуты были явлением крайне редким, да к тому же еще и нелегальным, ведь игры со временем невероятно опасны. Вернувшийся в прошлое может изменить ход событий, а это чревато самыми непредсказуемыми последствиями.

Герцог л'Эстре лично настаивал на самом суровом наказании для тех, кто попытается воспользоваться незаконной магией. Какая ирония судьбы! Теперь он сам стал преступником: мало того что перенесся во времени, так еще и нарушил ход истории, рассказав повстанцам о ловушке. Правда, судя по словам Мэтью, у Ферранта были и другие причины для сомнений, но именно письмо Дайона оказалось решающим.

Дайон знал, что совершает преступление, но просто смотреть, как гибнут люди, было выше его сил. Тем более что, как он думал на тот момент, на кону была судьба Денизы. К счастью, в этом он ошибался.

Судя по гулу голосов и отблескам огня, все обитатели лагеря еще сидели у костра, слишком взбудораженные сегодняшними событиями, чтобы разойтись по своим жилищам.

Дайон поморщился. Он привык размышлять на ходу, прогуливаясь либо по саду, либо, в случае дождя, по многочисленным галереям замка. Сейчас он был лишен аналогичной возможности. Во-первых, не желал тратить время на бессмысленные разговоры, которые непременно возникли бы, появившись он у костра, а во-вторых, в висках опять запульсировало, и Дайон опасался очередного приступа.

Кале, целитель, которого отыскала в Эвендейле Дениза, год назад предупредил герцога, что сильные эмоциональные потрясения могут спровоцировать усугубление недуга. Что ж, сильных потрясений за последнее время у Дайона было предостаточно. Поэтому он предпочел лечь и смотреть «в потолок», пока окончательно не стемнело. Постепенно голоса смолкли. Сидевшие у костра разошлись, и в лагере стало тихо.

Дайон попытался заснуть, но не смог. Кровать была узкой и короткой. При своем высоком росте герцог постоянно свешивался то головой, то ногами, при этом деревянные рейки каркаса безжалостно впивались в тело. К тому же в лесу начали петь ночные птицы.

Заливистые трели звонким эхом разносились над верхушками деревьев. Следом заухала сова.

Не выдержав, Дайон встал и вышел из палатки. Памятуя о приказе, отданном часовым, он не стал искушать судьбу и направился к костру, около которого сидел Жюст.

– Не спится? – хмыкнул командир отряда при виде герцога. – Птицы?

– Да.

Дайон опустился рядом и протянул руки к тлеющим углям.

– Привыкнешь. Это лучше, чем когда они молчат.

– Почему?

– Потому что тогда враг близко.

Герцог криво усмехнулся. Если бы врагов всегда можно было распознать по молчанию птиц. Жюст помолчал еще немного, а потом отстегнул от пояса пузатую флягу:

– Буде... те?

– Давай уж на ты, чего там, – вздохнул герцог, подхватывая сосуд и делая осторожный глоток. Горло словно обожгло. – Самогон?

– А что же еще? – хмыкнул Жюст. – С вином здесь сложно, да и не берет оно...

– А самогон берет?

– Нет. – Жюст тоже отпил из фляги. – Ничего не берет. Я-то думал, за два года точно привыкнешь...

– К чему? Пить?

– Видеть вокруг смерть. Те ребята... Им ведь не было и двадцати.

Дайон кивнул, подспудно чувствуя вину за смерть незнакомых, в общем-то, людей. Но они защищали его, мальчишку, сидящего в замке и вздрагивающего от каждого шороха.

Мучительный стыд наполнил душу. Герцог протянул руку за флягой и сделал еще один глоток.

– Понимаешь, – хрипло продолжал тем временем Жюст, – я же мог их остановить, но отвлекся...

– Вряд ли они бы тебя послушались.

Еще один глоток, тепло разливается по телу.

– Теперь мы этого не узнаем.

– Да...

Несколько минут они молчали, просто глядя на язычки пламени. Жюст то и дело прикладывался к фляге и передавал ее собеседнику. Дайон скорее делал вид, чем пил. Привыкший к пирам и дипломатическим обедам, он понимал, что проходит очередную проверку.

– И как сейчас в Эвендейле? – Жюст первым нарушил молчание. Герцог хмыкнул.

– По-разному. – Он нахмурился, вспоминая что творилось в то время в графстве. – Ковентедж, хоть и понес потери, переломил ситуацию и теперь устанавливает контроль на своих землях.

– Вот бы нам так же, а то... – Жюст обреченно махнул рукой и опять приложился к фляге. – Нет, ты не думай. Я не жалею, но в лагере все больше народу. В основном – женщины и дети.

– Почему они?

– Прячутся. Мужчины, кого не убили, либо сражаются за герцога, либо сидят в тюрьмах... а паразиты этим пользуются.

– Вот как?

Дайон кинул быстрый взгляд на собутыльника. Судя по всему, Жюст уже дошел до того состояния, когда в ходе душевной беседы начинают проскальзывать лишние подробности.

– Да. Далеко ходить не надо. Та же Виола! Ну та, с которой ты целовался на дороге.

Жюст усмехнулся и покачал головой.

– Я понял, – сухо обронил герцог. – Так что с ней?

– Она – единственная, кто уцелел, когда на их замок напали. Гостила у тетки, матери Анри.

– Анри? Я думал он – ее брат, – признался Дайон.

– Кузен, а теперь и наследник ее майората. Из-за этих земель весь сыр-бор и пошел.

Жюст вздохнул и допил из фляги. На всякий случай заглянул внутрь, чтобы убедиться, что ничего не осталось. Дайон терпеливо ждал продолжения рассказа. Собеседник подбросил веток в костер и продолжил:

– Земель, конечно не много, но они приносят хороший доход. А если объединить их с соседскими, получится огромное имение. Вот сосед и позарился. Сначала, еще до Смуты, свататься приезжал, но ему

отказали под предлогом, что девочка слишком мала, а как все началось, он и воспользовался. Принялся настаивать, угрожать...

– И никто не призвал к ответу? – Голос герцога стал жестче. Он невольно сжал кулаки, с горечью осознавая, что и тут он бессилен.

– А кто призовет? Сосед теперь шерифом стал. Анри пришлось бежать, и кузину с собой увел.

– Странно, что Анри не женился на кузине. Это могло решить проблему.

Герцог с тоской посмотрел на пустую флягу.

– Не сложилось у них. Он может и не против, но вот Виола... в ее возрасте все мечтают о принце или, на худой конец, герцоге!

– Сдается мне, герцог еще слишком юн, чтобы жениться. – Дайон криво усмехнулся, вспомнив портреты кандидаток в невесты, которые ему показывал секретарь. – К тому же вряд ли он станет хорошим семьянином.

– По-моему, ты предвзято к нему относишься, – заметил Жюст.

– Разве?

– Конечно. Он еще мальчишка, откуда тебе знать, каким он будет?

– Посуди сам, он два года просидел взаперти в подzemелье замка... думаешь, это прошло бесследно?

– П-погоди, почему два? – от неожиданности Жюст даже слегка протрезвел. – Замок захватили аккурат полтора года назад.

– Верно, – Дайон прикусил губу, понимая, что непростительно расслабился. А всему виной самогон и задушевная беседа у костра. Он демонстративно подхватил флягу и протянул ее Жюсту. – Пить мне надо меньше!

– Просто у тебя, как и у нас всех, каждый год тянется слишком долго.

– Верно. – Герцог демонстративно потянулся. – Ладно, спать пора! Спокойной ночи!

– Спокойной, – отозвался Жюст, провожая собеседника задумчивым взглядом.

На следующий день Дайон проснулся поздно. Открыв глаза, он долго пытался сообразить, почему вместо привычного балдахина с вышитым золотом гербом Левансии видит переплетенные ветви и

густую листву. Потихоньку стали возвращаться воспоминания. Герцог потер лоб и встал. Пошатнулся.

Голова гудела. Все-таки вчера он умудрился перебрать и совершить ошибку. Интересно, вспомнит ли о его промахе Жюст?

Приведя себя в порядок, насколько это было возможно в походных условиях, герцог вышел из палатки. Обитатели лагеря толпились у костра. Среди них действительно было много женщин и подростков. Трагедия семьи Виолы не была единичным случаем. В первые годы после освобождения Дайон часто разбирал дела о наследовании земель. Но то были бумаги. Теперь он столкнулся с живыми людьми.

Поздоровавшись, он получил свою порцию каши-размазни и присел в сторонке, старательно делая вид, будто не замечает настороженных взглядов.

– Дядя, а ты тоже сбежал от плохих?

Вопрос вывел его из задумчивости. Он поднял голову и обнаружил белокурого ангелочка лет пяти от роду с огромными внимательными глазами. Герцог улыбнулся:

– Да.

– Я так и знала! – заявила девчушка. – И маме сказала, хотя она и не верила!

– Маме?

– Да, моя мама – баронесса Лесгрейв! – она так старательно произносила звук «р», словно научилась выговаривать его только вчера.

– Вот как? – Дайон нахмурился, имя показалось ему знакомым. – А тебя как зовут?

– София-Вильгельмина! – заявила девчушка.

Услышав имя, фигурировавшее в списке его невест, герцог рассмеялся. Сразу вспомнился портрет очаровательной девушки, который демонстрировал ему секретарь. Вот он и познакомился с одной из потенциальных невест. Девочка тем временем приняла смех на свой счет и обиженно насупилась.

– Ты – гадкий! – завизжала она и убежала.

– Одной невестой меньше, – констатировал герцог.

Эта мысль вызвала очередной приступ смеха, который, впрочем, быстро прошел. Воспоминание о невестах заставило снова задуматься о возвращении в свое время.

Бежать из лагеря наобум и пытаться проникнуть в туннель, ведущий в замок, было глупо. Скорее всего, он будет схвачен замковыми стражниками. В отличие от повстанцев те не будут церемониться с незнакомцем. К тому же гарантии, что портал все еще работает и вернет герцога в его время, не было.

Следовало действовать осторожно и для начала разузнать о порталах и тех Одаренных, которые могли сотворить подобное. Дайон полагал, что их не слишком много. Он уныло ковырял месиво, когда над головой прозвучал знакомый голос:

– Вы тоже не любите кашу?

– Смотря какую.

Герцог поднялся, внезапно осознав, что на нем вчерашняя рубашка, а лицо украшает двухдневная щетина. Наверное, досада отразилась во взгляде, потому что Виола смущенно улыбнулась.

– Вы позволите? – она кивнула на поваленное дерево.

– Разумеется. – Дайон склонил голову. – Прошу...

Он хотел шутливо добавить «чувствуйте себя, как дома!», но вовремя вспомнил рассказ Жюста и промолчал. Девушка, казалось, не заметила заминки. Она присела на бревно и старательно, словно была на приеме, расправила юбки из грубой шерсти.

– Я не люблю кашу, – пожаловалась она. – А здесь ее варят почти каждый день!

– А что вы любите?

– Шоколад. – Виола улыбнулась. – Хотя от него толстеют.

– Не думаю, что вам это грозит.

– Пока нет, ведь здесь нет шоколада! – беззаботно отозвалась девушка, несмотря на свои недавние заверения, уплетая за обе щеки. Дайон позавидовал ее аппетиту. Сам он с трудом сумел запихнуть в себя несколько ложек размазни, вдобавок подгоревшей с одного бока.

– Обед еще не скоро, – предупредила Виола.

Дайон пожал плечами. Он никогда не отличался хорошим аппетитом, и зачастую пропускал бы время обеда, если бы его секретарь за этим не следил.

Погруженный в воспоминания, он пропустил момент, когда Жюст выбрался из своей палатки и направился к костру. Судя по мутному взгляду и взъерошенным волосам, командир продолжил напиваться ночью в одиночестве. Дайон недовольно нахмурился: он не жаловал

тех, кто имел привычку заливать горе вином. И уж тем более самогоном.

Увидев вчерашнего собутыльника, Жюст махнул ему рукой и отвернулся к кашевару. Герцог собирался уйти, когда раздался треск веток и на поляну в сопровождении одного из часовых выскочил мальчишка лет пятнадцати. Губа у него была рассечена, а под глазом наливался свежий синяк.

– Здесь и взаправду лагерь? – воскликнул он, оглядываясь по сторонам.

– Курт, что стряслось? – обратился к часовому Жюст.

– Люди лорда Маркуса. Хотели его повесить, еле отбили. – Тот, кого навали Куртом, смачно сплюнул на траву.

– За что? – Дайон подошел ближе.

– Я у телеги ремни упряжи перерезал! – гордо сообщил мальчишка.

– За это обычно хворостиной да по... – отозвался Жюст, выразительно посматривая мальчишке за спину. Тот хмыкнул и гордо вздернул голову.

– Там пленники были, – пояснил Курт. – Инквизиция везла.

Жюст помрачнел еще больше, а по толпе подтянувшихся повстанцев пронеслась волна недовольного шепота.

– Их бы отбить! – Анри с мольбой посмотрел на командира отряда. – Ты же знаешь, что с ними сделают!

– Знаю. А также и то, что сделают со всеми нами, если нас обнаружат. – Жюст покачал головой. – Нет, Анри, если бы не было вчерашней эскапады, мы могли бы попробовать, а так...

Он обреченно отвернулся.

– Неужели мы будем просто сидеть здесь? – возмутилась Виола.

Прежде чем Дайон успел вмешаться, она шагнула вперед и с возмущением взглянула на остальных.

– У нас нет выбора, – тяжело вздохнул Жюст. – Наверняка после вчерашнего дороги перекрыты, а стражники обыскивают всех, кто въезжает в город.

– И не только! – подтвердил мальчишка. – Они еще и на тракте кордоны выставили.

Жюст выразительно развел руками, давая понять, что ничего не может сделать.

– Но... – начал было Мэтью.

– Вот для чего была вчерашняя ловушка, – осенило Дайона.

– Что? – переспросила Виола, все еще стоявшая рядом.

В волнении она искусала себе губы в кровь. Заметив это, Дайон с трудом подавил в себе желание положить руку ей на плечо, чтобы хоть как-то ее успокоить.

– Ловушка, – процедил он, злясь на самого себя за излишнюю сентиментальность. – Лорд Маркус, а вернее Астор ле Бриенн, его правая рука, любит многоходовки. Они тщательно подготовились, опасаясь возможных стычек.

Виола отпрянула в изумлении.

– Откуда вы знаете?

– Наслышан о них, – коротко отрезал Дайон.

Его тон заставил девушку сжать губы.

– Рада, что у вас острый слух! – процедила она и стремительно направилась к кузену.

Прибывший парнишка тем временем старался вовсю, красочно описывая свои подвиги в попытке освобождения захваченных инквизицией Одаренных. Дайон с досадой поморщился и направился в свою палатку.

Его хватило лишь на полчаса. Не в силах больше оставаться не у дел, герцог направился к Жюсту, но того не было в лагере. Не было и Мэтью. Палатку охранял совершенно незнакомый мужчина, судя поговору и манере поведения – крестьянин.

Скрипнув зубами, Дайон прошелся по лагерю. Его провожали настороженными взглядами, правда, в них уже не было недавней враждебности. Дети шумно играли у одной из палаток. Герцог заметил среди них знакомые золотистые кудряшки и невольно улыбнулся, вспомнив, как совсем недавно избавился от внимания возможной «невесты».

– Йонатан! Йонатан! – Дайон не сразу сообразил, что окликают его. Обернувшись, он столкнулся лицом к лицу с встревоженным Анри. – Ты не видел Мэтью?

Обращение на ты до сих пор коробило, но протестовать Дайон не стал. По сути, «ты» означало, что герцога все-таки приняли в лагере как своего.

– Мне сказали, он ушел.

В ответ Анри выругался, притом весьма нецензурно. Герцог холодно взглянул на сквернослова и изогнул бровь, отчего парень смутился.

– Мэтью пропал, – пояснил он. – Вместе с ним еще пара ребят и мальчишка, которого с утра привели часовые.

Дайон нахмурился.

– Хочешь сказать, что...

– Они пошли освобождать пленников, – закончил за него Анри.

На ум герцогу пришла масса разнообразных слов, но памятуя, что он только что призвал к порядку Анри, пришлось сдержаться.

– Дисциплины у вас нет! – только и бросил он в сердцах.

– Мы не армия!

– Это я уже понял, – холодно кивнул Дайон. – Вы все здесь по зову сердца!

– Именно!

– Хорошо бы еще к сердцу прилагались мозги, поскольку с этим у вас явная нехватка!

Анри скрипнул зубами. Но защищать честь лагеря не стал.

– Надо остановить мальчишек, – упрямо проговорил он. – И желательно без Жюста.

– Как ты собираешься это сделать? – любопытствовал Дайон, скрестив руки на груди.

– Перехвачу у здания инквизиции.

– Думаешь, успеешь?

– Ну... Днем они туда не сунутся, слишком много народу. Наверняка полезут ночью, и если мы спрячемся неподалеку, то успеем их перехватить!

– Мы? – У герцога появились нехорошие подозрения.

– Разумеется. Ты же пойдешь со мной?

– Нет! – Дайон покачал головой. – Я не стану участвовать в ваших безумствах. И не собираюсь покидать лагерь без разрешения Жюста.

– Да ладно, я смогу провести тебя мимо часовых!

Предложение заставило герцога задуматься. Теоретически, информация о немногочисленных Одаренных порталыщиках, умеющих работать с перемещениями во времени, могла содержаться в записях инквизиторов. Да и библиотека инквизиции славилась до Смуты коллекцией редких работ, некоторые из которых существовали

лишь в одном экземпляре. Дайон плохо помнил, что случилось с книгами. Кажется, они сгорели в время пожара. В любом случае это был шанс хоть что-то узнать.

– Хорошо, – согласился он. – Идем!

Глава 6

На этот раз Анри не стал завязывать своему спутнику глаза.

– На случай, если тебе придется возвращаться самому, – беззаботно пояснил он, словно речь шла не о жизни и смерти, а о рыбалке.

Дайон нахмурился.

– Собираешься сражаться?

– Только если придется.

Анри усмехнулся так, что герцог понял: непременно придется. Он тяжело вздохнул, пытаясь решить, как лучше удержать спутника от очередной заварушки. Не то чтобы парень много для него значил, но это был кузен Виолы, и девушка явно дорожила родственником.

Пока на ум приходило только подкрасться сзади и огреть дубиной по голове. Дайон даже огляделся вокруг в поисках подходящей палки, но по здравом размышлении отменил эту заманчивую идею. Однако рассчитывать на рассудительность Анри тоже не приходилось – парень был как раз в том возрасте, когда любое безумство кажется захватывающим приключением. Герцог тяжело вздохнул, опять чувствуя себя стариком.

Погруженный в свои мысли, он не сразу понял, что переливчатый свист над головой – это не птица. Анри так же заливисто просвистел в ответ и кивнул:

– Пойдем!

– Они не доложат о нас Жюсту?

Дайон вглядывался в раскидистые кроны, пытаясь отыскать часовых.

– Пока доложат, мы уже вернемся, а победителей не судят! – самоуверенно отозвался парень.

Герцог мрачно подумал, что в данном случае, если они проиграют, то о них тоже можно будет отзываться только хорошо, поскольку они будут мертвы.

Вынырнув из леса, они пересекли просеку и оказались у знакомого Дайону поворота. Вернее, петли, которую делала дорога,

чтобы обогнуть охотничьи угодья герцога. Дайон направился было по знакомому пути, но Анри остановил его:

– Надо подождать!

– Чего именно?

– Когда кто-нибудь пойдет в город. В толпе легче затеряться, и стража не так внимательна, – охотно пояснил парень.

Герцог кивнул. Анри постелил плащ и растянулся на нем, закинув руки за голову. Дайон присел рядом и тоже посмотрел на небо, по которому неспешно плыли объемные облака. Многие умудрялись высматривать в их очертаниях животных или же мифических существ, но для герцога облака были просто белой пеной.

Ждать пришлось не слишком долго, и Дайон даже не успел почувствовать раздражение от бессмысленной траты времени. Скрип колес возвестил о том, что по тракту едет телега. Анри моментально вскочил и подобрался.

– Говорить буду я, – предупредил он герцога.

Тот кивнул, совершенно не представляя, как можно уговорить хозяина телеги позволить двум незнакомцам вместе войти в город.

– Люди добрые, помогите! – затынул Анри, как только телега показалась из-за поворота.

– Что стряслось? – возница, судя по виду зажиточный крестьянин, натянул поводья.

– Да вот... – Анри тяжело вздохнул. – У него сестра сбежала...

Дайон окаменел, гадая, откуда его спутник узнал о Денизе.

– С каким-то дворянчиком, он-де жениться обещал, – как ни в чем не бывало продолжал Анри.

Крестьянин вопросительно посмотрел на Дайона. Пришлось кивнуть. Возница сокрушенно поцокал языком.

– Вот ведь незадача! – с сочувствием произнес он.

– Мы в погоню и кинулись, – продолжал Анри, воодушевленный вниманием слушателя. – Собирались спешно, а тот дворянчик девушку в город утянул... Мы – туда, а документов у нас нет...

– Таперича всех проверяют. После вчерашнего взрыва на тракте, – подтвердил крестьянин.

– Что за взрыв? – словно невзначай поинтересовался Дайон.

– Да кто ж его знает. Говорят, герцога нашего не то убить, не то освободить хотели.

– А сам что думаешь? – спросил герцог, прежде чем Анри успел его остановить. Крестьянин насторожился, на круглом румянном лице появилось глупое выражение:

– Мое дело маленькое, господин, – протянул он. – У меня урожай скоро, куда мне еще думать!

– И правильно, пусть господа думают! – поддержал его Анри. Крестьянин выдохнул и закивал.

– Верно. Наше дело маленькое!

Дайон скривился. Он никогда не жаловал тех, кто с легкостью менял убеждения в угоду новой власти.

Резкий толчок под ребра заставил вздрогнуть. Герцог обернулся. Анри выжидающе смотрел на него, для пущей убедительности вытаращив глаза.

– Простите, – вздохнул Дайон, обращаясь к хозяину телеги. – Я слишком беспокоюсь о сестре. У нее неплохое приданое, а в эти времена все так и норовят...

Крестьянин опять расплылся в улыбке.

– Конечно, конечно! – закивал он.

– Так что не могли бы вы... Впрочем, думаю, это будет не слишком правильно...

В пальцах Анри мелькнула серебряная монета.

Блеск благородного металла отразился в глазах возницы. Он пошевелил губами, явно прикидывая, как бы распорядился щедрым вознаграждением. Дайон лениво следил за ним краем глаза, прекрасно представляя, что сейчас творится у крестьянина в голове.

– Говорят, в таверне на площади неплохое пиво, – словно бы невзначай заметил он.

Фраза оказалась решающей. Крестьянин шумно сглотнул и мотнул головой:

– Залезайте! У меня в подорожной аккурат два батрака записаны!

Анри не надо было упрашивать дважды. Он радостно вскочил и протянул руку Дайону, чинно подошедшему к незамысловатому средству передвижения.

– Думаю. Мне лучше сесть на козлы. – Герцог скептически осмотрел свободный край телеги, судя по пятнам, изгвазданный куриным пометом.

Не дожидаясь возражений, он присел рядом с возницей. Тот хлестнул вожжами и причмокнул. Кони нехотя двинулись вперед. Колеса скрипнули, и из-за поворота показались знакомые очертания городских стен. Дайон задумчиво скользнул по ним хозяйским взглядом, заметил разрушения и поморщился, прекрасно помня, сколько времени и средств пришлось потратить на их восстановление.

– Господин, вы только это... – пробормотал крестьянин.

– Что? – недовольно отозвался герцог.

– Спину-то согните. Слишком уж ровно вы ее держите. Так сидеть – только внимание привлекать.

– Да, конечно.

Герцог усмехнулся, вспомнив, что Дениза пару раз говорила ему о том же.

Чтобы ссутулиться, пришлось опереться локтями о колени. Телегу потряхивало, колеса то и дело подпрыгивали на ухабах, от непривычной позы плечи и поясницу свело. Но физический дискомфорт был сущей ерундой в сравнении с душевным, ведь ровная спина, как и сдержанные манеры, служили щитом, которым он прикрывался, чтобы не выдавать окружающим свои слабости.

От крестьянина пахло луком и потом, скрип колес угнетал, и Дайон уже готов был отказаться от плана проникнуть в город, когда телега остановилась. Краем глаза герцог заметил огромные ворота, обитые железом, на которых был отчеканен герб Левансии.

– По сторонам лучше не оглядываться, – прошипел возница и сразу же громко воскликнул. – Добрый день, господа!

– Куда едете? – Охранники подошли, внимательно рассматривая путников. – Где-то я тебя уже видел!

Слова адресовались Дайону. Он поднял голову и встретился взглядом с одним из тех стражников, которые гнались за Виолой. Блюститель порядка наморщил лоб, пытаясь вспомнить обстоятельства предыдущей встречи.

– Это вряд ли, господин, – засуетился крестьянин, доставая подорожные. – Работники мои в город нечасто ездят...

– Может, и так, – стражник еще раз внимательно взглянул на герцога и взял документы, зашевелил губами, явно читая по слогам. – Все верно. В город зачем?

– Так это... моркву продать, домой кой-чего купить.

Возница слишком резко махнул рукой, в которой были зажаты вожжи, лошади дернулись, телега подалась вперед, едва не сбив с ног читавшего документы стражника.

– Ты чего? – набычился он. – Ты это! Это!

Стражник поднял палец вверх, пытаясь подобрать слова.

– Вы же видите, что кобыла застоялась! – некстати возмутился Анри, которому надоело молчать. – Читали бы быстрее!

Крестьянин вздрогнул, а Дайон заскрипел зубами, прекрасно понимая, что сейчас начнется. Лицо стражника стало пунцовым, а глаза налились кровью.

– Учить меня вздумал? – прошипел он, брызжа слюной во все стороны. – Да я вас всех...

Что будет дальше, Дайон слушать не стал, перехватил вожжи и хлестнул несчастную клячу. Она рванула вперед, телега с грохотом помчалась по булыжной мостовой под крики и улюлюканье прохожих.

Пронесясь по центральной улице, ведущей к ратуше, у самой площади герцог свернул в едва заметный переулок, и притормозил лошадей. Немного поплутав по узким улочкам, телега выехала в северный район города. Дома здесь стояли так близко друг к другу, что перекрывали солнечный свет.

– Приехали, – Дайон остановил лошадь и спрыгнул, кинув вожжи хозяину телеги. Тот сидел, вцепившись в доски облучка и выпучив глаза. – Лошадь распряги, телегу брось. Продай свою морковку в ближайший трактир и верхом уезжай из города. Понял?

Тот кивнул, все еще находясь в состоянии шока.

– Анри, расплатись и пойдём! – герцог произнес это таким тоном, что кузен Виолы не посмел возразить. Он сунул в руку крестьянина не одну, а несколько серебряных монет, и поспешил за компаньоном, отправившимся обратно к ратуше. По мере того как они подходили к площади, до их слуха стали доноситься звуки, свидетельствующие о том, что за нарушителями была отправлена погоня: ржание лошадей, бряцанье оружия, грубые голоса, спрашивавшие о телеге и троих мужчинах.

– Повезло, что сейчас ярмарка, и этих телег видимо-невидимо, – первым заговорил Дайон.

– Да... – Анри помолчал, но любопытство взяло верх. – Йонатан, а где ты научился?

– Чему? – насторожился герцог.
– Управлять экипажем! Ты ведь не задел ни одного дома!
– А это... да так, – усмехнулся Дайон.
– И город ты знаешь, – Анри, наконец, догнал его и легко подстроился под шаг.
– Я же говорил, что вырос здесь.
– Точно. А как ты оказался в Лексонии?
– В Эвендейле, – Дайон остановился так резко, что Анри по инерции еще прошел несколько шагов. – Хорошая попытка...
– Какая?
– Поймать меня на несоответствиях. Но она не работает.
– Почему?
– Потому что я говорю правду. Пойдем, надо переждать всю эту заварушку.
– И куда же мы направимся?
– Туда, где нас не будут искать... – Дайон сделал вид, что задумался. – Наверное, в городскую библиотеку?
– Ты еще скажи – в здание инквизиции, – хмыкнул Анри. – Нет уж, давай действовать по моему плану!

План Анри состоял в том, чтобы добраться до ближайшей таверны и затаиться там, пока стражники рыскают по городу. Дайон скептически отнесся к подобной идее, недоумевая, почему стражники не могут заглянуть в таверну, пока не вспомнил о погроме винных погребов на рынке. Это произошло в самом начале Смуты, когда городская стража, воспользовавшись неразберихой, упиалась до беспамятства и проморгала несколько крупных краж. Часть этих людей были повешены, часть – бежали, а лорд Маркус лично подписал указ, запрещающий стражникам при исполнении переступать порог таверны. Странно, как он не подумал о том, что в таверне будут прятаться неблагонадежные личности...

Оказалось, последнюю фразу Дайон произнес вслух.
– Все равно из таверны никуда не денешься, – охотно пояснил Анри. – Ну, день посидишь, ну, два... дальше хозяин сам тебя скрутит и стражникам сдаст, как лицо подозрительное.
– А комнату снять нельзя?
– Для этого подорожная нужна. Без нее никак. Так что не беспокойся, к вечеру уйдем!

Дайон подумал, что лучше бы Анри мечтал напиться: это избавило бы их от необходимости освобождать пленников. Но парень был настроен на приключения. Герцог тяжело вздохнул. Конечно, оставалась надежда на чудо...

– Пришли!

Анри указал на деревяшку над дверью с неровно выведенной надписью «Счастливая птица». Рядом было нарисовано нечто, более всего напоминающее голубого баклана. Судя по косым глазам, птица выпила столько, что посетителям оставалось лишь завидовать здоровью пернатого алкоголика.

Дайон задумчиво посмотрел на Анри. Будь у герцога деньги, он бы попытался напоить компаньона до состояния баклана и тем самым удержать от безумных поступков, но денег не было. И тут взгляд его упал на соседнюю вывеску «Банкирский дом Козимо».

Переселившиеся в Левансию южане вели дело с незапамятных времен, передавая бизнес от отца к сыну. Во времена Смуты они сохранили нейтралитет, и их дом не тронули, особенно после того, как они клятвенно пообещали лорду Маркусу выдавать средства по чеку, подписанному юным герцогом Левансийским. Главное, чтобы подпись совпадала.

Уже далеко не юный герцог усмехнулся. Его подпись не изменилась, разве что стала более размашистой, но это можно и исправить.

– Йонатан, ну что ты! – поторопил Анри.

– Извини, задумался.

Войдя в таверну, они сделали заказ, после чего Дайон потребовал писчие принадлежности. Их принесли не сразу: по всей видимости, в таверне подобные заказы были редкостью.

– Кому ты собрался писать? – нахмурился Анри.

– Банкирскому дому Козимо. – Дайон решил не скрывать правду. Все равно ему пришлось бы объяснять, откуда взялись деньги. – Они хранят мои средства, и выдадут мне небольшую сумму.

Кузен Виолы кивнул, вполне удовлетворенный объяснением. Оформив вексель, Дайон подписал его, старательно, как в детстве, выводя каждую букву. Это оказалось не слишком сложно, сложнее было закрыть документ от компаньона. Покончив с этим, герцог аккуратно сложил вексель и встал.

– Мне пойти с тобой? – Анри подорвался с места.

– Лучше не надо. Не стоит пугать банкиров и вынуждать их задавать неприятные вопросы.

– Тогда я подожду у банка, – настаивал парень. Дайон устало взглянул на него:

– Анри, не глупи. У меня уже было огромное количество возможностей сдать тебя страже.

– Может, ты просто передаешь им информацию, – заупрямился он.

– И как твое присутствие на пороге этому помешает? – парировал герцог. – К тому же банкирский дом Козимо хранит нейтралитет и вряд ли станет помогать лорду Маркусу.

– Почему-то он их не тронул, – проворочал Анри.

– Потому что у них его деньги. Как и деньги герцога. – Дайон криво усмехнулся. – Нет, если хочешь привлечь внимание, разумеется, можешь отправиться вместе со мной, но где гарантия, что, заметив на пороге незнакомца, управляющий банком не позовет стражу?

Анри упрямо сжал губы и выдавил:

– Ладно. Иди.

– О, благодарю за дозволение.

Дайон издевательски поклонился и вышел.

Глава 7

В банкирском доме Козимо царила прохлада и спокойствие. На несколько секунд Дайону, ожидавшему банкира в просторном холле, показалось, что он никуда не перемещался, и сейчас старший компаньон господин Лоренцо выйдет лично поприветствовать знатного гостя и предложит вина с печеньем.

– Господин... э-э-э? – раздался за спиной знакомый голос.

Дайон обернулся и встретился взглядом все с тем же Лоренцо, только выглядевшим ощутимо моложе. «Он и есть моложе», – пронеслось в мозгу. Следующая мысль была о том, не произойдет ли теперь нечто непоправимое, ведь герцог встретился с тем, кто знает его в будущем, и следовательно нарушил законы временного пространства. Герцога бросило в холодный пот. Но небеса не разверзлись и тонны воды не хлынули, чтобы смыть Левансию с лица земли. Напротив, солнце светило всюду, а за окном пищали птенцы ласточки.

– Йонатан. Йонатан Мэлстон, – заметив, что банкир все еще выжидающе смотрит на незнакомца, герцог ляпнул первое, что пришло на ум.

– Мэлстон? – Банкир нахмурился, пытаясь вспомнить клиента с таким именем.

– Я по поручению лорда Маркуса, – торопливо добавил Дайон, протягивая вексель. – Он меня уполномочил.

Лоренцо кивнул. Развернув лист, он принялся томительно медленно вчитываться в строки, изучая каждую букву. Дайон ждал, стараясь не выказывать нетерпения.

– Что ж, – банкир наконец свернул вексель. – Все верно. Подписи совпадают. Но...

– Но?

– Я раньше не видел вас в свите герцога.

– Я был в Эвендейле.

Чтобы не путаться, Дайон решил не придумывать другую версию.

– Это, конечно, объясняет ваше отсутствие, но почему лорд-регент доверил вам столь важное дело?

– Наверное, потому что я заслуживаю это доверие? – вскинул бровь герцог.

– Интересно, чье? – пробормотал Лоренцо.

– А вы как думаете? – хмыкнул Дайон и чуть тише добавил. – Прекратите, вы же знаете, что мальчишка ничего не решает!

– Да, но векселя подписывает именно он.

– Он и подписал.

Герцог кивком головы указал на подпись.

– Хорошо.

Банкир позвонил в колокольчик. Клерк, одетый в темное, возник в холле, словно по волшебству. Сколько Дайон ни пытался привыкнуть к подобному появлению, все равно каждый раз приходилось брать себя в руки, чтобы не вздрогнуть.

– Господин Лоренцо?

Клерк поклонился, старательно не замечая гостя. Банкир передал ему вексель:

– Выдать требуемую сумму незамедлительно!

– Разумеется. Прошу вас немного подождать.

На этот раз поклон предназначался герцогу. Клерк исчез, чтобы ровно через минуту появиться с увесистым кошельком.

– Требуемая сумма. Желаете пересчитать?

– Дому Козимо можно верить на слово, – отмахнулся Дайон.

Он подхватил кошель и прикрепил на пояс. Пальцы едва заметно кольнуло магической искрой, и герцог вопросительно взглянул на банкира.

– Страховка от воров. Воспользоваться может только герцог, либо его доверенное лицо.

– Хорошо.

С этой стороны проблем возникнуть не могло. Кивнув на прощание, Дайон вышел. Однако в таверну он направился не сразу. Немного поплутал по городу, сбивая «хвост», который вполне мог приставить банкир.

Поразительно: сидя в заточении, Дайон почему-то думал, что во всем герцогстве подданные сидят взаперти, но он ошибался. В городе бурлила обычная жизнь. Люди спешили по своим делам, во дворах играли дети. Правда, прохожие редко улыбались, и даже малышня вела себя не так шумно, как в иные времена. А, может, Дайону так казалось,

потому что сейчас он был просто человеком с улицы. Никто не узнавал его, не приветствовал, не спешил позвать ребенка, чтобы тот взглянул на правителя Левансии.

Дайон словно затерялся в толпе. Это было странное чувство, с одной стороны, он наслаждался им, а с другой – ощущал себя не слишком уютно, словно разгуливал по улицам без одежды. Подобное сравнение напомнило о главном, и Дайон, убедившись, что за ним никто не следит, завернул в ближайшую лавку. Колокольчик звякнул над головой, предупреждая хозяина. Тот окинул вошедшего недовольным взглядом и нахмурился.

– Я и сам не в восторге от своего вида, – кивнул герцог. – И готов заплатить, чтобы выглядеть прилично.

Он спокойно достал из кошелька монету и положил на прилавок. При виде золота хозяин расплылся в улыбке и распахнул двери примерочной:

– Пожалуйста, господин...

– Спасибо.

Дайон сделал вид, что не заметил вопросительных интонаций в голосе. Хозяин настаивать не стал, опасаясь потерять щедрого клиента. Ровно через полчаса герцог оказался обладателем нескольких пар сменного белья, с полдюжины рубашек и даже нового плаща. К сожалению Дайона, а еще большему – хозяина лавки, приемлемой для роста герцога верхней одежды не нашлось, вся она была коротка, но он получил уверения, что к концу недели, если заглянет, то обязательно найдет подходящие вещи.

Герцог сухо кивнул, не желая давать обещаний. После он направился к цирюльнику и, наконец, побрился. Почувствовав себя почти удовлетворенным жизнью, он вернулся в таверну к обеспокоенному Анри.

– Где тебя только черти носят! – напустился на него кузен Виолы, но тут же осекся, внимательно рассматривая приятеля. – А, вон оно что! Интересно. На кого ты собираешься произвести впечатление?

– Прости?

– Выглядишь так, словно только что вышел из замка, а не ночевал в лесу! – не сдавался Анри.

С последним утверждением Дайон бы мог поспорить: он никогда не выходил из замка в таком неряшливом виде, но упоминание об этом

было бы сродни невежливости, и потому он просто пожал плечами:

– Во-первых, дворянин всегда должен выглядеть достойно, а во-вторых, это собьет со следа стражников. Они ищут двух сельских батраков, а не аристократа.

– И то верно, – признал Анри. – Ладно, пойдем, что ли?

– Ты не хочешь еще выпить? – Дайон попытался претворить в жизнь свой план, но компаньон покачал головой:

– Настроения нет. Пока тебя не было, я уж такого напридумывал!

– Что именно?

– Да разное, – смутился Анри.

Дайон хмыкнул, но не стал дальше расспрашивать.

– Банкир оказался слишком любопытным. Расспрашивал про Эвендейл, – как можно более небрежно отмахнулся он.

– И что ты рассказывал?

– В основном сплетни. Ты не видел никого, похожего на Мэтью?

Герцог умышленно сменил тему разговора.

– Еще не стемнело. Не думаю, что мальчишки будут бродить по улицам.

– Да, в ночи играть в шпионов гораздо удобнее, – проворчал Дайон.

От возмущения Анри застыл на месте.

– Они не играют! – вскинул голову он. – Они – патриоты, готовые защищать свою страну до последней капли крови.

– Или идиоты, чьей наивностью пользуются те, у кого сохранилась толика разума, – оборвал его герцог и подхватил под локоть. – Пойдем, не стоит привлекать внимание.

– Думаешь, если мы станем прогуливаться под руку, то останемся незамеченными? – парировал кузен Виолы.

– Вряд ли, хотя заметят нас определенно иные люди.

Словно в подтверждение слов Анри их окликнули.

– Эй, вы! – Стражники подошли ближе. – Вы что тут творите, а?

– Мы с другом как раз обсуждали, как тяжела, должно быть, служба в городской охране, – подобострастно ответил Анри. – И в жару, и в холод носить доспехи и проверять людей на благонадежность – такое выдержит не каждый.

– Это верно! – Блюстители порядка приосанились, а тот, кто постарше, подкрутил усы. – В городской страже неженки не жалуют!

– Как и честных людей, – пробурчал Дайон себе под нос.

Кузен Виолы ощутимо пихнул его локтем под ребра и продолжил:

– Скажите, не будет ли нарушением угостить вас, господа?

Он кивнул в сторону таверны. Стражники с тоской взглянули на косоглазого баклана.

– Вы, видно, приезжий, господин, и не знаете, что нам запрещено входить в таверны, – начал один, тот, кто помоложе.

– Разумеется, знаю, но мы могли бы вынести вам кружки сюда, – предложил Анри.

Стражники переглянулись.

– А ведь это идея, – хмыкнул усатый. – Почему бы и нет?

Дайон нахмурился, а Анри весело кивнул и скрылся за тяжелыми дверями. Минутой позже он опять возник на пороге, неся в руках две кружки, доверху наполненные карамельно-темным напитком.

– Прошу! Но думаю, вам лучше отойти в сторону, – предложил он, протягивая кружки. – Не ровен час, кто-нибудь увидит и донесет лорду Маркусу...

– И то верно. – Стражники переглянулись и послушно направились в проулок.

– Анри, это что за шутки? – прошептал Дайон.

– Тише, – оборвал его компаньон, внимательно следя за блюстителями порядка.

Выждав немного, он поманил приятеля и направился в переулок, где несколькими минутами ранее скрылись стражники. Они все еще были там, сидели на земле, прислонившись к стене, и сладко спали. Дайон с изумлением перевел взгляд с них на кузена Виолы:

– Но как...

– Трактирщик – наш человек, – усмехнулся Анри. – Давай, связывай их и снимай кольчуги!

– Зачем?

– А как ты будешь выбираться из города?

– Не думаю, что это – хорошая идея. Если они очнутся...

– Не беспокойся, средство проверенное, и до утра они проспят, как миленькие! Лучше помоги мне.

Чуть позже два стражника вышли из переулочка. Если приглядеться, то было бы заметно, что кольчуги на них не по размеру, а туники с вышитым гербом Левансии основательно измяты, но, как и надеялся

Дайон, никто из прохожих не стал приглядываться. Все спешили пройти мимо, на всякий случай опустив голову.

Они добрались до очередного поворота, когда Анри резко остановил герцога:

– Йонатан, ты куда?

– Что?

– Здание инквизиции... оно же в другой стороне.

Дайон мысленно отругал себя. Надо же, по привычке он направился к крепостным стенам. Туда, где инквизиция располагалась после Смуты.

– Верно, я запомнил.

Огромное строение, облицованное темным камнем, возвышалось над площадью. Дайон помнил его уже основательно обгоревшим и без башни. Теперь герцогу представилась возможность полюбоваться старинным зданием во всей красе. Узкие стрельчатые окна, огромные позолоченные двери с барельефами сцен раскаявшихся грешников, высокая башня возвышается над крышами – символ, что от взгляда инквизиции не уйти.

– Не пялься так, нас разоблачат, – прошипел Анри, подталкивая Дайона в спину. – Ты же говорил, что вырос здесь.

– И что?

– Как что? Неужели никогда не видел здание инквизиции?

– Видел, конечно, – пробормотал Дайон, оглядываясь. – Ни Мэтью, ни того паренька...

Анри тоже посмотрел по сторонам.

– Знаешь, я тут подумал... – начал он.

– Нет! – оборвал его герцог. – Мы не будем освобождать узников. Мы найдем Мэтью и вытащим его из города, даже если для этого придется перекинуть его через городскую стену!

Анри упрямо сжал губы, но спорить не стал. Изображая городской патруль, они прохаживались вдоль улицы, внимательно всматриваясь в лица прохожих. Те отворачивались и спешили пройти мимо, не желая привлекать внимание стражников.

Вскоре стемнело. Уличные фонари горели через один. Прекрасно понимая, что если они не уйдут, то вызовут подозрения инквизиторов, Дайон хотел предложить Анри свернуть в ближайший переулок и затаиться, хотя бы на время, когда на улице появился послушник. Его

лицо было скрыто капюшоном, плечи ссутулены, но что-то неумолимо подсказывало герцогу, что это – юный секретарь Жюста.

– Анри, – негромко окликнул он кузена Виолы.

Тот всмотрелся в фигуру, облаченную в рясу, и кивнул.

– Странно, что он один, – заметил Анри.

– Наоборот. Того парня инквизиторы видели, и он мог бы вызвать подозрения. Пойдем!

– Ты не хочешь посмотреть, что Мэтью будет делать?

– Нет, – отрезал Дайон. – Что бы он ни делал, это вызовет внимание инквизиторов, а мне совершенно не хочется осматривать их здание изнутри. Особенно подвалы.

Он развернулся и зашагал к послушнику.

– Именем герцога! Остановитесь!

Мэтью вздрогнул и откинул капюшон, чтобы лучше видеть, кто его окликает. Заметив Дайона, секретарь выпрямился.

– Я никуда не пойду! – выпалил он.

– Неужели? – процедил Дайон, которому все это порядком надоело.

– Да! – Мэтью вскинул голову. – Спасение невинных...

– Дело рук самих невинных, – оборвал герцог.

Он хотел добавить, что парню пора повзрослеть и думать своей головой, а не лозунгами других, но не успел. Небольшая дверь, встроенная в величественный вход здания инквизиции, распахнулась, и на пороге возник мужчина в темных одеяниях.

– Добрый вечер! – Он говорил мягко, но от его тона по спине герцога пробежал холодок. – Могу я поинтересоваться, по какому праву вы удерживаете нашего послушника?

– Он нарушил закон.

– Мы не подчиняемся законам Левансии, только божьим. – Инквизитор начал неторопливо спускаться с крыльца. Он двигался настолько плавно, что, казалось, летел по ступеням. – Если наш послушник что-то нарушил, сообщите нам, и мы сами решим, насколько тяжело его прегрешение.

Анри беспомощно посмотрел на герцога, тот пожал плечами, судорожно пытаясь придумать причину задержания. Обвинять секретаря в воровстве не хотелось, а остальное, что пришло в голову, –

отсутствие почитания старших и прелюбодеяние, – не имело отношения к городской страже.

– Что ж, если вы затрудняетесь ответить... – Инквизитор подошел ближе.

– Он плохо отзывался о регенте герцога, – выпалил Дайон. – Это – политическое преступление!

– Правители есть помазанники Божьи на земле! – Инквизитор сурово взглянул на опешившего Мэтью. – Бранить их – значит подвергать сомнению выбор Господа нашего. Мы разберемся.

Он схватил секретаря за край рясы и потянул к зданию.

– К сожалению, у нас приказ доставить парня к начальнику. – Анри поспешил на помощь Дайону и схватил Мэтью за второй рукав. – Боюсь, он будет недоволен, если мы вернемся ни с чем.

– Ваш командир может обратиться с запросом к нам, – не собиравшись сдаваться инквизитор. – Мы сурово покараем ослушника.

– Да, но высказывания прозвучали публично, – напирал Анри. – Следовательно, наказание тоже должно быть публичным. Иначе все решат, что преступник избежал кары.

– Он будет наказан по всей строгости нашего закона.

– Но не закона Левансии!

Дайон, все еще придерживающий Мэтью за шиворот, с интересом прислушивался к столь содержательной беседе. Сам секретарь предпочитал молчать, опасаясь выдать себя.

– Инквизиция находится вне государства и не подчиняется герцогу, – назидательно произнес святой отец. – Удерживая нашего послушника, вы сами совершаете преступление.

Он еще сильнее потянул за рукав.

– Преступление совершаете вы, покрывая преступника. – Анри тоже усилил хватку.

С минуту они, зло сопя, перетягивали рясу, пока треск не возвестил, что ткань не выдержала. Оба пошатнулись. Мэтью схватил Анри за руку, помогая удержаться на ногах. Инквизитор упал на мостовую.

– Это что, сговор?

Глаза его сузились. Он выставил руку вперед. Дайон увидел, как на пальцах служителя церкви задрожали искры магии. Герцог похолодел, слишком поздно поняв, почему инквизитор так спокойно

выступал против двух вооруженных мужчин. Кто бы мог подумать, что противник окажется Одаренным. Еще один удар сердца и маленький огненный шар, сорвавшись с ладоней устремился к Анри с Мэтью. Герцог не обольщался: такой шар мог прожечь человека насквозь.

– Берегись! – отшвырнув Мэтью, он прыгнул вперед, заслоняя собой друзей.

Шар прошел через его тело, не причинив вреда. Одаренный, владеющий магией уничтожения, может использовать ее, чтобы ранить или убить любого, но только не другого Одаренного. И пусть Дайон никогда не развивал своих врожденных способностей, иммунитет в развитии не нуждался.

Инквизитор вскочил и выпустил еще несколько шаров, не целясь. Они заметались в воздухе разгоняя темноту. В ту же минуту двери здания распахнулись: инквизиторы спешили на помощь своему товарищу. На пальцах как минимум двоих мерцали магические искры.

– Бежим! – понимая, что силы неравны, приказал Дайон.

Он отмахнулся от назойливого магического шара, точно от мухи. Почувствовав враждебную магию, тоже разрушительную, тот вспыхнул еще ярче и влетел в распахнутую дверь здания. Раздавшийся звук взрыва заглушил ругательства присутствующих.

Черепица с крыши взлетела в воздух, а потом с громким стуком осыпалась на булыжники мостовой. Из двери полыхнуло, инквизиторы стремглав кинулись к зданию, но опоздали: магический огонь разгорался все ярче. С громким треском он жадно поглощал все, до чего мог дотянуться, ярко освещая площадь и темные фигуры служителей церкви, выскочивших из здания и пытающихся потушить бушующее пламя.

Несколько долгих секунд Дайон заворуженно смотрел на пожар, не веря собственным глазам. Трудно сказать, что шокировало его сильнее: собственные магические способности, столь неожиданно и драматично реализовавшиеся, или тот факт, что именно он, как оказалось, сыграл ключевую роль в уничтожении здания инквизиции. Герцог опустил взгляд на собственные руки. Оцепенение наконец спало, и он потянул своих друзей прочь. Тем более что на площади стали собираться люди, желавшие поглазеть на пожар. Примечательно, что никто из них не спешил на помощь инквизиторам.

Одеяния стражников вызывали вопросительные взгляды зевак и, свернув в ближайший переулок, герцог скинул ставшую бесполезной кольчугу. Анри незамедлительно последовал его примеру.

– Надеюсь, все поняли, что геройствовать глупо? – тихо поинтересовался Дайон у Мэтью. Тот опустил голову, признавая поражение.

– Я... я... спасибо, – выдавил он.

Герцог хмыкнул.

– Ладно, надо выбираться из города. И лучше сделать это сейчас, пока все заняты пожаром. Где мальчишка?

– Какой мальчишка?

– Который привел тебя сюда.

– Ушел, – Мэтью пожал плечами. – Сказал, что пойдет домой, в свою деревню.

– Ясно. – Голос герцога не предвещал ничего хорошего. – И тебе не пришло в голову его задержать?

– Зачем? Он же все рассказал.

– Затем, что тебя заманили в ловушку! – возмутился Дайон. – Пораскинь мозгами, что было бы, если бы тебя поймали?

– Но инквизиция...

– Сотрудничала с лордом Маркусом. Негласно.

– Сотрудничала? – насторожился Анри, а Дайон понял, что ошибся со временем. – До каких пор?

– До этих самых. Уверяю тебя, если бы Мэтью поймали, он очень быстро оказался бы в подвале герцогского замка, где из него бы вытянули все, что он знает о лагере и Жюсте. – Дайон оттолкнулся от стены. – Ладно, идем!

Подавленные осознанием своей вины, оба приятеля послушно поплелись за ним. У городских ворот возникла заминка. Стражники наотрез отказывались открывать ворота в ночное время, пока герцог не озверел окончательно и пригрозил повесить их в стенах города – чтобы не нарушать «порядка». Что-то во внешнем виде и голосе мужчины, вне всяких сомнений, дворянина, привыкшего к мгновенному исполнению своих распоряжений, показалось стражникам очень убедительным. К тому же они были в меньшинстве и предпочли не связываться с настойчивыми незнакомцами. В конце-то концов, те стремились выйти из города, а не войти!

Уже у самого леса Дайон не выдержал и оглянулся. Судя по сполохам на небе, пожар до сих пор бушевал вовсю. Герцог вдруг вспомнил, как проклинал того, кто устроил этот пожар, и расхохотался. Анри с Мэтью недоуменно взглянули на него, ожидая объяснений такому безудержному веселью, но Дайон только махнул рукой и направился в лес.

Глава 8

До лагеря они добрались далеко за полночь. Часовой, возникший из темноты, проинформировал, что Жюст еще не вернулся.

– Хорошо, – кивнул Дайон. Он слишком устал, и ему хотелось выспаться, прежде чем давать объяснения командиру отряда.

Все мысли о сне разлетелись, как только герцог со спутниками появился на поляне. Несмотря на поздний час, Виола сидела у костра и задумчиво смотрела на огонь. Услышав шорох, она подняла голову и в следующий момент уже подлетела к Анри.

– Как ты мог? – Чтобы схватить кузена за отворот куртки ей пришлось встать на цыпочки. – Как ты мог так поступить?

– Ви... послушай... – Парень выглядел растерянным. Продолжить ему не дали.

– Ладно Мэтью, он еще слишком юный, но ты!

Видя, как секретарь Жюста краснеет, Дайон злорадно хмыкнул и собирался уйти, но тут Виола напустилась и на него:

– А вы?

– Я?

– Взрослый человек, а играете в те же игры! Вам должно быть стыдно!

– Стыдно? – герцог заломил бровь. – Позвольте полюбопытствовать, на этот раз за что?

В замке, услышав этот тон, обитатели бы задрожали и поспешили как можно быстрее исправить все оплошности, даже пока не совершенные, но на Виолу лед в голосе оппонента не произвел ни малейшего впечатления.

– Пускаться с юнцами в авантюру недостойно! – припечатала она.

Дайон смерил ее надменным взглядом.

– Как вы успели заметить, я – взрослый человек. Поэтому предпочитаю решать все сам, и не нуждаюсь в критике от зеленой девчонки, – отчеканил он. – И, прошу, избавьте меня от ваших семейных сцен!

Он сухо поклонился и направился в свою палатку. Из-за необоснованных обвинений девушки сон как рукой сняло. Герцог

долго ворочался на походной кровати, но все-таки встал, прекрасно осознавая, что заснет только под утро. Скользнул тоскливым взглядом по смутным очертаниям листвы.

У себя в замке он заперся бы в кабинете, занимаясь рутинной работой, которую откладывал для подобных случаев. Но сейчас подобных дел не предвиделось. Не зная, чем себя занять, Дайон вышел. На поляне никого не было. Судя по громким голосам, в одной из палаток Виола все еще отчитывала Анри. Парень вяло возражал, явно считая, что лучше не провоцировать воинственно настроенную кухню.

Дайон усмехнулся. Виола отчасти напоминала ему сестру. Тоже по-своему импульсивная, но при этом здравомыслящая. Он вдруг вспомнил, как отговаривал Денизу от работы в тайной службе Левансии. Логичные, тщательно выстроенные доводы она отмела единственным аргументом: «Я умру от скуки!»

И Дайон уступил. Более того, обещал не вмешиваться и сдержал свое слово. Почти сдержал, не считая башни и того случая, когда узнал о связи с сестры с Ковентеджем и в сердцах приказал вернуть ее в Левансию, даже если для этого понадобится заковать ослушницу в кандалы. Кто бы мог подумать, что исполнительный Феррант воспримет его слова буквально? Теперь Дениза припоминала ему тот случай при любом подходящем (и неподходящем) моменте.

Тихое покашливание заставило вынырнуть из воспоминаний. Герцог поднял голову и встретился взглядом с Виолой.

– Не вставайте, – предупредила она, но Дайон все равно успел вскочить, как того требовали правила приличия. – Вернее, присаживайтесь.

– Спасибо. – Он снова опустился на бревно, на котором сидел до прихода девушки. Она помолчала, сосредоточенно рассматривая маленькие язычки пламени.

– Вы что-то хотели? – спросил герцог.

Девушка устало потерла виски.

– Пожалуйста, помолчите, – попросила она. – Я пришла извиниться, но я не умею извиняться, у меня это плохо получается.

– Тогда не начинайте, – на полном серьезе посоветовал герцог, хотя уголки рта невольно подрагивали от тщательно сдерживаемой улыбки. Виола покачала головой.

– Я должна это сделать. Анри все рассказал. Вы не только пытались отговорить его от безумства, но и спасли ему жизнь. – Она прикусила губу, а потом тряхнула головой и решительно закончила: – Так что я должна поблагодарить вас!

– Не стоит, если это не доставит вам удовольствия. – Дайон не смог сдержаться и не поддеть ее.

Девушка взглянула на него, гневно сверкнув глазами.

– Ну что вы за человек?! – с укором произнесла она. – Вы же видите, что мне трудно! Могли бы и помочь! Или, хотя бы, помолчать!

Ее возмущение было настолько искренним, что герцог не выдержал и рассмеялся. Девушка вспыхнула и хотела вскочить, но он удержал ее за руку.

– Простите, но у вас действительно плохо получается приносить извинения, – улыбнулся он.

– Я же вас предупреждала, – проворчала Виола, даже не пытаясь выдернуть ладонь.

– Тем ценнее ваш поступок. – Герцог ободряюще улыбнулся. – Делать то, что не нравится, всегда тяжелее.

– Говорите так, словно у вас большой опыт.

– Не поверите, колоссальный! Я почти всю сознательную жизнь делаю то, что мне не нравится.

– Вот как? – Виола заинтересованно взглянула на собеседника. – И вы никогда не пробовали хоть что-то изменить?

– Это невозможно, – покачал головой Дайон. Он не стал говорить, что от его действий зависит судьба всего герцогства, но невысказанные слова отдавали горечью.

– В мире нет ничего необратимого! – пылко возразила Виола.

– Смерть, – напомнил ей Дайон и сразу же пожалел об этом. Девушка снова отвернулась к костру.

– Вы правы...

Герцог тяжело вздохнул, понимая, что невольно затронул все еще бередящую рану. Сам он давно свыкся со смертью родителей, слишком уж много лет прошло с той поры. Но для Виолы все случилось совсем недавно.

Внезапно Дайон с тоской подумал, что, перенесись он на два года раньше, смог бы поговорить с отцом, спросить совета... Герцог горько усмехнулся: и тут не повезло. Рука все еще покоилась поверх ладони

Виолы. Он чуть сильнее сжал пальцы, пытаясь не то приободрить девушку, не то просто разделить с ней горечь потерь. Она вздрогнула и недоуменно посмотрела на него.

– Я тоже прошел через это, – пояснил герцог. – Мне было пятнадцать лет, когда моих родителей убили.

Тяжелый вздох был ему ответом. Виола опустила голову:

– Знаете, я... я до сих пор не верю. Кажется, вернусь домой, а они там... – она моргнула, смахивая слезы. – Анри – все, что у меня осталось... Еще, конечно, есть двоюродная тетя, но это не то.

– Понимаю.

Дайон улыбнулся тому, как четко эта юная девушка сформулировала его чрезмерно сильную привязанность к Денизе. «Все, что осталось».

– А у вас?

– Что? – не понял герцог.

– У вас кто-нибудь есть?

– Сестра. Правда, она не так давно вышла замуж.

– В такое время? – Виола неодобрительно покачала головой.

– Никто из нас не выбирает время, когда жить и когда любить, – уклончиво ответил Дайон.

Девушка усмехнулась:

– Я опять сказала бестактность?

– Нет. А вы сами никогда не думали о том, чтобы выйти замуж? – Он предпочел сменить тему разговора.

– Что? – Виола несколько секунд смотрела на собеседника в замешательстве, а потом расхохоталась. – Ну, нет! Во всяком случае, не сейчас!

– Похоже, теперь бестактность сказал я. – Дайон вдруг вспомнил, что рассказывал Жюст про девушку и про соседа, ставшего шерифом.

Виола хмыкнула.

– Ну, на самом деле я думала об этом. – Ее глаза лукаво блеснули. – Когда мне было тринадцать, я мечтала выйти замуж за Дайона л'Эстре!

– За кого? – от неожиданности герцог Левансийский утратил равновесие и едва не упал на землю.

– За нынешнего герцога, верно, – девушка повеселела. – Все мои подруги мечтали...

- Я так и слышу в вашем голосе «но».
- Но потом я узнала, что он младше меня! Представляете? Она искренне забавлялась своим открытием.
- Всего на год, – попытался возразить Дайон, почему-то чувствуя себя уязвленным.
- На *целый* год! Можете представить мое разочарование?
- С трудом.
- Так и знала, что в вас нет никакого сочувствия!
- Ни малейшего, верно.

Их взгляды встретились. Миг, другой. Дайон вдруг явственно услышал, как бьется его сердце. В эту самую минуту Виола вздрогнула и опустила глаза.

– Уже поздно... и пора спать. Спасибо вам за Анри. – Она встала, тем самым вынуждая подняться и герцога. – И за... за все.

- И вам. – Дайон с теплотой посмотрел на девушку.
- Мне? За что?
- За то, что заставили смеяться.
- Вы говорите так, будто это достижение.
- Вы даже не представляете, какое! Спокойной ночи, Виола. – Он склонился над ее рукой, как того требовал этикет. – Хороших вам снов!
- Да. Хороших...

Убедившись, что девушка дошла до своей палатки (хотя что могло с ней случиться в охраняемом лагере?), Дайон снова направился к себе. К его удивлению, пожелание Виолы сбылось, и он впервые за долгое время крепко заснул.

Глава 9

Проснулся герцог от того, что кто-то бесцеремонно тряс его за плечо.

– Да вставай же!

Голос принадлежал Анри. Подавив желание хорошенько пнуть негодяя, Дайон нехотя открыл глаза.

– Что стряслось?

Спросонья голос звучал хрипло.

– Жюст приехал, – мрачно сообщил кузен Виолы. – Откуда-то узнал о вчерашнем пожаре. Он в ярости.

– Пожар?

– Жюст.

– И ты решил разбудить меня, чтобы об этом сообщить? Премного благодарен! – Дайон собирался повернуться на другой бок, но Анри остановил его.

– Он хочет тебя видеть.

– Интересно, зачем.

– Ведь это ты устроил пожар.

– Что?! – После этих слов сон как рукой сняло. – Хочешь сказать, это я поверил подозрительному мальчишке и понесся освободить заключенных? Или это я потащил тебя с собой искать в городе Мэтью втайне от командира лагеря?

– Ну, инквизицию-то сжег действительно ты, – рассудительно возразил Анри. – Говорят, здание до утра полыхало.

Дайон раздраженно закатил глаза, но тут же припомнил, сколько проблем вышло в свое время из-за этого здания.

– Ладно, – проворчал он, понимая, что разговора с Жюстом не избежать. – Скажи, скоро приду.

– Вообще-то я слышал слово «немедленно», – замялся Анри.

Дайон вскинул бровь.

– Не думаю, что пять минут, которые я потрачу для того, чтобы явиться к командиру лагеря в приличном виде, окажутся решающими.

– Ладно, инквизиция все равно сторела.

Анри вышел, а герцог встал и попытался привести себя в порядок.

Как выяснилось, это потребовало гораздо больше времени. Хоть холщовая сумка со вчерашними покупками и уцелела в неразберихе, рубашки смялись. К тому же Дайон совершенно забыл о таких покупках как расческа для волос и бритва. Он обреченно потер подбородок, покрытый колкой щетиной, а потом попытался пригладить волосы ладонями. Получилось плохо. Хоть в палатке и не было зеркала, Дайон прекрасно понимал, что он, не слишком далеко ушел от образа бродяги, волей везения заполучившего одежду приличного господина. Это осознание не способствовало поднятию и без того плохого настроения.

Убедившись, что сделал со своей внешностью все что мог, Дайон вышел из палатки и направился к Жюсту.

Командир отряда сидел за столом. Он бросил на вошедшего хмурый взгляд, но вставать не спешил. Напротив, откинулся на спинку стула, крутя в руках перо. Дайон поморщился, прошел и, не дожидаясь приглашения, сел на свободный стул.

– У вас пальцы испачкались, – словно невзначай заметил он.

Жюст взглянул на чернильное пятно, ругнулся и отложил перо.

– Ладно, – произнес он, опираясь ладонями о стол. – *Вы* не желаете мне ничего рассказать?

Он намеренно выделил обращение «вы», памятуя о замечании, которое ему было сделано ранее.

– Думаю, ваш секретарь справился с этой задачей гораздо лучше.

Дайон, в свою очередь, скрестил руки на груди.

Жюст сдвинул брови, но на герцога Левансийского это не произвело впечатления.

– Вы хотели что-то со мной обсудить, – холодно напомнил Дайон, таким тоном, будто они находились не в лесной палатке, а в родовом замке герцога.

– Да. Хотел... – процедил командир, понимая, что проигрывает по всем фронтам. – Только не обсудить, а предупредить: еще раз втянете моих людей в свою игру...

– О, даже так? – зло рассмеялся Дайон.

– Что? – Жюст ошарашенно моргнул. Он ожидал чего угодно: оправданий, уверений, что подобное не повторится, обвинений во лжи, но никак не смеха.

– Положа руку на сердце, вы действительно считаете, что я виновен во вчерашних злоключениях?

– Вы угнали телегу, нарушили городской покой и подожгли здание инквизиции, тем самым привлекая ненужное внимание, – сердито выпалил командир отряда заранее подготовленную фразу.

– А вы желали, чтобы я бездействовал и отдал ваших мальчишек на растерзание инквизиции? Или предпочитаете людей лорда Маркуса, вернее, ле Бриенна, в качестве палачей? – приподнял бровь герцог.

Если бы не назойливо крутящаяся в мозгу мысль о том, что он три дня не брит, Дайон даже получил бы удовольствие от этой пикировки.

– Я предпочитаю, чтобы все шло своим чередом!

– Как ни странно, в этом наши желания совпадают, – кивнул герцог. – Мне стоит напомнить, что именно вы и ваши люди привели меня сюда, не поинтересовавшись моим мнением на этот счет?

– Ну...

– Рад, что в этом вопросе мы достигли взаимопонимания. Теперь второй вопрос: мне следовало оставить ваших мальчишек в качестве жертв Астору ле Бриенну?

– Но...

– Рад, что этот вопрос мы решили так же быстро, как и предыдущий. У вас все?

– Нет, – отрезал Жюст. – Послушайте, я не знаю, кто вас прислал и зачем вам поручили поджечь здание инквизиции, но я не позволю втягивать моих парней в ваши махинации.

– Лучше предупредите их, чтобы не втягивали в махинации сами себя. Что же касается пожара, уверяю вас, это произошло случайно, а вот ловушка для ваших парней была создана намеренно. Вы знаете, что инквизиторы сотрудничают с лордом Маркусом?

– На этот счет нет достоверной информации. Они утверждают, что находятся вне политики.

– Бросьте, – поморщился Дайон. – С начала Смуты их никто не тронул. Более того, они свободно передвигаются по стране, получают щедрые пожертвования...

– И вы решили отомстить? – прищурился Жюст.

Герцог покачал головой:

– Я давно вышел из того возраста, когда пламя благородной мести сжигает душу. Еще раз повторюсь: все произошло случайно.

– Но по вашей вине.

– Увы. И, по правде говоря, я сожалею о своем поступке. Большая часть доказательств, подтверждающих лояльность инквизиторов нынешним властям, сгорела, и они легко выйдут сухими из воды... во всяком случае, я так полагаю, – спохватился герцог, заметив, сколь внимательно приглядывается к нему собеседник.

– И что еще ты полагаешь? – спросил Жюст, снова переходя на ты.

Это по меньшей мере означало, что он принимает слова собеседника всерьез.

– Что ты опять гадаешь, не шпион ли я, – в тон ему ответил Дайон.

– Верно.

– Жаль, что ты не подумал так о мальчишке, который якобы сбежал от инквизиторов.

– Да уж, тут я просчитался, – вздохнул Жюст.

– Ты не находишь, что их стало очень много? – произнес Дайон тоном, которым обычно отчитывал слуг.

– Кого?

– Просчетов. Будешь так продолжать – они приведут тебя к краху, а вместе с тобой и весь лагерь.

– А что прикажешь мне делать? – вскинулся Жюст. – Под моей опекой женщины и дети. Да еще геройствующие юнцы, желающие отдать жизнь за герцога. Приходят с сияющими глазами, не прислушиваются к советам, а мне потом приходится объяснять матерям, что случилось с их сыновьями.

– Наведи в лагере дисциплину, и объяснять придется гораздо реже, – холодно обрубил Дайон.

Жюст покачал головой.

– Мы не в армии, Йонатан.

– Мы на войне, – отрезал герцог. – И неважно, что живем в лесу, а не в казармах. Воспользуйся вчерашним случаем и закути гайки.

– Как ты себе это представляешь?

– Читать умеют все?

– Большинство. Крестьяне, как ты понимаешь, не жаждут бросать землю и уходить в леса. Они хотят спокойствия, а смена власти касается их меньше всего.

– Хорошо. Тогда скажи, что все операции отныне одобряешь лично ты, и что никто и носу не вправе показать из лагеря без твоего письменного разрешения.

– Думаешь, они согласятся?

– Думаю, всем станет проще жить. – Дайон поднялся. – Ладно, не буду больше тебя задерживать.

Жюст рассеянно кивнул, взвешивая за и против предложенных нововведений.

– Я буду у себя в палатке, – коротко бросил герцог напоследок.

Ответа не последовало, но он его и не ждал.

Пройдясь по лагерю, Дайон, как и обещал, направился к себе. Снова лег, задумчиво рассматривая прутья и листву, заменяющие потолок. Интересно, что все будут делать зимой, когда листья облетят, а землю укроет снегом? Дайон искренне опасался, что скоро сам увидит ответ на свой вопрос.

Негромкий стук вывел его из задумчивости. Герцог нахмурился. Стук повторился. Дайон встал и подошел к выходу. У порога стоял знакомый Одаренный, тот самый, который конвоировал плененного герцога в лагерь.

– Позвольте? – Он заглянул внутрь палатки.

– Да, конечно. – Герцог отступил, позволяя войти. – Чем обязан?

– Почему вы скрывали, что вы – Одаренный? – не стал ходить вокруг да около визитер.

– Это Жюст приказал спросить? – усмехнулся Дайон.

Маг покачал головой:

– Нет, считайте это моей инициативой. Так почему?

Герцог пожал плечами:

– Я не привык хвастаться подобными вещами. К тому же мой дар очень слабый и я почти его не развивал.

– Вот как? – Одаренный недоверчиво приподнял брови.

– Увы.

– Тем не менее ходят слухи, что вчера...

– Произошел несчастный случай. Мне просто повезло. Или не повезло, тут уж как хотите, – герцог усмехнулся.

– Скорее, не повезло инквизиторам. Здание выгорело дотла.

– Не могу сказать, что рад этому, – хмуро отозвался Дайон.

– Минусы бесспорно есть: у инквизиции была прекрасная библиотека, – вздохнул Одаренный.

– Хоть что-нибудь спасли?

– Увы, члены ордена предпочли знаниям презренный металл.

– Жаль.

– С одной стороны – да. С другой – чем меньше враг знает, тем лучше.

– Тоже верно.

Оба помолчали.

– Скажите, что вы сами знаете о порталах? – спросил вдруг Дайон.

– Их создание требует много сил и доступно лишь немногим магам-созидателям.

– А вам?

Тот покачал головой:

– Я не настолько силен. Может, для перемещения с одного конца поляны на другой моих сил хватило бы, но я не обладаю нужными знаниями.

– А кто обладает?

Одаренный проницательно взглянул на Дайона:

– Вы хотите вернуться домой?

– Скажем так, долг требует именно этого. Останься я здесь, все будет бессмысленным.

Вряд ли маг мог осознать весь смысл последних слов. Но герцог – знал, и этого было достаточно.

– Трудная задача. Я знаю только двоих, кто мог бы вам помочь, но я лишь слышал о них, к тому же до Смуты...

– И все равно, вас не затруднит назвать имена?

– Я даже могу попытаться узнать, где они сейчас.

– Я был бы чрезвычайно вам признателен.

– Хорошо. А теперь, с вашего позволения, мне пора.

Одаренный поклонился и вышел.

Герцог долго смотрел ему вслед, гадая, что именно этот маг сумел узнать о нем, пришельце из будущего.

Глава 10

Для создания устойчивого портала необходимо два источника магической энергии. Используя описанный выше метод, Одаренный устанавливает между ними непрерывную связь. Энергия начинает циркулировать между двумя точками наподобие узкого ручья, но свет, в отличие от воды, свободно движется в обоих направлениях. Именно таким «тоннелем» и пользуется порталист для перемещения сквозь пространство.

Дайон потер уставшие глаза, покрутил головой, разминая затекшую шею. Это был первый за неделю день, когда Жюст разрешил хоть кому-то покинуть лагерь. Внемя совету герцога, командир отряда действительно закрутил гайки, наведя почти армейскую дисциплину. Дайон не возражал, даже когда к нему приставили парня из отряда в качестве не то охраны, не то конвоира.

– Ты же понимаешь, что это – вынужденная мера.

– И связана исключительно с заботой о городе, – ухмыльнулся Дайон, не сомневаясь, что командиру отряда передали его разговор с Одаренным.

– Да, я бы хотел его сохранить.

– В этом наши желания совпадают, – подтвердил герцог.

Жюст только покачал головой, но подорожную с печатью все-таки выдал. Дайон благоразумно не стал спрашивать, откуда у него документы, а также как и куда подевалась Виола. Все это время девушки не было в лагере. Не то чтобы Дайон скучал, но ему не хватало их пикировок. Он несколько раз ловил себя на мысли, что ожидает знакомого оклика «Эй, вы...» и злился. Не на девушку, а на себя.

Так или иначе, он во что бы то ни стало должен был вернуться назад, в свое время. Именно поэтому он устремился в библиотеку, как только Жюст позволил покинуть лагерь.

Надежды не оправдались. Герцог Левансийский провел над книгами пять часов – и никакого толку. Вся литература о порталах, от древних свитков до современных учебников, посвящалась

исключительно перемещениям в пространстве. О времени здесь не было ни слова. И принципы, описываемые в книгах... Дайон, конечно, не был ученым, более того, годы, проведенные в заключении, привели к определенным пробелам в его образовании, но на его непрофессиональный взгляд, эти принципы невозможно было применить для перехода из будущего в прошлое. Все методы основывались на наличии двух пространственных точек. Однако в его случае точка была одна, и это никак не укладывалось в предложенные формулы.

Дайон вздохнул. В его личной библиотеке временной портал абсолютно точно упоминался, по меньшей мере в одном источнике. А это означало, что придется, подобно вору, пробираться в собственный замок. Что, мягко говоря, сопряжено с некоторыми трудностями. Герцог невольно усмехнулся, на секунду представив, как его, крадущегося по коридорам среди ночи, останавливают часовые, а он пытается объяснить, что всего лишь хотел пройти в библиотеку.

Мимо, тихо шелестя длинным одеянием, проскользнул архивариус. Дайон огляделся, в очередной раз поразившись тому, сколь мало изменилось в этом здании. Что до Смуты, что в его время – здесь все оставалось неизменно, разве что посетителей сейчас было поменьше: в нынешние времена мало кого занимало чтение. Утром, когда герцог пришел, в библиотеке вообще никого не было, теперь же за квадратными столами, над которыми мягко струилось сияние магических ламп, сидело лишь пять-шесть человек. И один, вернее одна из них, была ему точно знакома.

Судя по всему, Виола тоже устала: время от времени она совершенно по-детски терла глаза. Щеки покраснелись, а из аккуратно уложенной прически выбилась одинокая прядка. Девушка время от времени покусывала губу, чтобы не позволить себе задремать или как минимум погрузиться в состояние глубокой задумчивости. Тем не менее читала она, похоже, с интересом. Любопытно, что именно?

Не видя причин отказывать себе в желании получить ответ на этот вопрос, герцог закрыл собственную книгу, встал из-за стола и направился к Виоле.

– Читаете? – вежливо осведомился он.

Девушка подняла голову и не без труда сфокусировала взгляд.

– А вы представляете еще какую-нибудь причину для посещения библиотеки? – приподняла бровь она.

– Безусловно, – моментально откликнулся герцог. – Например, проследить за одним подозрительным типом по просьбе милого доброго Жюста.

– Вы слишком много на себя берете, – обиделась Виола и, казалось, снова погрузилась в чтение. Но пару секунд спустя вновь подняла голову и безразлично бросила: – Если уж так хотите знать, за вами слежу не я, а Вест. Я же воспользовалась предоставленной возможностью освежить свои знания.

– И где же сейчас Вест? – улыбнулся герцог, снова попадая под ее очарование.

Впрочем, следовало отдать девушке должное. Она не стала бы разбалтывать секретные задания соратников кому не попадя. Просто Виола уже решила для себя, что Йонатан де Грандье не представляет опасности, и потому относилась к слежке без должного уважения.

– Где-то на улице мерзнет, – передернула плечами она. – Когда я его оставила, рассматривал горгулью. Боюсь, он и сам превратится в похожую статую, если подождет там еще немного. Сегодня очень зябко.

– В таком случае хорошо, что задание поручили ему, а не вам.

Если бы они пили вино, герцог отсалютовал бы сейчас бокалом.

– Пожалуй, – согласилась Виола рассеянно.

– Ну что ж, давайте я провожу вас... домой. – Народу в библиотеке, конечно, было немного, но не стоило испытывать судьбу, говоря вслух о том, о чем следует молчать. – Скоро начнет смеркаться, а день, как вы верно заметили, выдался прохладный.

– А вы уже, стало быть, закончили свои дела?

Виола с некоторым сожалением закрыла книгу. Герцог успел заметить аккуратно выведенное на кожаной обложке название: «Графика построения иллюзий». Так вот кто наводил иллюзии на лагерь, сбивая со следа возможных шпионов.

– Да, – кивнул он. – Я уже просмотрел все, что могло быть мне полезно.

Он подал девушке плащ, до сих пор висевший на спинке ее стула, и они вместе двинулись к выходу.

– И чем же вы интересовались? – Виола улыбнулась, на щеках заиграли ямочки.

– Читал про порталы.

– Вот как? – как можно более небрежно обронила Виола, когда они оказались снаружи и больше не могли помешать другим посетителям. – Хотите вернуться обратно в Эвендейл?

– В Эвендейл? – переспросил Дайон.

В памяти всплыл последний визит и то, как они с Денизой ранним утром метали ножи. Только откуда об этом могла узнать Виола?

– Ведь там ваш дом.

– Ах да, конечно. – Дав такой ответ, Дайон отчего-то ощутил укол вины. Ложь была совершенно оправданна и все же неприятна. – Вернее... скажем так: я там нужен. Даже не знаю, как они справляются в мое отсутствие.

Виола натянуто рассмеялась:

– А вы скромны!

– Да, все отмечают этот недостаток, – кивнул герцог.

– К тому же позер! – Кутаясь в плащ, Виола спустилась по широким ступеням.

– Не без этого, – усмехнулся Дайон.

А ведь и правда, неужели Левансия рухнет в его отсутствие? Есть ведь помощники, заместители, агентура, все тот же Феррант. А еще Дениза... хотя сейчас сестре точно не до Левансии. На секунду герцог устало прикрыл глаза.

Отчего-то он привык думать, что герцогство держится исключительно на его плечах. Причем этот груз не доставлял радости, не тешил гордыню, скорее давил невероятной тяжестью, порой почти не давая дышать. Но что, если все это время он, Дайон, просто заблуждался?

– С вами все хорошо?

Встревоженный голос Виолы прорвался сквозь воспоминания. Дайон сухо улыбнулся.

– Вполне. Но где же Вест? – спросил он, активно оглядываясь в тщетной попытке обнаружить знакомую фигуру.

– Какая разница? – Виола, похоже, не испытывала к соратнику особо нежных чувств. – Ведь это он следит за вами, а не наоборот. Вот если он потеряет из виду вас, тогда пусть начинает волноваться. А вам

совершенно ни к чему каждую секунду оборачиваться и взволнованно проверять, на месте ли преследователь.

– Виола, вы прекрасны! – рассмеялся Дайон. – Надеюсь, я могу вам это сказать, не задевая ваших чувств?

– Если ваши слова искренни, то почему бы нет? – улыбнулась она. – В любом случае, думаю, правильнее всего будет продвигаться к городским воротам. Я устала от города и хочу, наконец, вернуться к своим!

Дайон кивнул. Положа руку на сердце, он тоже хотел, чтобы Виола вернулась.

– Вы знаете удобные пути, где можно привлечь к себе как можно меньше внимания? – поинтересовался он.

– Конечно. Не исключено, что это самый лучший из выученных мной уроков. И, поверьте, он оказался намного полезнее манер, вышивания и игры на арфе, которым меня обучали до Смуты.

– Что ж, в таком случае будете моим проводником.

Конечно, Дайон весьма неплохо знал город. Однако ему не было известно, какие дороги более или менее опасны непосредственно в этом отрезке времени. Да и в свою эпоху он, если вдуматься, не ставил перед собой цели остаться незамеченным. Сейчас обстоятельства были несколько иными.

– Тогда нам направо. – Виола указала на ближайший узкий переулок.

Некоторое время они шли молча, и Дайон прислушивался к звучанию окружавшей их столицы. Поскрипывание ставней, перебранка соседей из-за развешанного на чужой территории белья, воркование голубей, стук шагов по мостовой, прекратившийся, когда они свернули на немощеную дорогу. Аромат свежей мясной похлебки, просочившийся наружу из приоткрытого окна, смешавшийся с куда менее приятным запахом нечистот. Обычный город – и в то же время не совсем обычный. Немного тише, немного настороженнее. Люди живут повседневной жизнью, но ожидают неприятностей в любую минуту.

– Мне только показалось, или вы что-то имеете против Веста?

Герцог заговорил главным образом для того, чтобы разогнать гнетущую атмосферу.

– Он слишком настойчиво пытался объяснить мне, что место женщины – не среди партизан. Дети, замужество, домашний очаг, шитье и все такое в этом роде. Кажется, я немного резко ответила... Словом, с тех пор он меня побаивается. Почему вы улыбаетесь?

– Вы мне напомнили Денизу Арсе. Даже не представляю, что бы она сделала с беднягой, если бы он поднял эту тему в ее обществе. Боюсь, он не досчитался бы пары-тройки зубов.

Теперь и Виола просияла.

– О да, Дениза Арсе. – Судя по тому, как засверкали глаза девушки, речь зашла о ее кумире. – Вот за кем воины готовы идти в бой не раздумывая. – Внезапно воодушевление в глазах сменилось подозрительностью. – Вы говорите так, как будто знакомы с ней лично.

– Я только...

– Не отпирайтесь!

– Мы встречались пару раз, – вынужденно признался герцог. – Это было довольно давно и вряд ли она меня вспомнит.

– Не продолжайте! – оборвала Виола так же настойчиво, как недавно требовала ответа. – Вы не обязаны передо мной отчитываться. Тем более о женщинах, с которыми встречались.

– Я не встречался с Денизой Арсе, – возразил Дайон, испытывая некоторое замешательство. – Не в том смысле, который вы вложили сейчас в это слово.

– Я никакого смысла в него не вкладывала, вы сделали это сами!

– Когда?

– Только что!

Рассердившись по совершенно непонятной причине, девушка ускорила шаг. Дайон приложил руки к вискам. С ума можно сойти с этой Виолой и непредсказуемостью ее реакций! Внезапно он осознал, что держится за голову по другой причине: мигрень подступила незаметно, как хорошо замаскировавшийся враг, и теперь нанесла свой подлый удар из-за угла. Герцог с трудом удержался от стога.

Перед глазами заплясали темные точки. Он уже не пытался нагнать спутницу, главным сейчас было удержаться на ногах. Поняв, что он совершенно не представляет, куда идет, Дайон остановился, а потом и вовсе опустился на ближайшую ступеньку, или какое-то похожее возвышение, которое нашел исключительно на ощупь. Сердце

бешено колотилось, к горлу подступила тошнота, а приступ головной боли стал совсем невыносимым, и герцог все-таки застонал.

– Что с вами? – Встревоженный голос Виолы звучал как будто издалека, хотя девушка стояла совсем рядом. По всей видимости, заметила, что он отстал, и поспешила вернуться. – Вам плохо?

– Мне хорошо, – процедил герцог сквозь зубы, мечтая только об одном: чтобы его оставили в покое.

Приступы длятся от пяти минут до получаса. Скоро все пройдет, и он сможет спокойно продолжить путь.

– Вы не можете так здесь сидеть. Вам нужно какое-то лекарство? Может быть, я смогу разыскать аптекаря...

Каждое слово набатом звенело в ушах и отдавалось в голове жгучей болью.

– Не надо аптекаря, – выдохнул Дайон, собираясь с силами для ответа. – Слушайте, мы не успели уйти далеко. Вернитесь к библиотеке и отыщите Веста. Вместе возвращайтесь на место. Или, если не встретите его, просто дождитесь меня там. А сейчас оставьте меня одного.

– Даже и не подумаю! – Виола возмутилась одной только мысли, будто она на такое способна. – Я буду с вами до конца! – Герцога посетила мысль, что если она не уйдет или по меньшей мере не замолчит, конец может наступить весьма скоро. – Я знаю очень хорошую знахарку, потом вас к ней свожу. А сейчас держитесь. Сосредоточьтесь на какой-нибудь точке и смотрите только туда. Вот, например, на эту чахлую ромашку. Удивительно, как эти цветы умудряются расти посреди дороги, там, где постоянно проезжают повозки, да и просто конники. Достаточно ведь один раз наступить копытом – и все. Но нет, стебли все равно распрямляются...

– Я просил вас замолчать! – рявкнул, не выдержав, герцог. – Мне не нужно ни сочувствие, ни помощь. Просто оставьте меня в покое!

– Вы... Как вы...

Стук каблучков о мостовую заставил приоткрыть глаза. Сфокусировавшись, Дайон сумел разглядеть развевающийся плащ бежавшей прочь девушки. Нет, он не испытал ни чувства сожаления, ни угрызений совести, только облегчение. Теперь, наконец, можно было бросить все силы на то, чтобы пережить приступ. И, что немаловажно, сознавать, что у его слабости не будет свидетелей.

Угрызения совести пришли потом, когда головная боль отступила вместе с сопутствующими ей симптомами. Сначала герцог просто наслаждался способностью дышать, видеть, слышать и здраво мыслить. Затем, воспользовавшись последним, стал вспоминать, что произошло после начала приступа. Воспоминания оказались не самыми приятными. Он повел себя совершенно неподобающе. Не по-мужски. Вызверился на ни в чем не повинную девушку. Хотя, боги, неужели она не могла чуть меньше говорить?!

Впрочем, переносить вину на других – не самый мужественный поступок. Виола всего лишь пыталась его отвлечь. Совершенно бессмысленное занятие, разумеется, но ей-то откуда об этом знать?

Дайон был непростительно груб с ней, но он привык, что любые его распоряжения выполняются. Мгновенно и беспрекословно. Если герцог сказал оставить его одного, то все уходят. А тут, внезапно, открытое противостояние. Отказ. Как раз тогда, когда он был наиболее уязвим. И он сорвался. И где же, спрашивается, теперь ее искать?

– Виола! – на всякий случай окликнул Дайон.

Ответа предсказуемо не последовало.

– Виола! – От звуков собственного голоса в ушах зазвенело. Герцог провел рукой по лбу и, опираясь о стену дома, поднялся.

Улица была пустынна. Ни Виолы, ни даже случайных прохожих. Ждать, что девушка вернется, не имело смысла. Виола слишком была похожа на Денизу, а сестра герцога вернулась бы к обидчику только для того, чтобы отомстить. Придется искать самому. Хотя бы затем, чтобы извиниться.

Вспомнив, что видел, куда она побежала в самом начале, Дайон тяжело вздохнул и сперва пошатываясь, а затем все более уверенно зашагал в том направлении. Вот и улица, на которую они первым делом свернули, выйдя из библиотеки. Здесь было болеелюдно, но отыскать среди прохожих знакомый силуэт никак не удавалось.

– Виола?

Ответа не было, лишь пара-тройка удивленных взглядов. Понимая, что если станет бродить по городу, выкрикивая женское имя, то привлечет ненужное внимание, герцог попытался успокоиться и убедить себя, что следует возвращаться в лагерь. Но вдруг заметил щедедушного мужчину, стоявшего под вывеской посудной лавки и подававшего ему не слишком понятные знаки. На всякий случай

нащупав рукоять метательного ножа, который он все время носил с собой, Дайон направился к незнакомцу.

– Вы ищете женщину в синем платье и сером плаще, молодую, с такой высокой прической, как у аристократов? – уточнил тот, с прищуром глядя на герцога.

– Да.

До сих пор Дайону и в голову не приходило, что то, как женщина укладывает волосы, может выдать ее происхождение.

– Ее забрали, – сообщил лавочник, ощутило понизив голос.

– Кто забрал? – недоуменно спросил Дайон.

Настал черед незнакомца испытать недоумение.

– Вы что, нездешний?

– Нездешний, – солгал герцог.

Впрочем, быть может, в нынешних обстоятельствах такой ответ мог сойти за правду.

– Понятно, – с некоторым облегчением кивнул лавочник. Видимо, счел объяснение удовлетворительным. – У нас-то таких вопросов не задают, – добавил он, предварительно оглядевшись. – Шериф ее забрал. Ламбер Жаккар. Его люди.

– За что?!

Дайон все еще был озадачен. Конечно, он знал, что Виола занимается не самой законной по нынешним временам деятельностью. Но сейчас-то она была не на задании. И вряд ли местные власти считали ее такой опасной преступницей, что разослали портреты всем патрульным.

Лавочник посмотрел на него с жалостью.

– Да разве же надо, чтобы было за что?

В глазах потемнело. Молодая девушка, одна в руках мужчин... Герцог скрипнул зубами. Руки сами сжались в кулаки. Надо было действовать, и действовать срочно, но в свете столь стремительно сменяющихся обстоятельств ему не удавалось сохранить ясность рассудка.

– Куда ее повезли? – спросил он, наконец, одержав борьбу над самим собой.

– Передо мной не отчитывались, – развел руками лавочник. И, вдоволь поозиравшись по сторонам, добавил: – Но карета была личная, не тюремная.

– Давно? – напрягся герцог.

– Минут десять как.

– Спасибо.

Дайон не стал более задерживать собеседника и, накинув капюшон, зашагал прочь. Оглядевшись напоследок, лавочник шмыгнул за дверь.

Лишь свернув за угол, герцог понял, что сглупил. Надо было спросить, где находится дом шерифа. Сейчас он представления не имел, куда идти. Да и как действовать, признаться, тоже.

Вернуться в лагерь и рассказать обо всем Жюсту? Наверное, так было бы разумнее всего, но дорога займет много времени. А эту роскошь герцог Левансийский не мог себе позволить. В кои-то веки он пожалел, что рядом нет верного Ферранта и отряда стражников, готовых по мановению его руки перетряхнуть весь город.

Погруженный в мрачные, тревожные мысли, он совершенно не смотрел, куда идет, пока не столкнулся с закутанным в плащ мужчиной. Дайон не удержался от гневного восклицания, мужчина тоже. Голос показался знакомым.

– Вест! – Герцогу даже в голову не приходило, что он когда-нибудь так обрадуется встрече с этим обитателем лагеря. – Где вас черти носили?

– Я то же самое хотел спросить у вас!

– Но это вы должны были за мной следить, а не наоборот.

– Откуда вы знаете? Впрочем, неважно. – Вест безразлично махнул рукой. – Вы с Виолой так долго торчали в этом книжном доме, будто поселиться там решили. Я и подумал ненадолго заскочить к приятелю, у него мастерская здесь неподалеку. Вернулся буквально через четверть часа, а вас, как на грех, уже и след простыл! Признаться, я здорово переволновался. – Он смущенно ухмыльнулся. – А где Виола?

Настал черед Дайона почувствовать себя неловко.

– Ее похитили.

– Что?! – Вест был по-настоящему шокирован. – А вы где были в это время?

– Это сейчас неважно. – Дайон старался сохранить лицо, хотя в этот момент ему хотелось провалиться сквозь землю. – Мы разошлись, ненадолго. Когда я вернулся за ней, было уже поздно.

– Да вы совершенно рехнулись! – дипломатичности Весту явно не хватало. – Девушка ее возраста и положения, да еще и, сами знаете, в какое время, на улице одна, без сопровождения? Как вы могли это допустить?

– Ну, если говорить более точно, мы с вами оба это допустили, – осадил партизана Дайон. – Так что давайте оставим выяснение отношений на потом, а пока будем говорить более предметно. Свидетель сказал мне, что ее похитили люди шерифа.

– Вот же скотина!

– Кто, я? – опешил Дайон.

– Да нет, шериф, Ламбер Жаккар. – Судя по взгляду, которым одарил Дайона Вест, он не считал герцога достойным столь громкого эпитета. – Давно положил глаз на ее поместье, а теперь, смотрите-ка, добился своего!

– Поместье? – Герцог прикрыл глаза, в его голове стала наконец складываться внятная картина случившегося. – Шериф и есть ее бывший сосед?

– Ну да. После переворота этот гаденыш сумел подлизаться к нужным людям и постепенно занять высокое положение в городе. Для таких, как он, Смута – самое лучшее время.

Вест мрачно сплюнул под ноги. Дайон поморщился, но предпочел не заострять внимания на манерах собеседника. Насколько герцог понял, Вест родился в крестьянской семье, но как только началась Смута, не колеблясь, встал на защиту Левансии и ее герцога. А преданность Дайон всегда ценил выше всего остального.

– Свидетель сказал, что карета была не тюремная, – продолжил он. – Значит, ее, скорее всего, повезли к нему домой. Вы знаете, где живет шериф?

Вест кивнул.

– Он один из тех, чьи адреса мы помним наизусть. На случай, если понадобится вывести их из игры. Некоторые считают, что надо было давно это сделать, но Жюст говорит, это бессмысленно: на место одного мерзавца все равно претендует десяток других, ничуть не лучше.

– Жюст совершенно прав. Но нам надо торопиться. Если я правильно понимаю ситуацию, церемонию бракосочетания могут начать в любую минуту. Пешком дойдем?

– Минут за десять. Нет, четверть часа.

– У нас нет четверти часа! – обеспокоенно выдохнул Дайон.

Обогнув здание библиотеки, они почти бегом устремились по вымощенной неровным булыжником улице. Солнце скрылось за крепостными стенами, фонари едва горели – кто захочет тратить ценный магический дар на такую роскошь? – и к дому шерифа они подходили уже в темноте.

Особняк оказался добротным, но не слишком впечатляющим. Два этажа, на каждом, навскидку, не больше трех комнат. Сада не было, только узкая клумба перед фасадом, да виноград, плотно обвивающий стену. В городе места всегда не хватало, поэтому здания строились на минимальном расстоянии друг от друга, и площадь под каждое отводилась небольшая. О том, что здесь проживает значимая персона, свидетельствовали мелкие архитектурные изыски, дорогие, массивные гардины на окнах, да упомянутые выше цветы.

На всякий случай оглянувшись и ничего не увидев в темноте, Вест на цыпочках приблизился ко входу и прислушался к тому, что творилось внутри. У дверей явно стояла стража: об этом свидетельствовала весьма характерная беззлобная перебранка, позвякивание оружия и стук швыряемых о стол костей.

Повинуясь знаку приятеля, Дайон принялся осторожно обходить дом. Свет горел на первом этаже (видимо, там, где располагалась охрана) и только в одном из окон второго. Сверху доносились приглушенные ставнями голоса, и герцогу показалось, что женский был ему знаком. Однако отдать руку на отсечение он не мог, да и слов не разобрал. Так что он собирался отыскать Веста, чтобы затем совместно обдумать план действий.

Врываться в охраняемый дом с парадного хода – безумство, тем более их всего двое. Значит, следовало отыскать дверь для прислуги или приоткрытое окно. Герцог уже почти свернул за угол, когда все из того же окна раздался женский крик, причем на этот раз никаких сомнений на предмет личности кричавшей у Дайона не возникло. В соседних домах сразу же захлопнулись ставни – соседи явно не желали знать, что происходит в доме шерифа.

Чертыхаясь, Дайон стал озираться в поисках сиюминутного решения, и взгляд его предсказуемо остановился на плюще и виноградных лозах, почти полностью похоронивших за своей зеленью

серые камни. Еще один громкий звук со второго этажа (на сей раз, правда, не крик, а грохот упавшей мебели) – и герцог схватился за ближайшее растение, показавшееся ему достаточно крепким.

– Туда, срочно! – выдохнул он подбежавшему Весту, и больше не обращал внимания на напарника. Для подъема ему потребовались все силы и полная концентрация.

Дениза на его месте наверняка сочла бы задачу ерундовой и вскарабкалась на уровень второго этажа без малейшего труда. Увы, у герцога Левансийского не было ни уровня подготовки его лучшего спецагента, ни ее богатого опыта. К тому же Дениза была гораздо легче брата и пониже ростом.

Нет, Дайон был в хорошей физической форме, что не раз выручало его с начала этого безумного путешествия. Герцог много тренировался. Отчасти из-за бессонницы: чем-то ведь надо себя занять, если не спишь, к примеру, девятнадцать часов в сутки. Но существовала и другая причина. После двухгодичного плена Дайон л'Эстре был готов на все, лишь бы никогда снова не почувствовать себя беспомощным.

Давние события оставили в душе герцога не просто след, а целую борозду, проявляющуюся теперь в потребности контролировать все и всегда. В том числе – оттачивать мастерство воина несмотря на то, что человеку его положения такие таланты практически не могли понадобиться, ведь он всегда бывал окружен стражей и телохранителями. Тем не менее он тренировался у лучших специалистов: фехтовал, оттачивал меткость и навыки рукопашного боя, казалось бы, без всякого практического смысла, просто «для души». Теперь, однако же, смысл появился.

Увы, даром предвидения ни герцог, ни его тренеры не обладали, и потому искусство скалолазания он не освоил. Однако физических сил и упорства Дайону л'Эстре было не занимать, а также ему хватало выдержки, чтобы не наделать ошибок из-за излишней поспешности.

Он проверял прочность многолетних растений прежде, чем доверить им вес своего тела. Аккуратно нащупывал щели между камнями, достаточные, чтобы закрепить ногу. Несколько раз ему все же приходилось спускаться, возвращаясь на несколько этапов назад: сказывалась неопытность в планировании. Каждая секунда казалась

вечностью. Криков больше не было, но Дайон не знал, стоило ли обнадеживать себя этим фактом.

Он разодрал ладони в кровь, ушиб колено, потерял плащ и порвал рукав рубашки, но в итоге все-таки добрался до окна. Стоя на узком карнизе, он прислушался, пытаясь понять, что происходит в комнате, но безрезультатно. Разглядеть что-либо возможности тоже не было: шторы были задернуты так, что пропускали только узкую полоску света.

Выбора не оставалось, и поэтому Дайон толкнул оконную раму. На его счастье, задвижка держалась очень слабо, рама распахнулась, и бить стекло не пришлось.

Запутавшись в тяжелой ткани портьер, Дайон свалился на пол, охнул и сразу же вскочил, распарывая ткань метательным ножом, припрятанным в рукаве. Впервые герцогу Левансийскому довелось пробраться в дом столь эффективным способом.

Его появление было встречено ошеломленным молчанием. Молодой священник, явно намеревавшийся сочетать законными узами стоявшую перед ним пару, от неожиданности выронил томик Священного Писания. Жених, невысокий грузный мужчина с одутловатым лицом, выдававшим в нем любителя выпивки, моргал, словно пытался для себя понять – реальность перед ним или игра воображения. Виола стояла рядом. Бледная, растрепанная, со связанными руками и в мятом платье. Плаща на ней не было. Увидев веревки, Дайон испытал небывалый приступ гнева: на миг глаза будто застлала пелена.

Он шагнул вперед с таким выражением лица, что все трое вздрогнули. Шериф опомнился первым.

– Стража! – проорал он.

Словно в ответ послышался грохот, звон стали, невнятные выкрики, а потом торопливые шаги, словно кто-то быстро поднимался по ступеням. Почти сразу дверь распахнулась, и в комнату вбежал запыхавшийся Вест. С мечом наголо и в основательно перепачканной кровью одежде. Дайон вынужден был мысленно признать, что второе появление вышло даже более эффективным.

– А что, так тоже можно было? – спросил он, тоскливо глядя на свои израненные руки.

Вест не удостоил его ответом, если только не считать снисходительный взгляд, но в данном случае герцога это не оскорбило. Виола, оправившись от первого потрясения, попыталась кинуться навстречу своим освободителям, но Жаккар крепко схватил ее за плечи, ставя между собой и Вестом, которого посчитал наиболее опасным.

– Кто вы такие? Где стража? – вскричал он.

– Стражи уже нет, – флегматично сообщил Вест.

– А что касается вашего первого вопроса, – подхватил Дайон, – то мы – свидетели.

– Свидетели чего? – недоуменно спросил шериф.

– Церемонии бракосочетания, – ответил герцог, как будто удивленный, что столь очевидные вещи нуждаются в объяснении. – У вас же здесь свадьба, не так ли? А гостей нет. Вот мы и пришли. Я буду свидетелем со стороны невесты, а он – со стороны жениха.

– Почему это я – со стороны жениха? – возмутился Вест. – Я ему не приятель.

– Ты хоть что-то о нем знаешь, – рассудительно заметил герцог. – А я впервые услышал о его существовании всего пару дней назад.

– Кто вы, черт побери, такой? – процедил сквозь зубы шериф.

– А что конкретно вы хотели бы знать? – поинтересовался Дайон. – Мое имя?

– Имя проходимца, незаконно забравшегося в мой дом? Это последнее, что меня интересует.

– И совершенно напрасно. – Дайон скупно улыбнулся уголками губ. – Вам это могло бы быть любопытно. Впрочем, куда большее значение имеет ваше имя, точнее, тот факт, что я не слышал его до самого недавнего времени.

– И только теперь сообразили, что связались со слишком опасным противником?

Герцог усмехнулся.

– Вы не поняли. То, что я не знал вашего имени, плохо не для меня, а для вас. Это означает, что вам осталось жить совсем недолго.

Дайон был предельно искренен. Он знал, как звали человека, служившего шерифом левансийской столицы на момент окончания Смуты. Именно ему тогда еще совсем юный герцог подписал один из первых смертных приговоров. И поскольку это был не Ламбер Жаккар,

логично предположить, что нынешний шериф до окончания борьбы за власть не доживет. Впрочем, оставался и более оптимистичный вариант: быть может, Жаккара всего-навсего прогонят с должности. Но зачем же внушать противнику лишний оптимизм?

– Вы несете чепуху, – поморщился шериф, все еще уверенный в своей непобедимости.

Вест тоже взирал на Дайона скептически, кажется, даже с сочувствием, какое люди испытывают порой по отношению к юродивым. А вот Виола с интересом переводила взгляд с одного говорившего на другого.

К сожалению, как бы Жаккар ни увлекался разговором, девушку он не выпускал, все еще прикрываясь ею, как живым щитом. Следовало подобраться поближе, а заодно не слишком заметно извлечь оружие, и герцог продолжил «светский» разговор.

– А вы случайно не преподобный Сержен? – осведомился он у священника, делая плавный шаг вперед.

– Да, – не без удивления ответил тот. – Полагаю, теперь вы скажете, что для меня это хорошо? То, что вам известно мое имя?

– Не совсем, – возразил герцог. – Впрочем, смотря с какой стороны посмотреть. Вы, несомненно, проживете дольше господина шерифа. – Он выдержал паузу и мстительно добавил: – Но ненадолго.

И вновь ни слова лжи. Преподобный Сержен, священник, против воли сочетавший браком многих женщин, попавших в зависимое положение во времена Смуты и сопутствовавшего ей беззакония. Многие мерзавцы получили благодаря его трудам деньги, земли и титулы невест, которым попросту не дали возможности сказать «нет». Многие смогли удовлетворить свою корысть, амбиции и низменную страсть. Не на долгий срок, конечно. Но судьбы все равно были сломаны. Смертный приговор этому человеку подписывал не Дайон, он не обладал необходимым для таких целей церковным саном, но по настоянию священнослужителей Сержена вздернули, как обычного вора.

– Мне надоел этот фарс. Стража! – что есть сил закричал шериф.

Все напряженно вслушивались в тишину, ожидая, кто с надеждой, а кто со страхом, как со стороны лестницы раздастся топот. Все, кроме Веста.

– Как я понимаю, имена тех, кто охранял этот дом ты тоже не знал? – вежливо осведомился он у Дайона.

– Полагаю, что нет.

– М-да, примета срабатывает. Они действительно недолго жили.

– Надо же, – уважительно произнес Дайон. – Справиться в одиночку с троими – это не шутки. Не понимаю, почему наш общий знакомый отправил тебя заниматься слежкой. Тем более что шпион из тебя так себе. На мой взгляд, это было ошибочное распределение ресурсов. Надо будет побеседовать с ним при случае.

Он умышленно не стал упоминать имени Жюста при посторонних.

– Вот слушаю и никак не могу разобраться: то ли спасибо тебе сказать, то ли по физиономии врезать, – протянул Вест.

– Спасибо можешь оставить при себе. А вот по физиономии будет лучше дать ему.

Дайон широким жестом указал на шерифа. Жаккар с интересом вслушивался в диалог, как и священник, так и не подобравший книгу с пола.

– Да уж, это было бы лучше всего! – энергично подхватила Виола. – И я сама с удовольствием приму участие!

Дайон скрипнул зубами. Слова девушки заставили недругов опомниться.

– Ну все, довольно! – Шериф рывком притянул к себе попытавшуюся отдалиться невесту и прижал к ее горлу кинжал с длинным и очень острым лезвием. – Еще один шаг – и я ее убью. Бросьте оружие и встаньте лицом к стене, оба!

– А вот это пошло! – воскликнула Виола. – Так поступают все негодяи почти во всех романах. Придумали бы уж что-нибудь пооригинальнее!

– Главное, что метод действенный, – хладнокровно заметил Жаккар.

– Ошибаетесь, – возразил Дайон, и не подумавший исполнить требования шерифа. – Судя по тем же самым книгам, у негодяев никогда ничего не выходит. Рано или поздно их убивает либо герой, либо сама девушка. В любом случае они плохо заканчивают.

– Вы читаете романы?! – восхищенно воскликнула Виола.

От избытка чувств она даже попыталась податься вперед, но острый металл заставил ее снова застыть без движения.

– Иногда, от бессонницы, – признался Дайон. – Но если вы кому-нибудь об этом расскажете, я вынужден буду вас убить.

– Вы не первый в очереди, – мрачно буркнула девушка.

– Вот это верно подмечено, – процедил шериф. – И лучше вам будет отвлечься от книг и сосредоточиться на реальности. Время сказок прошло. Наступила эпоха перемен, и здесь побеждает сильнейший.

– Сейчас я тебе такую сказку покажу! – вспыхнул Вест.

Но герцог вытянул в его направлении руку с раскрытой ладонью, призывая не спешить.

– Вы правы, – промолвил он, не отрывая взгляда от Жаккара. – Мы живем в реальном мире. И именно поэтому ни я, ни мой товарищ не бросим оружие. Мы – умные люди и понимаем, что в этом случае пострадает все, включая девушку.

– Значит, я ее убью, – заключил шериф и прижал лезвие непосредственно к шее Виолы, жест, который кроме как показушным Дайон назвать не мог.

– Не убьешь, – холодно возразил герцог, стараясь протранслировать адресату свою уверенность. – Сделаешь это – и потеряешь свой единственный козырь. Как только с девушкой что-то случится, вот этот милый, но несколько кровожадный мужчина сначала отрубит тебе одну руку, потом – вторую, а потом – что-нибудь еще...

Блеклая улыбка на мрачном лице Веста свидетельствовала о справедливости угрозы.

– Сделайте это! – попросила Виола со всей свойственной ее юности и темпераменту горячностью. – Даже если я не выйду отсюда живой.

– Выйдете, куда вы денетесь? – не оценил порыва жертвенности Дайон. – И, к слову, я хотел попросить у вас прощения. Я некрасиво себя повел перед тем, как вы ушли.

Вест раздраженно закатил глаза, дескать, нашел тоже время для исповеди. Шериф тоже пренебрежительно скривил губы. Даже сама девушка, похоже, не пришла в восторг от такой смены темы. Однако герцог, нисколько не смутившись, продолжал:

– Вы ведь помните, как я себя вел, верно? Так вот, можете при первом же удобном случае отомстить мне и поступить так же.

Он очень рассчитывал, что она поймет. Виола, секунду поколебавшись, прикрыла глаза в знак согласия. Оставалось надеяться, что в этот момент она думала не о гипотетической мести, а именно о том, на что намекал герцог. Но это удастся выяснить лишь по ходу дела.

– Продолжайте церемонию бракосочетания, преподобный Сержен! – поторопил шериф, наивно полагая, что выиграл эту схватку. – В конце концов, если эти люди столь горячо желают быть свидетелями, стоит ли им в этом препятствовать?

– Да, святой отец, продолжайте! Вам все равно придется ответить за все прегрешения сразу! – подхватил герцог, почти незаметно подмигивая напарнику и переводя взгляд на часы. – Так какая разница, сколько их будет?

Священник несколько неуверенно покосился на Дайона, перевел еще более неуверенный взгляд на меч Веста, но затем все-таки заставил себя наклониться и подобрать книгу.

– «И сказал Бог, что брак есть единение человеческих тел и сердец...»

– Преподобный Сержен, могу я полюбопытствовать, – бесцеремонно вмешался Вест, совершенно правильно истолковав знаки, которые подавал Дайон, – как можно заключить брак без согласия невесты?

– А это очень интересный момент, мой друг, – столь же бесцеремонно вмешался Дайон. Он и вправду был в курсе подробностей, поскольку разбирался с этим вопросом вскоре после окончания Смуты. – По закону невеста должна быть согласна на замужество, но согласие необязательно должно быть словесным. Мысленного вполне достаточно. Так вот, в таких случаях, как сегодня, священники вроде нашего преподобного Сержена просто рекомендуют завязать девушке рот в нужный момент. Если невеста не говорит «нет», значит, можно предположить, что она мысленно согласна. Ведь в момент заключения брака нет прямых доказательств обратного. Косвенные в счет не идут. И Церковь вынуждена считать семейный союз заключенным. Кстати, полагаю, вот этот шарф приготовили не просто так.

И герцог указал на красный вязаный предмет одежды, аккуратно сложенный на столике в ожидании своего часа. Ни в библиотеке, ни впоследствии на улице, он этого шарфа у Виолы не видел.

– Странно не то, что наши друзья заранее подготовились, – добавил Дайон, неспешно подходя к столу, – а то, что они не воспользовались этой вещью раньше. Ведь леди, как я понимаю, молчаливо терпеть церемонию не собиралась. Собственно, именно ее крик и привлек мое внимание.

– Мы пытались, – признался шериф, наблюдая за алым пятном, которое Дайон теперь вертел в руках. – Она укусила меня за палец.

– Я так и знал, что вам палец в рот не клади! – воскликнул Вест.

– Виола! – неодобрительно протянул Дайон. – Вы же воспитанная девушка. Неужели няня не учила вас в детстве не брать в рот всякую гадость?

Ламбер Жаккар уже не держал кинжал у горла невесты. За время долгих бессодержательных разговоров рука устала, и шериф инстинктивно отвел ее в сторону. Дайон понял, что надо пользоваться моментом, и швырнул шарф. Жених, опять-таки, действуя на инстинктах, попытался перехватить летящий в него предмет. А Виола, все это время внимательно следившая за выражением лица герцога, резко присела. Иными словами, поступила так же, как Дайон в момент их расставания. Правда, руками голову закрыть не удалось – они все еще были связаны.

Конечно, шериф быстро опомнился. Конечно, буквально за секунду он схватил бы девушку за волосы и снова прижал лезвие к ее шее. А может, и перерезал бы ей горло: кто знает, как поступит загнанный в ловушку и как следует разнервничавшийся зверь? Но как раз этой секунды герцог ему и не дал.

Он никогда прежде не метал кинжалы в живую мишень. Только в разрисованные круги и соломенных кукол. Это он проделывал много раз и достиг высокой степени мастерства: сказала природная меткость в сочетании с богатым опытом, благо бессонница оставляла много времени на самые разнообразные занятия, включая тренировки. Однако Дениза предупредила его, что все приобретенные в процессе учебы навыки могут забыться при первой встрече с настоящим противником. Поэтому сейчас Дайон очень сильно рисковал. Строго говоря, он был почти уверен, что не справится.

Но, удивительным образом, попал в цель. Вопреки ожиданиям, все оказалось точно так, как на тренировке. Брошенный под правильным углом кинжал рассек воздух и вонзился прямо в грудь шерифа. Кровь хлынула фонтаном, забрызгивая стены небольшой комнаты.

Ламбер Жаккар покачнулся, в последний раз болезненно вдохнул и упал замертво. Виола едва успела отскочить. Перепуганный священник, в долю секунды одолев расстояние от импровизированного алтаря до лестницы, без оглядки помчался вниз по ступенькам.

– Жаль, что этот ушел, – расстроено качнул головой Вест.

– Ничего. – Дайон взирал на опустевший лестничный пролет, но мысленно видел совсем другое. – Он еще получит по заслугам.

Стряхнув оцепенение, он подошел к Виоле.

– Как вы себя чувствуете?

– Незамужней. И это весьма приятное ощущение.

Герцог заставил себя улыбнуться.

– Я рад.

Он не погрешил против истины. Виола зябко повела плечами. Спohватившись, Дайон вытащил второй нож из-за голенища сапога. Точь-в-точь такой же, как и тот, чья рукоятка сейчас торчала из груди шерифа. Осознав это, герцог вздрогнул и едва не выронил клинок.

– Давайте же, – поторопил Вест. – Надо убираться отсюда как можно быстрее.

Его слова заставили Дайона опомниться. Он торопливо разрезал путы на руках девушки, огляделся, заметил висящий на спинке одинокого стула плащ и подал его.

– Пойдемте! – Вест устремился к дверям, но Виола его остановила.

– погоди!

Она подошла к стоявшему в углу секретеру, подергала ящики, потом извлекла из волос шпильку и профессионально открыла замки.

– Держите! – не глядя, девушка выгребла все бумаги и протянула мужчинам. – А теперь пора!

Потрясенный тем, что произошло, Дайон безропотно подчинился. Запах крови явственно ощущался в воздухе, вытеснив все остальное. Кровь, казалось, была повсюду: на полу, на перилах и даже на стенах первого этажа. Впрочем, три мертвых тела, обнаруженных в комнате,

не произвели на герцога сильного впечатления. Он лишь скользнул по ним взглядом и устремился следом за Виолой и Вестом.

Они едва успели выскочить из дома и свернуть в темный переулок, чтобы разминуться со стражниками, которых все-таки вызвали обеспокоенные шумом соседи.

– Вы в порядке? – еле слышно спросила Виола у Дайона, когда они направлялись к ближайшей таверне, чтобы снять комнаты на ночь. В очередной раз покидать город в позднее время было слишком рискованно.

Он промолчал. Хотел бы сказать, что да, не согрешив против истины.

Но герцог л'Эстре никогда прежде не метал нож в живую мишень.

Глава 11

Лезвие слишком сильно царапнуло кожу, и теплая алая капля упала на траву. Дайон тихо выругался. Боль была ерундовой, самолюбие страдало куда сильнее. Он так до сих пор и не научился как следует бриться без посторонней помощи.

Герцог отлично знал, что в лагере посмеиваются над его исцарапанным подбородком. Как идеально выбритые аристократы, давно приноровившиеся к этой процедуре, так и бородатые мужчины попроще. Посмеиваются не зло, скорее по-приятельски, и тем не менее это раздражало. В новичке видели эдакого избалованного неженку. Как минимум так представлялось Дайону.

Мэтью как-то раз предложил ему свои услуги. Но правителю Левансии было не занимать упрямства, и он не принимал помощи, упорно стараясь овладеть умением, которое было доступно остальным. Правда, старался убраться с этой целью подальше от насмешливых взглядов.

Он приложил руку к щеке и вздрогнул. Посмотрел на ладонь и поспешно вытер ее о брюки. Чертыхнулся: пятно вполне могло не отстираться. И снова поглядел на ладонь.

Теперь вместо капли крови по коже тянулась едва заметная красная полоса. Но перед мысленным взором Дайона стояло крупное пятно на одежде шерифа, увеличивающееся прямо на глазах. Казалось, еще немного – и оно превратится в подобие портала, поглотив самого герцога...

Болезненно дернувшись, Дайон отшвырнул бритву. Увы, вместо того чтобы вонзиться в рыхлую землю, лезвие упало плашмя, демонстрируя всем желающим и не желающим кровавый след. Вздохнув, герцог уселся прямо на землю, обхватив руками колени. Приступа не было, зато присутствовало отчетливое ощущение дежавю.

– Вот вы где! А я везде вас ищу. – Виола остановилась прямо напротив сидящего мужчины, взирая на него сверху вниз с легким налетом укоризны. – Зачем вы забрались в самую глушь? Что-то случилось?

– Да нет. – Дайон счел, что шила в мешке, точнее, клинка в траве, не утаишь. – Всего лишь боролся с щетиной.

– И как?

Виола мгновенно сменила гнев на милость, на губах ее заиграла чуть лукавая улыбка.

– Щетина победила, – развел руками Дайон.

– Помощь не предлагаю, – заявила девушка, придерживая юбку и ловко усаживаясь с ним рядом. – Боюсь, в этом случае я просто перережу вам горло.

– Не считите за дерзость, но вашу помощь я бы и не принял. Вы не служанка, чтобы заниматься такими вещами.

– Ну, не скажите. Теоретически в этом есть нечто романтическое, – хмыкнула Виола. – Юная дева спасает прекрасного рыцаря... от щетины.

– Знаете, до недавнего времени меня брил брадобрей, – заметил герцог. – Так вот, заверяю вас, ничего романтического в наших отношениях не было.

– Верю вам на слово. – Виола немного помолчала, то и дело косясь на Дайона и набираясь решимости. – Йонатан, – проговорила она наконец, – я чувствую, что с вами что-то не так. С тех пор как мы вернулись из города, вы сам не свой. Что-то случилось? Это из-за вашей болезни? Может быть, я могу что-то для вас сделать? Не торопитесь говорить «нет». Это ничуть не унижительно для меня и не должно тяготить вас. Вы действительно спасли меня в доме шерифа. Будет только справедливо, если я хоть чем-то смогу вам отплатить.

– Виола, вы ничем мне не обязаны, – поморщился герцог. – Забудьте об этом раз и навсегда. Что же касается моего состояния, вернее, настроения, уверяю вас, тут нет ничего серьезно. Но мне не следует обсуждать это с вами.

– Почему? – вскинулась девушка. – Потому, что со мной можно обсуждать только погоду?

Дайон, хоть и чувствовал себя препаршиво, не удержался от улыбки. Скорость, с которой у этой леди менялось настроение, поражала.

– Ну почему, еще этикет и в некоторых обстоятельствах охоту, – подлил масла в огонь он. И тут же добавил, пока Виола не успела как следует рассердиться: – Каюсь, я просто не смог удержаться. Виола,

вы умны, образованны и, к сожалению, обладаете тяжелым жизненным опытом, а эта школа учит намного большему, чем все прочие. С вами можно обсуждать самые разнообразные темы. Просто...

Он подпер голову руками и уставился на траву. Взгляд расфокусировался. Дайон молчал довольно долго, Виоле даже показалось, что он забыл о ее присутствии, но в итоге продолжение все же прозвучало.

– Мне было шестнадцать лет, когда я подписал первый смертный приговор.

Девушка повернула голову, участливо посмотрела на собеседника.

– Полагаю, это был плохой человек?

Дайон усмехнулся и согласно кивнул.

– Очень плохой. Его руки были по локоть в крови. Да что там по локоть, по самые плечи. Но, как оказалось, это не имеет значения. Я не спал три ночи подряд.

– Вы думали, что его призрак придет за отмщением? – предельно серьезно спросила девушка.

– Нет. Я никогда не верил в призраков. Мистика – это вообще не мой конек. Нет, Виола, мне казалось, что я потерял право испытывать радость жизни, потому что позволил себе забрать ее у другого. Я, разумеется, изо всех сил старался доказать себе обратное. Но, знаете, оказывается, наша сила убеждения не стоит и ломаного гроша, едва дело доходит до спора с самим собой.

– И что же было потом?

– Ничего. – Дайон пожал плечами. – Человек не может не спать вечно. На четвертую ночь я заснул и, надо сказать, прекрасно отдохнул, даже без кошмаров. А дальше был второй смертный приговор, третий, четвертый... Вскоре я потерял счет. Я очень серьезно отношусь к своим обязанностям, и это их часть. Потом я отправлял агентов на задания, которые тоже подразумевали чью-то смерть. Иногда – много смертей. Не потому что я или мои люди жаждут крови. Просто такие перед нами стояли задачи. Нельзя пробраться в охраняемый дом, не убрав стражу...

Он горько усмехнулся, вспомнив Веста. Вот уж кто совершенно не раскаивался в своих поступках. Дайон с завистью вздохнул и продолжил:

– Думаю, на моих руках ненамного меньше крови, чем на совести того, первого, повешенного. Но вчера я впервые собственноручно пронзил чью-то плоть. Казалось бы, одним приговоренным больше, одним меньше, какая разница? Но, как ни странно, это не дает мне покоя. Звучит очень не по-мужски, верно? – криво улыбнулся он.

– Не знаю, по-мужски или нет, – откликнулась Виола. – Но это звучит очень по-человечески. Почему вы так странно смотрите?

– Да нет, не обращайтесь внимания. Просто я очень давно не думал о себе как о человеке.

– А как о ком же тогда?

Дайон пожал плечами.

– О герцоге. Брате. Правителе. Да мало ли...

Он не заметил собственной оговорки, не обратил внимания, что между делом упомянул свой подлинный титул. А Виола ни словом, ни жестом не дала понять, что уловила эту ошибку.

– В любом случае можно считать, что во всем виновата я. Вы же меня спасали от нежеланного брака!

– Вот именно поэтому я и не хотел говорить с вами на эту тему, – со смешком признался Дайон. – А вовсе не по тем причинам, которые вы сами себе надумали.

– Ничего страшного. Я не испытываю угрызений совести. Сама бы его убила, если бы мне выдался шанс.

– Не убили бы. И не надо. Постарайтесь держаться на расстоянии от этой стороны Смуты.

– Почему? Потому, что я – девушка? – вскинулась она.

– Вы так жаждете сохранить себе право на убийство? – улыбнулся Дайон.

Он ожидал очередного взрыва, возмущенной тирады, по меньшей мере недовольного взгляда. Но Виола в очередной раз удивила. Внезапно вытянула руку и коснулась его подбородка.

– Ваша щетина не так уж плоха. На самом деле, она выглядит довольно мило.

И Дайон л'Эстре, герцог Левансийский, с годами отточивший до совершенства умение контролировать собственные эмоции и поступки, не сдержался. Поймал ладонь девушки и поднес ее к губам.

Виола широко распахнула глаза, но не возразила, и Дайон, сочтя это разрешением, наклонил голову и поцеловал ее в губы, которые по

неосторожности оказались так близко.

Ее дыхание было горячим. Ему стало тепло почти до боли, будто его сердце много лет продержали замороженным в ледяную глыбу, а теперь внезапно лед растаял. Наслаждаясь захлестнувшими его чувствами, он еще сильнее прижал ладонь Виолы к своей щеке, второй рукой обнимая девушку за спину. Она не сопротивлялась, наоборот, ответила на поцелуй. Ее губы действовали неумело, зато с неожиданным для юной неопытной девушки напором. Как будто это она первой обняла его, она все давно решила за них обоих, ему же оставалось только плыть по течению...

Наваждение длилось несколько секунд, потом Дайон отпрянул и поспешил отступить от девушки на безопасное расстояние.

– Простите, Виола. Я не должен был этого делать... – Он провел рукой по волосам не то приглаживая, не то, напротив, взлохмачивая их. Сейчас, все еще во власти непривычных ему чувств, герцог ощущал себя практически обнаженным.

– Почему? – не замечая смятения собеседника, девушка склонила голову набок. – Мне понравилось, а вам?

– Я... мне... – все ответы звучали одинаково глупо. – Нет, это никуда не годится! Послушайте, за такое вы должны были дать мне пощечину!

Виола нахмурилась и озадаченно взглянула на него.

– Вы – мазохист?

Герцог часто, рассерженно задышал, не нашел что ответить, рубанул рукой по воздуху и зашагал прочь.

– Точно мазохист, – пробормотала Виола, глядя ему вслед.

Той ночью Дайон долго не мог уснуть. Он вертелся на не слишком удобной, но уже привычной кровати и никак не мог выкинуть из головы неумелый поцелуй, на который не имел морального права. Ему нравилось, что поцелуй был неумелым. Он слишком привык к почти профессиональным ласкам опытных женщин. Герцогу Левансийскому полагалось заводить любовниц. В противном случае, не приведи боги, поползут слухи, якобы правитель – не в полной мере мужчина, а это чревато серьезными политическими последствиями. И не только ими.

И он поступал так, как полагалось, не особо задумываясь о том, чего хотелось лично ему. Теперь он точно знал, чего хочет, и желаемое

было невероятно близко...

Но чувство долга вновь поднимало голову, говоря «нет», вопия о том, что герцог обязан отступить. Он не должен ломать жизнь юной девушке. И потому оставалось одно: ворочаться на неудобной кровати, злясь на самого себя за слабование.

Лишь под утро Дайону удалось, наконец, провалиться в сон, но даже там его продолжали преследовать мягкие, но такие настойчивые губы, и тонкая рука, касающаяся его щеки.

Проснувшись, он долго лежал и смотрел на листву, понимая, что чем скорее вернется в свое время, тем лучше.

Маг из отряда дал Дайону координаты двоих Одаренных, способных открывать порталы, и герцог отправился их навестить. Увы, ему не повезло. Как оказалось, одного мага уже не было в живых; второй же обладал очень слабым даром и умел перемещаться лишь на небольшие расстояния. О путешествиях во времени он, судя по всему, даже не подозревал. Мог и хитрить, конечно, однако герцогу, неплохо разбиравшемуся в людях, это казалось чрезвычайно маловероятным.

Оставшись ни с чем, он шел по городу, закутавшись в плащ и низко опустив капюшон. Удача в очередной раз поманила пальцем и ускользнула, злорадно усмехаясь ему в спину. Оставалось вернуться в лагерь ни с чем и продолжать со свойственным л'Эстре упрямством искать все новые и новые решения.

Первый взрыв прогремел неожиданно и так близко, что под ногами затряслась земля, и Дайону пришлось ухватиться за фонарный столб. В небо взметнулись голуби, отчаянно машущие крыльями. Со стороны площади, скрытой за двухэтажными домами, послышались крики. Прохожие, которых происшествие застало на той же улице, что и Дайона, в панике заметались из стороны в сторону, какая-то пожилая женщина, схватившись за сердце, опустилась прямо на мостовую. Не успел герцог подумать, что надо бы оказать ей помощь, как к пострадавшей подбежала молодая девушка, склонилась над ней, а затем, судя по движениям, стала показывать, как правильно дышать. Между тем из-за здания, на первом этаже которого располагалась галантерейная лавка, стали выбегать перепуганные люди. Чья-то одежда была усыпана мелкой строительной крошкой, чья-то испачкана в крови, один мужчина приволакивал ногу. Этим бедолагам не повезло

оказаться на площади во время взрыва. Впрочем, в определенном смысле им, напротив, повезло, ведь они остались в живых и даже сумели уйти оттуда на собственных ногах. Герцог отлично понимал, что далеко не всем улыбнулась такая удача.

Снова загрохотало. Люди инстинктивно пригнулись, хотя уже было понятно, что разрушительная магия творится не здесь. Кто-то вскрикнул, кто-то выронил кошелек. Монеты со звоном покатались вниз по улице.

– Почему они опять взрывают? – выкрикнул кто-то. – Они же получили всю власть!

Паника и шок оказались сильнее инстинкта самосохранения.

– Видимо, узнали, что на площади кто-то из сопротивления.

Голос ответившей женщины звучал ощутимо спокойнее.

Вообще Дайон заметил нескольких человек, явно не настроенных ни паниковать, ни сбегать восвояси. Каждый, не стовариваясь с прочими, занял место, где было за что ухватиться, дабы не упасть при очередном магическом всплеске, и ждал. Когда все стихло после третьего взрыва, та самая девушка, что недавно возилась со старушкой, обратилась к остальным:

– Пора? Надо помочь раненым.

– Четвертого обычно не бывает, – согласился пожилой мужчина, чьи волосы, несмотря на налет седины, еще не утратили природный темный цвет.

– Вы с нами? – спросила девушка у замешкавшегося Дайона.

– Да, – кивнул он и двинулся вслед за остальными.

Мудрее было бы отказаться, учитывая, что кое-кто в городе мог запомнить его лицо. Но прямой отказ выглядел бы как проявление трусости, а позволить себе подобное герцог Левансийский не мог. К тому же его не покидало чувство тревоги: если среди пострадавших действительно люди из сопротивления, не знаком ли он с кем-то из них лично? Где-то в глубине души вновь зародился холодок беспокойства за Денизу. Пришлось напомнить себе: сестра благополучно пережила Смуту, а, значит, она никак не могла погибнуть на этой площади.

И Дайон пошел. Помимо всего прочего, элементарно потому, что *хотел* пойти. Не желал оставаться в стороне, невзирая на то, что чувство долга повелевало, напротив, пересидеть суматоху в

безопасном месте. Ведь если та, будущая, Левансия потеряет герцога, ничего хорошего ее не ждет.

Зрелище предсказуемо оказалось не для слабонервных. Обрушенные здания, обгорелые стены, вырванные с корнем деревья и два десятка неподвижных человеческих тел, распростертых на мостовой. Мужчина средних лет застыл, вытянув руку, так и не сумев добраться до укатившегося амулета. Девушка лежала на спине, будто глядя в небо, а из груди у нее торчал острый кусок водосточной трубы. Маленькое голубиное тельце застыло с вытянутыми кверху лапками. И всюду лужицы крови, стекающей по узким желобам между камнями.

– По слухам, здесь подпольщики собрались, а маги об этом прознали. – Женщина говорила дряблым старческим голосом, но ни намек на страх Дайон в ее интонациях не заметил. – А уж кто из них вправду из сопротивления, а кто просто мимо проходил, теперь и не разберешь.

Она замолчала, а внимание Дайона привлек очередной погибший. Совсем юный парень с коротко подстриженными светлыми волосами и чертами лица, какие нередко свидетельствуют об упрямстве, лежал на спине и выглядел весьма безмятежно. Одежда даже не перепачкалась в крови, а зеленые глаза, казалось, с любопытством изучают мир. Но было достаточно присмотреться, чтобы понять: взгляд его застыл. Дайону подумалось, что такой парень вполне мог бы оказаться главным героем романа из тех, которые не брезгует читать Виола.

Опустившись рядом на корточки, герцог заметил, что даже сейчас покойный продолжал что-то сжимать в руке. Приглядевшись, он с удивлением понял, что это не драгоценности и не амулет, скорее какая-то еда...

– Бедный. Совсем молодой мальчик! – проговорила, не отнимая от глаз носового платка, крупная женщина в фартуке. – Купил у нас несколько исберских орехов для своей девушки. Она, говорит, их очень любит, эти орехи. Последние деньги истратил. И все торопился куда-то. Потом по ступенькам спустился, буквально пару ярдов прошел – взрыв-то и случился. Жалко паренька!

Качая головой, она направилась обратно к лавке с плодами и специями. А Дайон внезапно понял, почему нечто в образе юноши показалось ему узнаваемым. Дениза любила исберские орехи. И рассказывала брату про зеленоглазого парня из подполья, с которым

ненадолго свела ее судьба. Тот парень погиб именно так: на площади, от магического взрыва.

Немного поколебавшись, герцог разжал пальцы покойного и переложил его трофей в свой кошель. Потом аккуратно провел рукой по застывшему лицу, навсегда закрывая глаза.

Случившееся в городе не прибавило настроения, и в лагерь Дайон возвращался в самом мрачном расположении духа. Среди прочего угнетало то, что он так и не смог понять, как вернуться, а это означало, что все сегодняшние жертвы напрасны. Левансия все равно останется без своего правителя.

Конечно, есть Дениза. Но даже если у нее родится мальчик, он будет законным наследником Эвендейла и, следовательно, герцогом Левансийским не станет. И только второй мальчик сможет унаследовать герцогство, если к тому времени междоусобица не разорвет Левансию на части...

На сердце становилось вдвойне тяжелее от того, что он видел в последние дни. А еще была Виола...

В висках опять отдало болью. Герцог остановился и прижался лбом к шершавому стволу. Следовало признаться, что он окончательно запутался. Девушке не место на войне. Быть может, стоило забрать ее с собой, в будущее? Это могло показаться разумным, но в качестве кого он представит ее у себя во дворце? Сплетни неминуемы в любом случае, и в первую очередь они навредят самой Виоле. Да и лишит ее девяти лет жизни... Хотя кто сказал, что лишит? Возможно, этим он сохранит ей жизнь. Голова разболелась еще сильнее.

Дайон со стоном вздохнул. В любом случае, прежде чем решать судьбу Виолы, следовало найти того, кто поможет герцогу вернуться в свое время, а не бесцельно стоять в темном лесу, подпирая сосну, которая и так росла абсолютно ровно. Потерев лоб, чтобы убрать прилипшую к коже смолу, Дайон направился в лагерь.

Негодующие возгласы он услышал задолго до того, как показалась знакомая маскировочная иллюзия. В очередной раз Дайон испытал раздражение от отсутствия дисциплины. Будь на его месте стражник, преданный лорду Маркусу, – и враг узнал бы о лесном укрытии партизан, даже не показавшись на глаза часовым.

Как вскоре выяснилось, обсуждали то самое событие, которому он недавно стал свидетелем. Новости распространяются быстро во все

времена и почти в любых обстоятельствах.

– А я говорю, это были ребята из соседнего отряда! – кричал один.

– Да нет же, из подполья, – возражал другой. – Моя кузина им помогает, и она одного узнала. Они собирались поджечь склад с оружием, но близко подойти не успели. Не знаю, кто проболтался, но перехватили их уже на площади.

– В живых, говорят, никого не осталось.

– Когда они магический огонь используют, живых остается мало, – мрачно подтвердил кто-то. – Что из наших, что из простых прохожих. Уничтожают всех без разбора.

– Когда мы уже сможем положить этому конец?

– Думаешь, есть шансы?

– А ты что же, думаешь, их нет?

– Я ничего не думаю. Я только знаю, что наши люди погибли. Наши. Неважно, из какого они были отряда. Это оружие, которое они хотели уничтожить. Стоило оно их жизней?

– А как еще, по-твоему, можно вести войну? Сидеть дома и писать мемуары? Мемуарами мы герцога из крепости не вызволим. Для того чтобы его спасти, наше оружие должно быть не хуже, чем у лорда Маркуса.

– А знаете, что я вам скажу? Не слишком ли много жертв мы приносим ради мальчишки, который с самого начала Смуты сидит в крепости? Его отец был хорошим герцогом, это верно. Но сам Дайон л'Эстре ничего для своего народа не сделал. Он подписывает документы, в которых заинтересованы наши враги. И палец о палец не ударил, чтобы нам помочь.

– А ну-ка замолчи!

– Ты несешь чепуху!

На высказавшегося против «мальчишки» напустились другие участники спора, но тут вперед выступил Дайон.

– Он прав.

Пришлось набрать побольше воздуха в грудь, распрямить спину и с достоинством признать то, что мучило его так много лет. Спорщик всего лишь озвучил то, что было очевидно самому Дайону.

– Он прав, – повторил в наступившей тишине герцог. – Дайон л'Эстре действительно ничем не помог вашему делу... нашему делу. Он никогда не воевал. На него оказывают давление – и он идет на

поводу у того, кто сильнее. А здесь, снаружи, льется кровь. Юноши становятся героями, но жизнь героев редко длится долго. Лучшие маги выступают против врага – и погибают в неравном бою, ведь на стороне Маркуса больше Одаренных. Женщины берут в руки оружие. Десятки, сотни гибнут во имя мальчишки, который ничем не заслужил своего особого положения. Разве что родился сыном герцога. Неужели его жизнь стоит этих жертв?

– Да как ты смеешь говорить такие вещи? – напустился на Дайона Анри.

– Предатель! – подключился еще один. – Тебе лишь бы отсидеться в безопасности, да?

– Я не пытаюсь отсидеться в безопасности, – возразил Дайон, но его уже не были готовы слушать.

– Этот «мальчишка» – наша единственная надежда! – рявкнул Вест. – И он – самый настоящий герой. Потому что выжил. Потому что выстоял, несмотря ни на что. И продержится до тех пор, когда мы, горстка плохо организованных бездарей, сумеем наконец вытащить его из плена.

– И тогда он сделает все правильно! – подхватил Анри. – И в Левансии никогда больше не будет такого произвола!

– Он не в монастыре каком-нибудь отсиживается и не у богатых родственничков! – добавил смуглый верзила, имени которого Дайон то ли ни разу не слышал, то ли попросту не счел нужным запоминать. – Каково мальчишке в его годы оказаться в тюрьме?

– Да с кем мы говорим? Бей его, ребята! – завопил кто-то. – За Дайона л'Эстре! За Левансию!

Не успел упомянутый выше герцог л'Эстре опомниться, как его повалили на землю, и ему ничего не оставалось, кроме как сгруппироваться и пытаться уклониться хотя бы от части ударов, наносимых преданными соратниками и борцами за его свободу. В основном по спине, хотя кто-то умудрился заехать сапогом по лицу. В глазах заплясали искры. Продолжалось это недолго, и все же ему как следует досталось, прежде чем раздалось громогласное:

– Что, вашу мать, здесь творится?!

Побои мгновенно прекратились. Поняв, что продолжения не будет, Дайон решил убрать руки с головы, сесть на траву, а затем и

подняться на ноги. Жюст стоял посреди поляны, метая на подчиненных гневные взгляды.

Хоть предводитель и не обладал выдающимся ростом, сейчас казалось, будто он возвышается над прочими наподобие возведенной на пьедестал статуи. Партизаны реагировали по-разному. Кто-то вперил в землю хмурый, но решительный взгляд. Кто-то рассматривал темное небо с таким видом, словно вовсе не был в курсе происходящего и вообще оказался поблизости совершенно случайно. Остальные застыли в замешательстве, так и не выбрав стратегию поведения.

Жюст оглядел Дайона неодобрительно покачал головой, словно говоря: «Ну вот, опять нарвался», и снова обратился к остальным:

– Повторяю: что здесь происходит?

– Мы защищали честь герцога! – выпалил кто-то.

– Кого?

– Дайона л'Эстре! – хмуро пояснил Анри.

Имя сразу же подхватил нестройный хор голосов:

– За Дайона л'Эстре!

– Тише! – остановил их командир.

Он подошел к Дайону, оценивая повреждения. Тот криво усмехнулся. Тело болело, каждый вздох давался с трудом, а на скуле наливалась гематома.

– Его надо арестовать! – подал голос один из зачинщиков драки.

– Конечно! Он же против герцога!

– Против Левансии!

– Молчать! – зычно оборвал их Жюст. – Я не потерплю здесь самоуправства! Это всем понятно? В подробностях разберусь позже. А сейчас расходитесь.

Толпа начала рассасываться. Одни уходили спокойно, другие были полны возмущения, а выкрики «Да здравствует герцог Левансийский!» вскоре трансформировались в тосты.

– Ты как? Помощь нужна? – спросил Жюст, опасливо косясь на пошатывающегося Дайона.

Тот покачал головой, не в силах сдержать улыбку.

– Я в полном порядке, – заверил он Жюста, и тот, напоследок скептически хмыкнув, предоставил эксцентричного дворянина самому себе.

Дайону л'Эстре давно не приходилось терпеть побои. И тем не менее он очень давно не чувствовал себя таким счастливым, как в этот момент.

Улыбка расширилась, когда он увидел Виолу.

– Виола, я...

Виола выставила вперед руку, заставляя его замолчать. Она выглядела серьезной и очень сосредоточенной. Шагнув к герцогу, она, недолго думая, влепила ему пощечину.

– Вы, кажется, этого хотели? Получайте! – с чувством сказала она.

Дайон подумал о синяке, уже налившимся на левой скуле.

– Что ж, вы где-то правы: для симметрии так будет лучше, – пробормотал он.

– Как вы могли?! – возмущенно воскликнула Виола. – Как вы посмели говорить гадости о нашем герцоге? Вы хоть представляете себе, что это такое – в одночасье потерять все? Родителей, дом, положение в обществе, свободу? Вы понимаете, каково это – полтора года провести в подземелье? Да нет, откуда вам? Вы – просто самодовольный баловень судьбы. Но настанет день, когда именно он, Дайон л'Эстре, поведет нас к победе.

Она развернулась и решительно зашагала прочь, не оглядываясь и потому не имея возможности увидеть улыбку, вновь заигравшую на устах «баловня».

– Он же на целый год вас моложе! – бросил Дайон ей вслед. И еще тише добавил: – В отличие от меня.

Глава 12

Подъем на следующее утро дался с большим трудом. Все тело болело, а глаз заплыл. Здравый смысл буквально вопил о том, чтобы отлежаться, но гордость требовала показаться в лагере. Стиснув зубы, Дайон направился к выходу и столкнулся нос к носу с Одаренным.

– Помощь нужна? – окинул тот герцога понимающим взглядом.

– Не откажусь, – кивнул Дайон и зачем-то добавил: – Решили загладить вину?

– Меня не было вчера у костра, если вы это имели в виду. Но слухи уже расползлись.

Одаренный размял пальцы и потянулся к собеседнику. Касаться не стал, но тело герцога окутала блаженная прохлада. Боль утихла.

– Синяки убрать не смогу, – предупредил маг. – Но сойдут быстрее, чем обычно.

– И на том спасибо.

– Всегда рад помочь. – Одаренный пару секунд всматривался в лицо герцога. – Хотите совет?

Дайон пожал плечами:

– Почему бы и нет?

– Не все любят их слушать.

– Выслушать совет – не значит следовать ему, – возразил герцог Левансийский, невольно вспомнив, какое количество советов он выслушал за свою жизнь.

Увы, почти каждый мнит себя способным если не управлять государством, то по меньшей мере рекомендовать, как лучше это делать.

– Возможно, вы правы, – согласился Одаренный. – Так вот, вам не стоит вслух выражать ваше отношение к Дайону л'Эстре. По крайней мере здесь.

– Это я уже понял, – откликнулся герцог, пытаясь разгадать, что стоит за словами мага: простое беспокойство или нечто большее.

– Вот и хорошо.

Одаренный кивнул и направился к выходу.

– Я так и не нашел порталщика, – решил попытать счастья Дайон. – Может быть, вы знаете кого-нибудь еще?

– Н-нет, – немного подумав, покачал головой маг. – Полные списки были у инквизиции. Я слышал, все, что уцелело после пожара, отвезли в замок герцога. Стало быть, если списки до сих пор существуют, то они у лорда Маркуса. Понимаю, новость не самая приятная, но таков расклад.

Одаренный вышел, а Дайон опять присел на кровать.

– Час от часу не легче, – пробормотал он в сердцах.

При мысли о том, что ему все-таки придется проникнуть в замок, его бросило в пот, а голова закружилась. Даже через столько лет герцог Левансийский не был готов встретиться с теми, кто истязал его в прошлом. Он будто снова услышал гулкое эхо шагов и вкрадчивое: «Подпишите, ваша светлость!», почувствовал на плече железную хватку... желудок скрутило...

– Эй, вы здесь? – знакомый голос прорвался сквозь кошмар воспоминаний.

– Секунду. – Он вскочил и плеснул в лицо ледяной воды из кувшина, пытаясь прийти в себя. – Входите.

Виола, однако, не воспользовалась приглашением и вместо этого застыла на пороге, напряженно смотря на хозяина палатки. Еще не полностью придя в себя, он ответил мрачным взглядом.

– Вы что-то хотели?

– Да, но, может быть, я не вовремя?

– Да входите уже!

Герцог нетерпеливо махнул рукой в призывном жесте. Перспектива выглядеть вечно больным, да еще и в глазах Виолы, совершенно ему не улыбалась.

Поколебавшись, девушка все-таки решительно вздернула подбородок и шагнула внутрь.

– Итак? – ожидая продолжения вчерашнего, Дайон скрестил руки на груди.

– Я пришла, чтобы извиниться.

Виола посмотрела на него с вызовом.

– Но вы ведь не любите этого делать! – не сдержался герцог.

Девушка ответила ему взглядом полным укора:

– Нет, вы – невозможный человек! Вместо того чтобы либо укорять меня за вчерашний неблагоприятный поступок, либо просто принять мои извинения и оскорбленно выставить меня прочь, вы начинаете вспоминать, что я люблю, а что нет!

– Если вы не любите что-то делать, зачем заставлять вас? – пожал плечами Дайон. – Вы и так совершили мужественный поступок, когда пришли сюда.

– Неужели? – фыркнула Виола.

– Именно. К тому же, признаться, я завидую запертому в замке мальчишке, который не потерял в вас верного защитника. Несмотря на то, что он на целый год младше!

Девушка закатила глаза.

– Так и знала, что вы припомните мне эти слова! Но в оправдание своих вчерашних действий, смею заметить, что вы сами недавно рекомендовали мне дать вам пощечину.

– Представляю, каких сил вам стоило воплотить эту рекомендацию в жизнь.

Виола вспыхнула.

– Ну что вы, – процедила она. – Мне это не составило никакого труда!

– Рад слышать! В таком случае, не стесняйтесь, если захочется еще. Я в вашем распоряжении. – Дайон широко раскинул руки, давая понять, что не станет защищаться.

– Нет, вы точно мазохист!

В порыве эмоций девушка притопнула ногой.

– Пожалуйста, не обижайтесь! Уверяю, я смеюсь не над вами, а над собой.

– Интересно, что же смешного вы нашли? – Она все еще злилась.

– Любой ответ разозлит вас еще сильнее. – Дайон подошел к ней вплотную, провел пальцами по щеке, убирая за ухо выбившуюся прядь. – Просто поразительно, как вы умудряетесь поддерживать столь прекрасный внешний вид в таких условиях.

– О, не уклоняйтесь от темы! – потребовала девушка. – И, кстати, условия ничуть не лучше и не хуже тех, что были до Смуты.

– Сомневаюсь, что вы жили в палатке, сплетенной из ветвей.

– У меня был домик на дереве, – заявила Виола. – Я много времени проводила в нем.

В ответ Дайон только улыбнулся.

– Составите мне компанию за завтраком? – вдруг спросил он. – Хотя бы в качестве компенсации за вчерашнее?

Он знал, что не должен манипулировать юной девушкой, но ничего не мог с собой поделать. С другой стороны, пожелай она уйти, то ушла бы, и нет такой силы, какая могла бы ее остановить.

– Если там еще что-то осталось. – Похоже, Виола была только рада очередной смене темы разговора.

– Думаю, нам стоит проверить.

Дайон протянул руку, на которую девушка спокойно положила свою.

Они чинно вышли из палатки и направились к костру, когда послышался стук копыт, и из-за деревьев вылетели три всадника. Один из которых показался герцогу очень знакомым.

Феррант! Даже невзирая на то, что в данный момент старший агент выглядел моложе, а на висках еще не серебрилась седина, Дайон безошибочно узнал его. Слишком уж много времени герцог проводил в его обществе.

Исполнительный, временами жесткий и бескомпромиссный, Феррант много лет являлся правой рукой герцога Левансийского. С какой радостью Дайон посоветовался бы с ним сейчас! Он даже сделал шаг в сторону старшего агента, но сразу же одернул себя, вспомнив, что утверждал, что прибыл из Эвендейла. Зная Ферранта, тот решит, что Дайон – агент Ковентеджа и вцепится в него железной хваткой. А подвергаться допросу собственного агента, пусть даже одного из лучших, герцогу не хотелось. К тому же раскрыться сейчас значило изменить ход событий, ведь Феррант из будущего ничего не знал (Дайон готов был отдать руку на отсечение!) об этом путешествии во времени. Впрочем, вернее всего, он не поверит «самозванцу». Сочтет его дальним родственником, пытающимся захватить власть в Левансии...

Дайон сделал несколько аккуратных шагов в сторону, отходя в тень дерева. Руку Виолы он так и не выпустил, и девушка нехотя последовала за ним. Всадники тем временем спешили.

– Где Жюст? – отрывисто поинтересовался Феррант, пока его спутники занимались лошадьми.

– Вроде в палатке, – нерешительно отозвался приблизившийся Анри.

Будущий старший агент герцога Левансийского неодобрительно скривился.

– «Вроде»! – повторил он. – Как можно не знать, где командир? Никакой дисциплины!

Покачав головой, он направился в палатку Жюста.

– Интересно, зачем он приехал? – прошептала Виола, озвучивая вслух мысли Дайона.

Герцог пожал плечами.

– Скорее, стоит спросить, почему он приехал так внезапно...

Он задумался, прикидывая, как лучше подкрасться к палатке, не привлекая внимания остальных.

– Мы можем сделать вид, что прогуливаемся. – Виола перехватила его взгляд. – По крайней мере, это будет убедительнее, чем желание Веста срочно заточить меч или попытка Анри набрать веток для костра именно возле палатки.

Дайон заметил, что все взрослые обитатели лагеря, делая вид, будто увлечены своими занятиями, подтянулись к палатке командира. Хотя это было лишним: громкий злой голос Ферранта Руажа был хорошо слышен повсюду:

– Что значит «случайность»?! Вы хоть понимаете, что такое для нас этот пожар? Да после него инквизиция открыто перейдет на сторону лорда Маркуса!

Что ответил Жюст, разобрать не удалось, но его ответ явно не удовлетворил Ферранта.

– Плохо стараетесь! – рявкнул он. – Ваши люди совсем разболтались! В лагере никакой дисциплины! Что ни день, то происшествие! Не пожар, так горы трупов!

– Я же говорила Весту, что не стоило оставлять трупы на первом этаже, – прошептала Виола.

– Интересно, куда он должен был их деть, учитывая ситуацию? Подбросить соседям? – так же тихо отозвался Дайон.

– Нет, но...

– ...я хочу их видеть! Так сказать, знать ваших героев в лицо!

Приказ заставил Дайона вздрогнуть. Понимая, что счет идет на секунды, он в два прыжка преодолел расстояние, отделяющее его от

густых зарослей и юркнул в раскидистые кусты.

Выругался сквозь зубы: кусты оказались ничем иным, как шиповником, колючки которого моментально впились в волосы и одежду, попутно царапая кожу.

– Где Йонатан? – судя по всему, Жюст вышел из палатки. – А, Виола, ты его не видела?

– Нет, – очень спокойно ответила девушка. – Добрый день, господин Руаж.

– Добрый.

Феррант все еще злился, но с женщиной аристократического происхождения старался держаться вежливо.

– Как поживает госпожа Арсе? – продолжала Виола как ни в чем не бывало.

Дайон сообразил, что девушка говорит достаточно громко, чтобы заглушить возможный шум в кустах. Он осторожно отцепил от одежды ветки и припал к земле, надеясь, что там колючек будет меньше.

– Прекрасно, – холодно отозвался Руаж. – Жюст, где этот ваш новенький?

– Вы ищете Йонатана? – сообразила Виола, снова повышая голос. – А зачем он вам?

Дайон заметил просвет между ветками и, стараясь не производить много шума, пополз туда.

– Виола, мы не глухие, – оборвал ее Жюст. – И да, Феррант хочет поговорить с Йонатаном.

– Очень, – мрачно подтвердил тот.

– Интересно, зачем? – Виола проигнорировала замечание.

Дайон воспользовался этим, чтобы пробраться еще дальше, благо ближе к лесу кусты редели. Внезапно путь преградила огромная ящерица. Ее зеленая чешуя пестрела черными узорами, по спине шел гребень, под нижней челюстью виднелся кожистый мешок, а круглые глаза скорбно взирали на мир. Судя по взгляду, пресмыкающееся окончательно разочаровалось в жизни и вот-вот готово было покинуть этот бранный мир.

– А ну, кыш! – прошипел герцог, оглядываясь в сторону лагеря.

Виола все еще спрашивала у Ферранта какую-то ерунду, тот мрачно отвечал сквозь зубы. Дайон хмыкнул. Виола могла собой

гордиться: не каждому удавалось довести обычно сдержанного старшего агента до белого каления. Ну разве что только Денизе.

Герцог тяжело вздохнул и в который раз позавидовал сестре. Ей бы не составило труда проползти меж кустов, не привлекая внимания. Да и столько глупостей, сколько он, Дениза никогда бы не наделала.

Словно прочитав мысли человека, лежащего рядом, огромная ящерица важно раздула кожистый мешок под подбородком. Почему-то это разозлило больше всего:

– А ну, кыш отсюда! – снова прошипел Дайон, взмахивая рукой.

Ящерица вздохнула и поползла прочь, не разбирая дороги.

– Что за шум? – мгновенно среагировал Феррант.

– Это... это, наверное, кролик! – выпалила Виола. – Или суслик...

– Или кто-то из оленей, – иронично подхватил Жюст, устремляясь за Феррантом.

Из своего укрытия Дайон прекрасно видел начищенные сапоги будущего старшего агента левансийской разведки и пыльные – Жюста. Виола благоразумно предпочла оставаться за спинами мужчин.

– Ну что там? – Феррант топтался у кустов. – Эй, лучше выходи сам!

Ящерица бросила на затаившего дыхание Дайона еще один скорбный взгляд, словно прощаясь, и вылезла из кустов прямо под ноги настырным людям. Виола завизжала.

– Успокойтесь, это всего лишь крупная игуана! – попытался урезонить ее Феррант.

– Какая гадость! Уберите ее отсюда!

Ответ Дайон не расслышал. Воспользовавшись устроенной Виолой суматохой, он бодро прополз последние несколько метров и выскочил с противоположной стороны кустарника, после чего юркнул в лесную чашу.

В лагерь герцог вернулся ближе к вечеру. Феррант уже уехал, об этом сказали часовые, добавив, что лидер сопротивления был весьма мрачен. Дайон только хмыкнул.

Виола ждала его у костра.

– Где вы пропадали? – напустилась она на герцога, едва его увидела. – Я умираю от любопытства!

– Судя по вашему цветущему виду, смерти придется ждать еще очень долго, – отшутился Дайон. – Вы позволите?

Он присел рядом.

– Рассказывайте! – приказала она.

– О чем?

– Почему вы так боитесь Ферранта?

– Я не хочу с ним встречаться, – поправил девушку Дайон. – Это не одно и то же.

– Почему? Вы что-то натворили?

– И да, и нет. – Герцог подкинул в огонь пару веток. – Но, скажем так, наша встреча может иметь фатальные последствия для всей Левансии.

– Все-таки вы – шпион! – ахнула Виола.

– Что? – Герцог нахмурился, а потом рассмеялся. – И придет же вам такое в голову!

– Тогда почему? – Она замялась, а потом выпалила. – Скажите, в этом замешана женщина?

– Можно сказать и так, – согрешил против истины герцог, подумав, что это самое безобидное из возможных объяснений, а правду в любом случае не скажешь.

– Понятно, – кивнула девушка. – Ничего другого от вас ожидать не приходилось.

– Вот как?

– Конечно. Это самая распространенная отговорка. Скажите, что в деле замешана женщина, и все вопросы сразу отпадают!

– А вы умны! – герцог не смог скрыть восхищения.

– Звучит как упрек, – вздохнула Виола.

– Упрек?

– Мужчины не любят умных женщин. Предпочитают хорошеньких дурочек.

– Неужели?

– Да. Вот взять, например, вас.

– Меня? – опешил Дайон.

– Да, вас! Наверняка ваша любовница весьма красива и не слишком умна!

– Могу я поинтересоваться, как вы пришли к такому выводу?

– Все очевидно: вряд ли бы вы стали заморачиваться с порталом ради дурнушки. Но, застряв здесь, поддерживать с ней отношения не

стремитесь. Значит, она недостаточно умна, чтобы вас удержать. – Девушка торжествующе посмотрела на герцога.

Ее глаза светились такой гордостью, что он до крови прикусил губу, чтобы не расхохотаться над абсурдностью этих выводов.

– Вы правы, – Дайон покаянно опустил голову, скрывая улыбку. – Она действительно глупа и в подметки вам не годится!

– А вот это нехорошо, – нахмурилась Виола. – Вам не стоит так отзываться о женщине, которая рисковала репутацией ради отношений с вами.

Дайону хотел возразить, что связь с герцогом Левансийским скорее шла женщинам на пользу, нежели наоборот, но вовремя опомнился.

– И опять вы правы... – кивнул он, стараясь оставаться серьезным. – Как думаете, я совершенно безнадежен?

Виола задумалась.

– Я не уверена, – наконец произнесла она. – Но то, что вы задаете этот вопрос, свидетельствует в вашу пользу.

Не выдержав, герцог все-таки расхохотался.

– Виола, вы прелестны!

– Надеюсь, что это – комплимент, – совершенно серьезно сказала она.

– Это – чистая правда, – галантно уверил ее Дайон.

– А теперь вы, кажется, пытаетесь мне польстить...

– Нет, – он покачал головой. – Виола, вы – смелая, умная, красивая девушка...

– Но?

– Что?

– Обычно так говорят, когда хотят добавить какое-то «но». Что хотите добавить вы?

Она не отводила взгляд от его лица. Пламя костра отражалась в ее глазах. От волнения дыхание стало более прерывистым, губы приоткрылись, и Дайон не выдержал. Медленно, словно боясь испугать, он склонился к Виоле, привлек ее к себе. Она не сопротивлялась, напротив, обхватила его за шею и сама потянулась к нему.

Дайону хватило сил опомниться первым.

– Виола... – все еще тяжело дыша, он прижимал девушку к груди. – Послушайте, это...

Он запнулся, не зная, как сказать то, что должен.

– Хотите сказать, что это не должно было произойти, верно?

– Да.

– Интересно. Почему?

Дайон промолчал. Не зная, как все объяснить, он отвернулся, делая вид, будто всматривается в темноту ночного леса. Виола оттолкнула его и вскочила на ноги.

– Разумеется, я слишком юна для вас, правда? Ну так вот, знайте: это не я юная, а вы – старый!

Подобрав юбки, она решительно направилась прочь.

– Вообще-то я на целый год младше вас, – с горечью прошептал герцог Левансийский.

Глава 13

Жюст вызвал Дайона к себе рано утром. На этот раз бессонная ночь сыграла на руку, и герцог успел придумать правдоподобную историю, объясняющую, куда он уходил и почему его не смогли отыскать. Он так же уверил командира, что обязательно встретится с Феррантом, и даже не погрешил против истины, вспомнив долгие совещания со старшим тайным агентом.

Жюст поджал губы, но оставил возражения при себе, не желая ссориться с тем, кого уже считал своим. Дайон, рассчитывавший именно на это, кивнул и вышел прочь. Оставаться в лагере означало встретиться с Виолой, и герцог предпочел направиться в город, чтобы попытаться отыскать хоть какие-нибудь упоминания о временном портале. Часовой, тоже теперь почитавший «Йонатана» за своего, коротко напомнил ему об ограничениях на выход из лагеря, но останавливать герцога не стал. Погруженный в воспоминания о вчерашнем вечере, Дайон не сразу понял, что его окликают.

– Господин де Грандье, да погодите же! – запыхавшийся Мэтью с трудом его нагнал. – Вы куда?

– В город, – не стал скрывать Дайон.

– Зачем?

– Да так, хотел кое-что проверить.

– Не развешаны ли на каждом столбе ваши портреты с обещанием награды? – хмыкнул Мэтью.

– И это тоже.

Сказать по правде, этот момент Дайон упустил из виду. Хотя... он не помнил, чтобы в документах лорда Маркуса фигурировал подобный листок. Следовательно, объявлений можно было не опасаться.

– Полагаю, ты идешь за тем же? – поинтересовался он у секретаря. Юноша радостно кивнул.

– Верно. Мы всегда после таких событий проверяем, кого ищут и какова награда. Из нашего отряда пока что лидирует Жюст. За него пятьсот золотых обещали.

– А не из нашего?

– Конечно же Дениза Арсе!

Восторг в голосе спутника заставил герцога нахмуриться. Прекрасно понимая, что сестра для многих была кумиром, он тем не менее не желал выслушивать восхищенные возгласы. Было в этом нечто неподобающее, ведь дело касалось сестры герцога. К тому же в своих мечтах Мэтью мог зайти слишком далеко, и герцог опасался, что может не сдержаться.

– За ее голову обещают тысячу золотых! – продолжал секретарь, не подозревая, сколь недобрые мысли проносятся в голове его собеседника.

– Всего-то? – как можно небрежнее обронил Дайон. – Похоже, дела лорда Маркуса идут не слишком хорошо.

– Тысяча золотых – огромная сумма, – обиделся Мэтью. – И вообще, если вы не забыли, то Жюст запретил ходить в город по одиночке!

– Верно, – кивнул герцог. – Вот и пойдем вместе. Документы у тебя есть?

– Конечно, – Мэтью вытащил из-за пазухи смятую подорожную. – Вот.

– Хорошо.

В городе было тихо. Недавние события словно канули в забвение, и если бы не хмурые лица прохожих, сурово сжимающих губы, то можно было подумать, что ничего и не произошло.

Многие лавки также были закрыты. Дайон прошелся по улицам и свернул к ратушной площади, в центре которой возвышался помост для казней. Позорный столб, использовавшийся и как виселица, зловеще темнел на фоне ярко-голубого неба.

Около него стояло несколько горожан, оживленно что-то обсуждавших.

Сделав знак Мэтью молчать, герцог приблизился.

– ...обыски по всему городу...

– А что ищут-то?

– Говорят, девку, что шерифа порешила. – Горожанин оглянулся и чуть тише добавил: – Люди видели, как ее в карету сажали. А потом о ней еще мужчина какой-то расспрашивал.

– Думаешь, подставная? – насторожился его собеседник.

– Да кто ж ее знает. Одно ясно – времена нынче беспокойные: инквизиция сгорела, шерифа прирезали...

– На ноже, говорят герб герцога был, – вмешалась толстая женщина. Ее белоснежный чепец съехал набок, но она не обращала на это внимания.

– А может, его лордство сам приказ и отдал? – поинтересовался тот, кто рассказывал о «девке».

– А ему что с того?

– Ну как, шерифа убрать, заодно и в городе беспорядки навести, по лавкам с обысками пройтись. Говорят, вон у Лионеля пять бочек вина забрали. Дескать, проверять будут, нет ли в них чего...

– Аккурат на балу и проверят, – хмыкнул молчавший до этого толстяк. – Как и остальное. Стражники лорда Маркуса все утро по лавкам шарились!

– Тише! – шикнула на него женщина и оглянулась: – А вам чего, господин хороший?

Обращалась она к Дайону, который делал вид, что рассматривает прилавок, на котором были выложены подвявшие овощи.

– Да вот, яблок хотел купить.

– Опоздали вы, господин хороший, все яблоки в замок увезли.

– Вот как? – Мэтью подошел и встал рядом.

– У нашего регента день рождения, вот все и стараются, подарки дарят, – с сарказмом пояснил толстяк.

– У него же только через пять дней, – нахмурился герцог.

– Плохая примета – дарить подарки заранее, – кивнул Мэтью.

Лавочник зло расхохотался.

– Мальчик, скажи это людям лорда Маркуса, – посоветовал он.

Мэтью насупился и хотел возразить, но Дайон потянул его за собой.

– Не стоит тратить время попусту, – вполголоса заметил герцог, когда они отошли от помоста.

– Но...

– Мэтью, ты уверен, что среди собравшихся нет шпионов, выявляющих среди горожан неблагонадежных?

Секретарь ошеломленно посмотрел на своего спутника.

– Об этом я не подумал, – признался он.

– А стоило. – Дайон задумчиво посмотрел на облака. – День рождения лорда Маркуса, значит...

Он нахмурился, пытаясь понять, что упускает из виду. Перед глазами пронеслись, казалось, давно забытые образы прошлого: лорд Маркус, презрительно кривящий губы при виде убогой обстановки камеры, в которой держали юного герцога, стражники, позволяющие себе злые шутки и ле Бриенн... от последнего имени в голове зашумело, а по спине пробежал холодок. Лорд-исполнитель, правая рука и одновременно палач лорда Маркуса. Именно он приходил к Дайону, требуя подписать тот или иной документ. И именно он не гнушался применять любые методы, если юный герцог пытался отказаться.

– Виконт! Йонатан! Что с вами? – встревоженный голос Мэтью прорвался сквозь пелену воспоминаний.

– Что? – Дайон обнаружил, что стоит посередине улицы, дыхание сбилось, а на лбу выступил пот.

– Вы вдруг остановились... – пробормотал юноша. – И не реагировали ни на что...

– Извини, задумался. Пойдем.

– Может, я вас догоню? – Мэтью с надеждой посмотрел на Дайона.

– С чего вдруг? – насторожился тот.

– Ну так... у меня тут кое-какое дело есть, – стушевался секретарь, его щеки полыхнули алым. Герцог понимающе хмыкнул:

– И как ее зовут?

– Кого?

– Твое дело...

– Аннет, – Мэтью опустил голову.

– Ладно, иди. Встретимся через час у ратуши!

– Спасибо!

Радостный Мэтью убежал, а герцог неторопливо зашагал по улице.

Ноги сами привели его к книжной лавке. Располагавшаяся не в самой богатой части города, она славилась тем, что хозяин за плату позволял просмотреть книгу, прежде чем купить ее. Лавка передавалась по наследству, и традиции были неизменны. Нередко именно здесь Одаренные герцога находили по-настоящему редкие свитки.

Над головой звякнул колокольчик, оповещая хозяина о посетителе.

– Добрый день, господин! – Невысокий человек в пенсне вынырнул из-за пыльного стеллажа. – Чем могу помочь?

– Я ищу информацию по порталам. – Дайон решил не ходить вокруг да около.

– Порталы? – хозяин почесал лысую макушку. – Не слишком популярная тема.

– Возможно. Так что, я могу воспользоваться вашими фолиантами?

Дайон отвязал от пояса кошель.

– Разумеется, прошу. Второй шкаф слева от окна.

– Спасибо. – Герцог положил на прилавок три серебряные монеты и направился к полкам.

Судя по пыли, к книгам давно не прикасались. Дайон просматривал одну за другой, пока не отыскал нечто, заставившее его сердце стучать в ускоренном темпе.

В точности неизвестно, когда именно люди научились создавать временные порталы. Сведения о первом портале восходят к пятому веку до современного летоисчисления. По утверждению некоторых мудрецов, путешествия во времени противоречат самой природе бытия и потому должны быть строго запрещены. Если верить источникам, перемещения такого рода нередко плохо заканчиваются для путешественника.

– Кто бы мог подумать? – саркастично фыркнул Дайон, но продолжил с жадностью пожирать глазами текст.

В то же время, некоторые Одаренные, в том числе знаменитый Филафель Август, выступают против запрета на создание временных порталов. Они утверждают, что перемещения возможны лишь в том случае, когда путешественник тем или иным образом привязан к эпохе, в которую отправляется. Такое перемещение является по-своему естественным и не нарушает законов бытия.

Кроме того, любой портал открывается в двух направлениях. Человек, прошедший в одну сторону, всегда имеет возможность

вернуться назад. Для этого ему даже не нужна помощь Одаренного. Все, что требуется, – это попасть в ту же пространственную точку, где состоялось первое перемещение. Путешественник благополучно вернется в свое время, и лишь после этого портал будет окончательно закрыт. Создать портал с теми же параметрами повторно практически невозможно. Таким образом сама вселенная заботится о том, чтобы многочисленные скачки туда и обратно, воистину противоречащие природе, были невозможны. Учитывая неоднозначность данного вопроса и несомненную опасность, связанную с временными перемещениями, автор сего труда предпочитает не приводить пошаговое описание необходимого ритуала.

Убедившись, что больше ничего интересного в тексте нет, Дайон поднял глаза и глубоко задумался, подперев руками подбородок. Вопросов оставалось немало, но главное прояснилось. Там, в его времени, десять лет спустя, кто-то поиграл с запретными материями и создал портал, возвращающий в эпоху Смуты. Поотрывать бы этому экспериментатору руки, а лучше голову, но этим можно будет заняться после возвращения. Теперь же следовало сосредоточиться на другом. Самое главное: вернуться можно. Портал продолжит существование до тех пор, пока Дайон не пройдет по нему вторично, на сей раз перемещаясь из Смуты в будущее. Затем переход закроется, и дороги назад не будет.

Герцог прикрыл глаза: отчего-то эта информация вызывала двойственные чувства. Но эйфория от осознания, что он может попасть домой, и для этого даже не требуется помощь специалиста, быстро перевесила прочие эмоции. Итак, все, что нужно сделать, – это вернуться в тот злосчастный тоннель. Правда, для этого придется пробраться в замок, иными словами – в самое логово врага. Значит, легко не будет, и у герцога есть хорошие шансы погибнуть, прорываясь к portalу. И тем не менее это был огромный прорыв в сравнении с недавним его положением, когда Дайон не имел ни малейшего представления, возможно ли создать портал в будущее и если да, то как именно.

Все это следовало как следует обдумать и выработать план. Подробно, со всеми нюансами, с несколькими вариантами, стараясь

предвидеть любое развитие событий. Потребуется время, но это не страшно: главное, у него появилась четкая цель.

Кивком попрощавшись с продавцом, Дайон направился на улицу. Покупать свиток не было нужды: деталей осторожничающий автор не приводил, а общие факты герцог запомнил. У самой двери он чуть не столкнулся с еще одним посетителем, как раз входившим в лавку.

– Добрый день, господин Морель, – поприветствовал хозяин. – Рад вас видеть, но хочу предупредить, что мы скоро закрываемся.

– Так скоро? До вечера ведь еще далеко, – удивился тот.

– Пятое октября, день рождения моей супруги, – с улыбкой развел руками лавочник.

Стукнула, окончательно закрывшись, дверь, и Дайон остался снаружи, полностью отрезанный от книжного мира. Но что-то никак не давало покоя. «Пятое октября». Пятое октября... Дата определенно была ему знакома и явно не в качестве чьего бы то ни было дня рождения. Чувство возникало неприятное, будто царапало что-то внутри.

Резкий порыв ветра остудил лицо, швырнул навстречу горсть сухих листьев. Клены пригнулись, а ветви задрожали, будто зелень чувствовала, какая участь ожидает ее в самое ближайшее время. И Дайон вспомнил. Конечно, пятое октября. Не дата рождения, а дата смерти. Именно в этот день погиб Робер Бенуа, аристократ, хороший друг их семьи и дальний родственник, сохранивший верность королю и герцогу Левансийскому. Он уезжал за границу, стараясь заручиться помощью иноземных союзников, затем возвратился домой, поддерживал связь с силами сопротивления... Люди лорда Маркуса подстерегли и убили его на лесной дороге, несмотря на то, что он путешествовал инкогнито. Предатели и доносчики существовали везде и во все времена.

Его убили за час до заката. Дайон посмотрел на солнце. Еще можно успеть. Эх, и почему он не вспомнил обо всем раньше? Жюст не отказал бы в помощи, они бы собрали отряд и действовали наверняка. Теперь же возвращаться в лагерь времени не было. Но он, во всяком случае, постарается сделать все, что сможет. У него появился редкий, практически небывалый шанс: изменить прошлое, поспорить с судьбой, спасти человеческую жизнь. Грех было не попытаться.

Дайон взглянул на часы на ратушной башне, которые были видны из любой точки города. Через пять минут они должны встретиться с Мэтью. Если герцог не придет, с парня станется начать его искать и привлечь ненужное внимание. Пришлось направиться к площади.

Мэтью пришел даже раньше условленного. Парнишка так и светился от радости и хотел поделиться новостями, но Дайон жестом остановил его.

– Послушай, обстоятельства складываются так, что я не могу вернуться в лагерь, – негромко заговорил он, одновременно отесняя парня подальше от посторонних ушей. – У меня есть одно дело. Довольно опасное, так что не знаю, как все сложится дальше. Иди один. Скажи Жюсту, что, если все будет в порядке, я появлюсь сегодня к ночи.

– А если нет?

Дайон многозначительно развел руками.

– Я пойду с вами, – решительно заявил Мэтью.

– Уверен? – Герцог внимательно посмотрел на юношу. – Повторяю: дело опасное. Там будут люди лорда... сам знаешь какого.

– Уверен! – Мэтью гордо поднял голову и распрямил плечи.

– Мне не надо, чтобы ты играл в героя и лез на рожон, – охладил его пыл герцог. – Помощник, честно скажу, не повредит. Помощник, но не самоубийца.

– Да я все понимаю. – Плечи парня опустились, и он принял более обычную для себя позу: чуть-чуть сутулый, чуть-чуть несуразный, но славный и по-своему обаятельный. – Просто вы же один, а там, сами говорите, опасно. И потом, я к Жюсту не для того пришел, чтобы в сторонке отсиживаться.

– Ладно, принято, – кивнул Дайон. – Тогда пойдем, я по дороге все объясню.

Конечно, рассказывать про будущее он не стал, просто дал понять, что есть секретная информация о готовящемся нападении. Мэтью слушал внимательно, кивал, потом, хмурясь, посмотрел на небо.

– Лучше было бы верхом, – заметил он. – Приедем заранее, на месте сориентируемся.

– Лучше. – Дайон тоскливо покосился на коня, мирно жующего сено у коновязи. – Но своих лошадей у нас нет, а если уведем чужую, за нами устроят погоню. Делу это не поможет.

Мэтью кивнул, вынужденный согласиться с доводами герцога.

Из города выбрались быстро и без приключений, но дальше неудачи поджидали их одна за другой. Сначала оказалось, что из-за обильных дождей ручеек, на который как следует обутый путник и внимания бы не обратил, разлился так, что пришлось искать переправу. Не прошло и десяти минут, как дорогу преградила воздвигнутая для охраны поля стена. Дайон, хоть убейте, ее не помнил: вполне вероятно, что за прошедшие годы она успела обрушиться. Но факт оставался фактом: в данный момент каменная ограда была более чем материальна. Перелезть на другую сторону среди бела дня значило привлечь к себе недопустимое внимание, так что пришлось заложить приличный крюк в поисках сторожевой будки. Добравшись наконец до леса, они пустились по тропинке бегом, но время от времени приходилось останавливаться, чтобы сориентироваться на местности. О том, где именно погиб Бенуа, Дайон знал от Денизы, но ему доводилось бывать в тех краях всего пару раз, так что дорогу он помнил не так хорошо, как хотелось бы.

Пушистые кроны прятали небо, и, преодолевая последний участок пути, Дайон с Мэтью не знали, опаздывают они, успевают как раз вовремя или, напротив, чрезмерно торопятся. Все расставил по своим местам всадник, неспешно выехавший из-за деревьев им навстречу. В последний раз Дайон видел Робера Бенуа двенадцать лет назад, но тот, по понятным причинам, почти не изменился, так что герцог узнал его сразу. Махнул рукой, привлекая к себе внимание.

– Граф, вам надо сменить маршрут! – Он не знал, сколько в запасе времени, поэтому сразу перешел к делу. – Ваше инкогнито раскрыто, люди лорда Маркуса готовят нападение.

Всадник придержал коня, но ни разворачиваться, ни спешиваться не торопился.

– Кто вы такой? – спросил он, подозрительно хмурясь.

– Это неважно, – отрезал Дайон. – Значение имеют только сведения, которые я уполномочен вам передать.

– Все имеет значение, – возразил Бенуа. – В данный момент я вижу перед собой человека, раскрывшего мое инкогнито, и этот человек – вы. Быть может, именно вы пытаетесь заманить меня в ловушку. Почему я должен вам доверять?

Герцог колебался. Он мог назвать свое подлинное имя, но поверит ли граф? К тому же как быть с Мэтью? Он собирался рискнуть, но тут два огненных шара устремились в направлении всадника.

– Бегите! – заорал Дайон.

Теперь он разглядел Одаренного в темном плаще, до сих пор благополучно скрывавшегося за деревьями. Крестьянин, собиравший поблизости грибы, с испуганным воплем повалился на землю.

Бенуа не заставил упрашивать себя дважды и пришпорил коня, но далеко уйти не сумел. Первые огненные шары не достигли цели, но третий попал коню в шею. Несчастное животное начало заваливаться набок. Опытный наездник сумел вовремя выпрыгнуть из седла и едва увернулся от очередного магического снаряда. Дайон метнул в Одаренного нож, однако на этот раз промахнулся. Схватился за пояс, но второго ножа не обнаружил: он так и не обзавелся заменой клинку, прервавшему жизнь шерифа.

С пальцев мага вновь готовилось сорваться смертоносное пламя. Дайон бросился наперерез, как раз вовремя, чтобы принять огонь на себя. Шар с тоскливым пшиканьем погас, а герцог зажмурился, чтобы сконцентрироваться, и стиснул зубы от напряжения. Не для того он рожден с даром разрушения, чтобы служить живым щитом! Он застонал, словно от боли, со лба стекал пот, пальцы изогнула судорога, а потом яркий огненный комок сорвался с руки и быстрее ветра помчался в сторону нападавшего. Уклониться тот не успел, со стоном рухнул в траву. Мэтью подбежал и склонился над телом, дабы удостовериться, что опасаться больше нечего.

– Видите теперь? – развернулся к родственнику Дайон, до сих пор не веря, что у него получилось. И создать шар, и спасти Бенуа.

Тот кивнул и протянул ему руку.

– Не знаю, кто вы, но спасибо за помощь.

Они не заметили вспышки. Не заметили, как поднялся на ноги крестьянин, в глазах которого больше не было испуга. Как искры заплясали вокруг подушечек его пальцев, превращаясь в сгусток пламени. Как огненная смерть помчалась сквозь воздух, безошибочно выбрав жертву. Бенуа упал рядом со своим конем, прижимая руку к груди и жадно хватая ртом воздух.

– Вы попытались, – с трудом выдохнул он.

Губы так и не сомкнулись, взгляд застыл, пальцы выпустили рукоять меча.

Шокированный произошедшим, герцог развернулся слишком поздно. Притворившийся крестьянином агент успел увидеть, что против этого врага магия бессильна, и воспользовался более безотказным оружием. Болт арбалета, прежде припрятанного в корзине, одинаково легко убивал магов и обычных людей. Хотелось бы сказать, что вся прошлая (или будущая?) жизнь пронеслась перед глазами, но доли секунды хватило лишь на отстраненное осознание, что смерть неизбежна, и Левансии придется как-то справляться без него.

Он сам не понял, откуда появился Мэтью. Сперва даже не осознал, что это был именно Мэтью, просто внезапно увеличивающийся в размерах шар заслонила чья-то спина. Потом они оба упали. На сей раз пламя сформировалось на кончиках пальцев легко, практически само собой, и герцог без сантиментов запустил им в лжекрестьянина. Попал точно в цель – не зря все-таки тренировался с метательными ножами. Агент лорда Маркуса рухнул как подкошенный. Дайон, создавший на бегу второй смертоносный шар, так и не отправил его в полет. Убедившись, что оружие больше не потребуется, он предоставил магической энергии рассеяться и поспешил назад.

Мэтью лежал на спине, странно раскинув руки и тяжело дыша. Из живота торчал черный арбалетный болт, кровь пропитала рубашку и капала на траву. Дайон опустился рядом на колени, сжал ладонь юноши. Тот медленно повернул голову и слабо улыбнулся.

– Я знал, что, скорее всего, погибну до конца Смуты... – Голос был слабый, Дайон скорее угадывал, чем слышал отдельные слова. – Правда, думал, в битве... как герой...

– Ты – герой, – отрезал Дайон, торопясь стереть ладонью слезы, предательски застилающие глаза. Умирающий не должен видеть чужую скорбь.

Кажется, Мэтью кивнул, но герцог не мог бы утверждать с уверенностью: движения были едва уловимые.

– По крайней мере... если встречу там с мамой... – он несколько раз втянул воздух через рот и продолжил, – смогу сказать, что спас товарища.

– Скажи ей, что спас своего герцога.

Юноша недоумевающе нахмурился, губы шевельнулись в немом вопросе.

– Ты спас Дайона л'Эстре, – повторил герцог, чеканя каждое слово. – Левансия никогда не забудет твое имя.

Мэтью так и не успел до конца осознать смысл сказанного, но на его губах заиграла безмятежная улыбка человека, знающего, что он исполнил свой долг. Взгляд его застыл, и Дайон, больше не сдерживая слез, закрыл ему глаза. А потом просто сидел рядом с тем, кого так и не сумел спасти, и тем, кого невольно привел в объятия смерти.

Глава 14

В лагере Дайон появился только к вечеру. Используя дар, чтобы выкопать могилы, а точнее, просто обрушив землю у корней раскидистого дуба, герцог положил туда тела и присыпал землей. Конечно, стоило бы посадить цветы, но его магия была далека от созидающей, а поставить камень-памятник на рыхлую землю означало бы обвалить могилы и расплющить головы похороненных.

Кажется, надо было еще прочесть какую-нибудь молитву, но слова напрочь вылетели из головы, поэтому Дайон стоял у места захоронения молча. Спыхватился он, лишь когда солнце начало скатываться за вершины деревьев.

Тяжело вздохнув, герцог направился к лагерю. Часовые пропустили его без вопросов. Понимая, что идти в свою палатку означало просто отсрочить неизбежное, он предпочел сразу направиться к Жюсту.

Командир сидел за столом и внимательно изучал какие-то документы.

– Мэтью, где ты бродишь? – раздраженно бросил он, не отрываясь от бумаг. При упоминании имени умершего друга, сердце сдавило.

– Мэтью больше нет, – хрипло произнес герцог.

Жюст медленно поднял голову и, все прочитав во взгляде вошедшего, прикрыл глаза. Документы рассыпались по столу. Жюст поднялся и зашептал слова молитвы. Которые, в отличие от герцога, хорошо помнил.

Дайон просто склонил голову, еще раз поминая погибших.

– Как это произошло? – спросил командир, снова опускаясь на стул и указывая Дайону на соседний.

– Мы хотели предупредить Робера Бенуа о ловушке... – Он отвернулся и моргнул, прогоняя предательские слезы. – Не успели.

– Ясно. – Жюст тяжело вздохнул. – Кто еще погиб?

– Те, кто атаквали. Я сжег их тела.

– А... Мэтью?

– Похоронил. У дуба.

– Спасибо. У парня никого не осталось, а теперь и его самого нет. – Жюст тяжело вздохнул. – Когда же все это закончится?

– Скоро. Очень скоро.

– Может, еще день назовешь?

Дайон горько усмехнулся и покачал головой:

– Прости, но нет.

Жюст прищурился, чувствуя, что собеседник чего-то недоговаривает, но продолжать не стал. Просто достал из сундука два кубка и плеснул туда янтарной жидкости из бутылки, стоявшей на краю стола, и протянул один собеседнику.

Пить не хотелось, но отказываться означало оскорбить память умерших.

Тяжело вздохнув, он залпом опустошил кубок, даже не почувствовав вкуса напитка.

– Да, вот еще что! – достав из-за пазухи (полнейшее пренебрежение этикетом!) бумаги, Дайон протянул их Жюсту. – Я нашел это у Бенуа.

– Хорошо.

Больше они не сказали друг другу ни слова. Отставив кубок, Дайон ушел к себе. Ложиться он не стал, понимая, что это бесполезно. Просто присел на край кровати и оперся подбородком на сплетенные пальцы. Мысли постоянно возвращались к гибели Мэтью. Герцог дорого бы дал, чтобы вернуться в прошлое и отослать парня в лагерь, вместо того, чтобы тащить на верную гибель. Хотя это могло фатально закончиться для него самого. При этой мысли герцога захлестнуло отчаяние.

Что бы он ни делал, как бы ни поступал, его путь устилало слишком много смертей. Малодушно захотелось сбежать, затеряться где-нибудь в Эвендейле или Лексонии, стать изгнанником и, наконец, насладиться одиночеством и покоем.

– Можно? – Ставший знакомым за эти недели голос разрушил неподобающие мечты.

Герцог вздохнул и обернулся. Виола стояла на пороге. В серых глазах светилось сочувствие.

– Вы что-то хотели? – На всякий случай он бросил взгляд поверх головы девушки. Рассвет еще не наступил, и оттого ее визит выглядел весьма двусмысленно.

– Жюст рассказал про Мэтью.

– Да, – мрачно кивнул Дайон.

– Я... просто... все это не должно было случиться!

– Именно. Я допустил ошибку, которая стоила еще одной жизни.

Он ожидал гневной отповеди или упреков, но Виола покачала головой.

– Вы не виноваты! – горячо возразила она. – Вы всего лишь хотели спасти одну жизнь!

– Но не спас, а погубил еще одну.

Заметив, что она намеревается спорить, герцог шагнул к Виоле и приложил палец к ее губам:

– Не спорьте, гибель Мэтью – моя вина, и мне придется нести эту ношу до конца своих дней.

– Да, мы давно уже решили, что вы – мазохист.

– Кто-кто?

– Тот, кто любит страдать.

– Господи, Виола, вы-то что знаете о таких вещах?

– Немного. Зато, кажется, вы пришли в себя!

Дайон невольно рассмеялся:

– Несносная девчонка!

– Анри тоже вечно так говорит, – небрежно отмахнулась она. – Пойдемте к костру? Я заварила чай.

Дайон невольно улыбнулся.

– Пойдемте.

Рука об руку они пересекли поляну и присели на поваленное дерево, у которого их уже ждали две кружки.

– Берите! Только подождите, пусть травы настоятся! – Она взяла одну из кружек и обхватила ее руками. Склонила лицо, вдыхая ароматный пар.

Дайон с улыбкой смотрел на нее. Странно, но присутствие Виолы успокаивало, внося мир в израненную душу. Он сделал осторожный глоток.

– Мята?

– Мята, ромашка и пустырник, – девушка обхватила кружку двумя руками и склонила лицо над краем, вдыхая тонкий аромат трав. – Пейте, это успокаивает.

Дайону хотелось сказать, что больше всего его успокаивает присутствие самой Виолы, но он сдержался. К чему давать пустые надежды? Однажды он найдет способ вернуться в свое время, и всем будет лучше, если они так и не перейдут черту.

Тяжело вздохнув, он отставил кружку и встал.

– Не помогло? – Виола поднялась следом.

Дайон улыбнулся:

– Нет, но это не ваша вина. Спокойной ночи, Виола.

– Спокойной ночи, – подчеркнуто ровно произнесла она в ответ.

Глава 15

Заснул Дайон лишь под утро. Казалось, он только закрыл глаза, когда его разбудили, сообщив, что Жюст хочет его видеть.

Судя по теням под глазами, командир тоже провел бессонную ночь.

– Йонатан, проходи. – Он приглашающе махнул рукой.

Дайон зашел и занял свободный стул.

– Мне сказали, ты меня звал?

– Да, я разбирал бумаги Бенуа, и нашел вот это. – Жюст протянул герцогу сложенный втрое лист бумаги, который украшал вензель: переплетенные литеры «М» и «Л». – Угадай, что это?

– Полагаю, приглашение на бал в честь дня рождения регента, – хмуро отозвался Дайон.

– Верно. Интересно, зачем оно Бенуа?

– Чтобы попасть в замок.

– Именно! – Жюст развернул лист и пробежал глазами по тексту. – И приглашение это – на двоих.

– Стандартная форма, – машинально отозвался Дайон. – На чье имя?

– Рауль и Ванесса фон Ами, – Жюст протянул собеседнику приглашение. Дайон бегло просмотрел его.

– Знаешь таких? – продолжил командир.

– Конечно. – Именно в заточении герцог Левансийский от нечего делать наизусть вызубрил все геральдические книги, благо тюремщики приносили из библиотеки безобидную литературу такого рода. – Мелкие дворяне, у них имение на границе с Лексонией. В столице никогда не бывали.

– Никогда? – ухватился Жюст.

– Если и приезжали, то частным порядком. – Дайон вернул лист командиру отряда.

– Этим можно воспользоваться, – заметил тот.

– Воспользоваться?

– Да, Бенуа был не дурак, и если он заполучил это приглашение, то был уверен, что никто не знает, как на самом деле выглядят эти

двое.

– Вполне вероятно, – согласился герцог. Он плохо помнил погибшего родственника, но Феррант всегда отзывался о нем как о человеке незаурядного ума.

– Интересно, с какой целью Бенуа собирался туда проникнуть?

– Да кто его знает? Скорее всего, хотел попытаться что-то выведать.

– Или убить лорда Маркуса?

Дайон нахмурился, а потом покачал головой:

– Вряд ли. За Маркусом стоит ле Бриенн, – последнее имя далось с трудом, а кожа покрылась мурашками. В ушах зазвучал вкрадчивый голос: «Ну зачем ты упрямишься? Думаешь, мне приятно заставлять тебя страдать? Ведь все, что нужно, – это просто подписать пару документов...»

Дайон упрямо тряхнул головой и продолжил:

– Уж если убивать, то скорее его...

Он вдруг осекся и изумленно посмотрел на Жюста. Ле Бриенн действительно был убит в этот период, хотя Дайон точно не знал, в какой именно день. Так или иначе, именно выход ле Бриенна из игры явился поворотным моментом в борьбе повстанцев. Приглашение было у Бенуа и попало в руки к Жюсту только потому, что тот погиб. Как знать, быть может, не погибни Бенуа – и ле Бриенн остался бы жив? И тогда...

Дайон понял, что окончательно запутался.

– Йонатан, ты в порядке? – обеспокоенно окликнул Жюст.

– Да. Я просто думаю, что конкретно Бенуа хотел предпринять в замке.

– Этого уже никто не узнает, но, думаю, нам не стоит упускать такой шанс. – Жюст снова взглянул на приглашение.

Мысленно Дайон был с ним согласен. Ему точно не стоило упускать шанс проникнуть в замок, чтобы попасть в подземелье и, наконец, вернуться в свое время.

– ...Дайон...

Имя заставило герцога вынырнуть из своих мыслей:

– Что?

На секунду он испугался, что его раскрыли.

– Говорю, может нам удастся вытащить оттуда мальчишку.

Сердце забилося очень часто. Что, если действительно ему удастся спасти самого себя? Избежать еще нескольких месяцев заточения и издевательств...

– Тогда и Мэтью, выходит, погиб не зря, – продолжал Жюст, не замечая смятения собеседника.

Упоминание про Мэтью отрезвило. Со временем шутки плохи. Он попытался изменить ход событий – и вместо одного хорошего человека погибли двое. Дайон прекрасно помнил, что его освободили поздней осенью. И в замок тогда ворвался отряд Денизы. Значит, любая попытка освободить его сейчас обречена на провал. Дайон не мог, был не вправе взять на себя ответственность за гибель этих людей.

– Мэтью и так погиб не зря, – грубо оборвал он Жюста. – Что касается попытки освободить герцога, то думаете, лорд Маркус не предусмотрел эту возможность? Наверняка, герцог в очередной раз переведен в подземелье, а у его дверей выставлена такая охрана, что даже мышь не проскочит!

– Боюсь, ты прав, – с горечью признал наконец Жюст. – К балу они не могли не подготовиться серьезно.

Дайон встал и прошелся по палатке.

– Но в любом случае, вы правы, не стоит игнорировать приглашение, раз уж мы его получили. Это будет по меньшей мере невежливо по отношению к имениннику.

– Верно. Выразим свое почтение, а заодно постараемся раздобыть кое-какие документы. Это нам тоже чрезвычайно поможет.

– Вопрос, кто туда пойдет.

– Могу я, – герцог произнес это как можно более небрежно. – Я бывал в замке, при этом вряд ли кто-то из гостей лорда Маркуса со мной знаком.

– Возможно, но идти в одиночку опасно. Если что-то случится...

– Второе лицо, указанное в приглашении, – женщина, – иронично заметил Дайон. – И кому ты предлагаешь сыграть эту роль?

– Виоле.

– Что? – Дайон переменялся в лице. – Исключено!

– Почему же? Она умна, прекрасно воспитана и легко сыграет роль... – Жюст еще раз сверился с приглашением, – Ванессы фон Ами. К тому же мало кто заподозрит женщину в шпионаже.

Дайон хотел возразить, но промолчал, вспомнив, что то же самое говорил порой о Денизе. Как ни парадоксально, волнуясь за сестру, он тем не менее не опасался по-настоящему ее потерять. Ну разве что в тот момент, когда она всерьез увлеклась Ковентеджем. Тогда герцог внезапно почувствовал себя обманутым и лишним.

– Вот и славно, – подытожил Жюст, расценивая молчание собеседника как согласие. – Надеюсь, с костюмами проблем не будет.

Его слова оказались пророческими, причем в самом дурном смысле. Заказывать одежду для бала в городе было рискованно, а ехать куда-то еще времени не оставалось. И если Виола все-таки нашла в своем гардеробе подходящее платье, то Дайону пришлось несладко. Единственный более-менее подходящий костюм обнаружился у Анри, но герцог был гораздо шире в плечах, и камзол едва на него налез.

– Главное – поменьше шевелиться, – посоветовал Анри, критически рассматривая приятеля.

– И не дышать, – мрачно бросил Дайон. Словно в подтверждение его слов раздался треск ткани.

– Говорить тоже, по всей видимости, не стоит, – подхватила Виола, которую Анри позвал, как только Дайон оделся.

Герцог хмуро посмотрел на девушку:

– Интересно, как вы будете объяснять мою молчаливость остальным?

– В детстве вы перенесли тяжелую травму и онемели? – предложила она.

От возмущения у Дайона перехватило дыхание. Пытаясь компенсировать нехватку воздуха, он вдохнул поглубже, и... Предательский треск возвестил, что камзол все-таки не выдержал и распозлся по швам. Бросив еще один мрачный взгляд в сторону Виолы, герцог стиснул зубы, чтобы не сказать все, что вертелось у него в голове.

Словно прочитав его мысли, девушка улыбнулась и укоризненно покачала головой. Она подошла и взялась за край злополучного камзола.

– А крепко сшит, – с уважением произнесла она. – Шов почти не разошелся. И если вы не будете делать резких движений...

– Резких движений? – возмутился Дайон. – Виола, мы едем на бал! Это означает, что мы будем много ходить, танцевать, дышать, в

конце концов! Я не могу изображать памятник!

– Вам и не придется. – Девушка еще раз внимательно осмотрела злополучный предмет гардероба. – Если расставить вот здесь и здесь, он станет ощутимо шире. А мы скажем, что это – новая мода из Лексонии.

– Это может сработать, – нехотя признал Дайон. – Вот только кто сможет его перешить?

– Сразу видно, что у вас нет сестры!

– С чего вы взяли?

– С того, что тогда вы бы не задавали подобных вопросов, – назидательно произнесла Виола. – Всех девушек в детстве учат шить!

– Неужели?

В памяти всплыла Дениза, метающая кинжалы.

Интересно, как бы отреагировала сестра на слова Виолы. Скорее всего, рассмеялась бы. Хотя... кажется, в детстве Дайон пару раз видел ее за пяльцами, вышивающей огромную рыжую собаку и цыплят. Правда, вместо собаки у Денизы получалось существо, больше похожее на корову, а желтизна птенцов скорее наводила на мысль об абстрактном сиянии...

– Ты же клялась, что никогда больше не возьмешь в руки иголку с ниткой? – вмешался Анри.

– Иногда обстоятельства складываются так, что клятвы приходится нарушать, – поучительно произнесла девушка и снова повернулась к Дайону. – Так что, вы согласны?

Герцог пожал плечами, насколько это позволил камзол, и пробурчал:

– Делайте что хотите.

Глава 16

Виола действительно сумела вшить в швы тесьму, и камзол сидел пусть не как влитой, но весьма терпимо. На всякий случай Дайон несколько раз глубоко вздохнул и выдохнул.

Карета ждала их у дороги. На козлах, изображая кучера, устроился Верт, Анри же досталась роль лакея.

Дайон лично настоял на их кандидатурах: ему не хотелось оставлять Виолу одну, когда он уйдет через портал.

«Если», – ехидно поправил внутренний голос, и герцог нахмурился, приказывая ему замолчать. Не хватало еще остаться в этом времени навсегда.

– Виола, вы готовы? – спросил он, приблизившись к палатке девушки.

– Да, конечно.

Она вышла. Дайон замер, внезапно понимая, что, кажется, он не против остаться в этом времени навсегда. При условии, что эта красавица, смущенно потупившая взгляд, будет рядом с ним.

Голубой шелк струился мягкими складками, подчеркивая фигуру. Глубокий вырез приоткрывал грудь, и Дайон с трудом нашел в себе силы отвести взгляд. Волосы девушки были собраны в замысловатую прическу, и оставалось только гадать, как ей удалось соорудить ее в полевых условиях. Мелькнула мысль, что герцогская корона вполне могла бы завершить наряд. Дайон тряхнул головой, прогоняя подобные мысли. Один раз он уже пытался изменить историю и только погубил Мэтью. Второго промаха он не допустит.

– Вы готовы?

Он галантно подал ей руку.

– Одну минуту. – Виола поспешила накинуть на плечи бархатный плащ. – Теперь готова. Пойдемте!

Она оперлась на его ладонь. Осторожно, стараясь следить за тем, чтобы девушка не споткнулась о корягу, герцог повел ее по тропинке.

До дороги они дошли быстро. Обшарпанная карета, явно выдавшая лучшую жизнь, ждала их в назначенном месте. Лошади по виду были немногим лучше самого экипажа. Они стояли, повесив

головы, и всем своим видом демонстрировали неодобрение предстоящей авантюры. Дайон недовольно поджал губы, но промолчал.

Анри распахнул дверцу:

– Прошу, господа!

Дайон вытянул руку, помогая Виоле подняться в карету. Потом запрыгнул сам, дверца захлопнулась, Анри, словно заправский лакей, вскочил на запятки.

– Трогай!

Хлыст защелкал в воздухе.

– Но, пошли! Вперед!

Экипаж очень медленно тронулся с места.

– Почему мне кажется, что эти клячи на стороне наших врагов? – пробормотал Дайон, глядя в окно. Судя по скорости, лошади просто перебирали ногами на месте.

– Потому что вы слишком торопитесь, – Виола откинула капюшон и внимательно посмотрела на него. – Что вы скрываете, Йонатан?

– Я? – Дайон натянуто улыбнулся. – Почти ничего.

– Почти... – она отвернулась и посмотрела в окно, за которым медленно проплывали кусты и еще медленнее – деревья.

Герцог вздохнул.

– Ладно, мне все равно пришлось бы сказать вам это...

– Вы все-таки женаты...

– Что? Нет! – Он покачал головой. – Просто... скорее всего, Виола обратно в лагерь вы вернетесь без меня.

– Откуда такие мрачные мысли? Вы что, собираетесь сдать? Или геройски погибнуть? – испугалась она. – Надо остановить карету!

– Не надо. – Он положил свою руку поверх ее, успокаивая. – Я не собираюсь сдаваться. Просто я... видите ли, я обязательно должен вернуться домой. И как можно скорее. Я сказал вам не всю правду. Я не граф, я правлю одним из герцогств. И, как вы понимаете, сейчас должен быть со своими подданными.

– Да, конечно. – Виола смотрела на него внимательно, но не сказать, чтобы удивленно. – Но как это связано с сегодняшним балом?

– Портал, которым я перенесся сюда, находится в замке. Там есть туннель, он выходит недалеко от того места, где мы встретились.

– Вот почему вы там оказались?

– Да, я и сам не ожидал подобного.

– А теперь собираетесь вернуться тем же путем. Все ясно. – Она отвернулась к окну. – Полагаю, объясняться перед Жюстом придется мне? Вполне по-мужски!

– Виола! – с укором воскликнул Дайон. – Да поймите, я просто не могу остаться!

– Я же сказала, что понимаю вас, и давайте больше не будем об этом.

Она резко задернула занавеску на окошке. Дайон пожал плечами и прикрыл глаза. Оставшийся путь они проделали в гробовом молчании.

Стук колес по брусчатке возвестил, что они въехали во двор замка. Экипаж остановился. Дождавшись, пока Анри откроет дверцу, Дайон вышел и протянул руку Виоле. Она бросила на него мрачный взгляд, но сразу же ослепительно улыбнулась и чинно спустилась на землю.

– Трогай!

Герцог пнул локтем нахмурившегося Анри, которого не обманула улыбка кузины. Тот вздрогнул и быстро вскочил на запятки. Карета двинулась с места, а ее место занял следующий экипаж.

Дайон тем временем повел девушку в замок. Несмотря на внешнее спокойствие, сердце готово было выскочить из груди, а желудок скрутило от волнения. Виола, несомненно, беспокоилась не меньше. Тем не менее оба они с невозмутимым видом и идеально ровными спинами прошествовали по лестнице в зал, откуда доносились шум голосов и музыка.

В глазах привычно запестрило от разноцветных тканей и золотой вышивки. Драгоценные камни украшений переливались в свете свечей, а у окон стояли огромные вазы с цветами.

Сам виновник торжества еще не вышел к гостям. Не выпуская руку Виолы из своей, Дайон умело влился в толпу, стараясь при этом вести себя так, чтобы не привлекать излишнего внимания.

Ему казалось, что он попал на бал мертвецов. Полузабытые лица всплывали в памяти. Большинство из них были уже мертвы. Кто-то в ссылке, кто-то в бою, иным герцог лично подписывал смертные приговоры. Теперь же они окружали его, смеялись и с нетерпением ожидали начала праздника.

– Ну когда уже он появится! Так хочется танцевать! – восклицала томная белокурая красавица, в которой Дайон узнал Шарлотту де Блуа,

фаворитку лорда Маркуса. Еще в начале смуты ее отец, будучи советником герцога Левансийского, перешел на сторону узурпатора. Он был убит при штурме замка, а дочь сослана в монастырь, где впоследствии приняла постриг.

– Она красивая. – Голос Виолы заставил его вынырнуть из раздумий.

– Кто?

– Шарлотта де Блуа, вы же на нее так пристально смотрите!

– Глупости, – фыркнул герцог.

Он хотел добавить, что блондинки вообще не в его вкусе, но внезапно заигравшие фанфары не позволили продолжить. Гости расступились, и лорд Маркус вошел в зал. Стиснув зубы, Дайон заставил себя согнуться в поклоне. Пока узурпатор торжественно шел к стоявшему на возвышении креслу, герцог внимательно изучал его.

Зрелище было не слишком впечатляющим: он видел перед собой невысокого, склонного к полноте мужчину с залысинами на лбу. На рынке мимо такого пройдешь и не заметишь. А вот второго, того, кто шел на шаг позади, Дайон никогда бы не пропустил. Именно этот человек до сих пор являлся ему в кошмарах, его вкрадчивый голос заставлял просыпаться в холодном поту и потом долго ворочаться в кровати. Правая рука и фактический правитель Левансии, доверенное лицо главы мятежников и просто редкостный мерзавец ле Бриенн.

Он словно тень следовал за лордом Маркусом, цепкий взгляд скользил по гостям, которые приветствовали именинника поклонами и реверансами, словно тот был законным правителем Левансии. Дайон сжал кулаки, борясь с желанием метнуть нож в ненавистные фигуры. Он прекрасно понимал, что даже если это сделает, то не выйдет из зала живым, а значит, лорд Маркус все-таки победит.

К тому же была еще и Виола. Дайон не сомневался, что найдутся те, кто вспомнит, что они пришли вместе. Что будет с девушкой после того, как его убьют, он не хотел даже думать. Поэтому пришлось поклониться еще ниже, чтобы бдительный ле Бриенн не смог заметить ненавидящего взгляда гостя.

Лорд Маркус занял трон, полюбовался склоненными головами и подал присутствующим знак, позволяя выпрямиться.

– Рад приветствовать вас здесь, господа! И, конечно же, дамы!

Он снисходительно кивнул Шарлотте де Блуа, получил в ответ улыбку и взгляд, полный обожания. Герцог сильнее стиснул зубы. В этот момент он жалел, что мягко обошелся с дочерью предателя, считая, что она действовала по велению отца. Но нет, Шарлотта искренне наслаждалась своей ролью.

– Вы опять смотрите на нее, – невинно заметила Виола. – Хотя, думаю, иначе и быть не могло.

– Отчего же?

Заиграла музыка, и Дайон церемонно поклонился, приглашая Виолу на танец. Она вложила руку в его ладонь.

– Вы именно к ней отправились через портал. Ведь это она – ваша любовница?

– Что? – от изумления герцог остановился, вызвав неудовольствие тех, кто следовал за ним и Виолой: все хотели стать поближе к лорду Маркусу и его фаворитке.

Дайон, напротив, предпочел бы избежать подобной близости, поэтому безропотно замкнул ряд танцующих. Виола возражать не стала, прекрасно понимая, что им не стоит привлекать к себе внимание.

Первым танцем оказался полонез. Он был очень торжественным и изобилует фигурами, которые Дайон с трудом помнил, слишком уж давно этот танец вышел из моды. Виола тоже не горела желанием продолжать разговор, и некоторое время они молча двигались в такт музыке. Наконец полонез закончился, но не успел герцог сказать и слова, как его спутницу пригласили на следующий танец. Поспешное согласие вызвало понимающую и не самую радостную улыбку, но возражать Дайон не стал. Кивнув, он отошел к окну, внимательно оценивая обстановку. Заметив, что лорд Маркус все еще в кругу танцующих, герцог усмехнулся – кто бы мог предположить, что его лютей враг настолько любит развлечения? Или всему виной белокурая красавица, капризно надувающая губки?

– Вижу, вы тоже не любитель этих нелепых телодвижений, – знакомый вкрадчивый голос заставил вздрогнуть.

Дайон резко обернулся и встретился взглядом с тем, кто до сих пор приходил к нему в кошмарах.

Астор ле Бриенн, главный советник лорда Маркуса. Тот человек, который лично приходил в камеру к четырнадцати-, пятнадцати- и

шестнадцатилетнему герцогу, чтобы потребовать подпись на очередном документе. Человек, не терпевший отказов и с удовольствием за них каравший. Убивая на глазах юного л'Эстре преданных ему людей. Применяя (правда, всего дважды) особые средства убеждения. А потом подчеркнуто вежливо протягивая бумаги на подпись.

Дайон знал, что этот человек давно мертв, но кривая времени прочертила невообразимую петлю, и теперь герцогу довелось встретиться с главным кошмаром из своих снов. В животе неприятно тянуло, сердцебиение участилось. В нос ударил знакомый запах цитрусовых – ле Бриенн всегда использовал эту туалетную воду.

Дайон стиснул зубы, борясь с тошнотой, подкатившей к горлу. Хотелось протянуть руки и схватить мучителя за горло, а потом долго и медленно душить, наслаждаясь каждым хрипом. Он с трудом прогнал из головы эти мысли. Во-первых, в зале было слишком много людей, готовых вмешаться, и герцог бы просто выдал себя и Виолу, а во-вторых, Дайон знал, что ле Бриенн должен в скором времени погибнуть. Герцог уже получил горький урок и не собирался больше экспериментировать, пытаясь изменить историю.

Последний аргумент оказался решающим, и Дайон постарался взять себя в руки. Сейчас он – гость в замке, и вряд ли ле Бриенн заподозрит в случайном собеседнике резко повзрослевшего герцога Левансийского.

– Вы правы, я не поклонник балов, – подтвердил Дайон, заметив, что от него все еще ждут ответа.

– А ваша супруга?

– Ванесса? Как и все женщины. – Герцог снисходительно пожал плечами.

– Она молодо выглядит... по сравнению с вами.

– Да, совсем юная. – Дайон холодно улыбнулся. – Всегда осуждал браки с большой разницей в возрасте, а сам...

– Так часто бывает.

– Верно. Прошу прощения.

Танец как раз закончился, и Дайон воспользовался этим, чтобы ретироваться. Пока он шел по залу, то чувствовал, как пронзительный взгляд ле Бриенн буравит спину. Это заставило его расправить плечи.

– Что с вами, вы побледнели, словно увидели привидение, – взглянула на герцога Виола.

– Всего лишь старого знакомого.

– Астора ле Бриенна? Вы знакомы? – Девушка изумленно распахнула глаза.

– Крайне поверхностно. Несколько лет назад встречались при дворе. – Герцог почти не погрешил против истины. – Но он даже меня не вспомнил.

– Тем не менее вы разговаривали.

– Да, он поинтересовался, люблю ли я балы, и я ответил, что нет. Ну же, Виола, если бы я хотел заманить вас в ловушку, то вряд ли стал бы болтать с ле Бриенном у всех на виду. Впрочем, если вы опасаетесь...

– Я ничего, как вы изволили выразиться, не «опасаюсь»! – вспыхнула девушка. – И давайте, наконец, приступим к делу.

Музыканты на галерее снова заиграли, на этот раз вольту. Пожилые матроны недовольно поморщились: этот танец считался слишком фривольным. Те, кто помоложе, напротив, с радостью разбились по парам. Дайон подхватил Виолу под руку, выводя в центр зала.

– Думаю, от еще одного танца не убудет?

– Мы привлечем ненужное внимание, – пробурчала Виола, но было видно, что ей очень хочется танцевать.

– Наоборот, притупим бдительность шпионов лорда Маркуса. – Дайон предпочел не называть вслух имя советника узурпатора. – Наверняка они бродят в толпе.

– И составляют список неблагонадежных гостей, исходя из танцевальных предпочтений? – фыркнула девушка, обходя партнера в танце.

– В том числе, – кивнул он, подхватывая ее за талию.

Шаг, поворот, вращение рука об руку и снова подхватить партнершу – незамысловатый танец позволял парам сблизиться, за что и был презираем старшим поколением. Дайон никогда не танцевал вольту, хотя прекрасно знал фигуры. Слишком уж интимным был этот танец. Но сейчас герцог был благодарен тому, кто принял решение его исполнить.

Осознание того, что он скоро уйдет, оставив Виолу в этом времени, наполняло сердце грустью. Пусть хотя бы этот танец останется, как воспоминание о них двоих.

Музыка оборвалась так же резко, как и началась. Танцующие замерли, и через миг разошлись по залу, беседуя еще более оживленно.

– Пора! – Дайон потянул девушку за собой.

Они прошли галерею и, улучшив момент, юркнули в дверь, отделявшую парадные залы от личных покоев хозяина замка. Странно, но стражников, которые охраняли бы вход, не было видно. Дайон насторожился: лорд Маркус, а вернее, Астор ле Бриенн, были не из тех, кто пренебрегает элементарными правилами безопасности. Причина обнаружилась чуть дальше в креслах у окна, в которых, сдвинув каски на лицо, спали охранники. Судя по всему, они решили отпраздновать день рождения хозяина по-своему. Или же в вино что-то подмешали... вспомнился хитрый вид Анри, когда он вспрыгивал на запятки кареты. А ведь лакеи всегда проводили время на кухне, пока господа танцевали на балу. Осторожно, чтобы не потревожить спящих, Дайон обогнул кресла и направился к кабинету.

– Подождите здесь, – велел он Виоле, не желая объяснять, откуда знает все тайники, скрытые в стенах.

– Но...

– Просто подождите.

Не дожидаясь ответа, герцог вошел в кабинет и огляделся. Ненавистный запах цитрусовых витал и здесь. Стараясь не вдыхать глубоко, Дайон откинул гобелен и открыл тайник.

Он быстро просмотрел документы, отбирая то, что представлялось наиболее важным. Взгляд вскоре упал на список имен, с пометками, сделанными мелким, но аккуратным почерком. Два основных столбца: фамилии и адреса, большая часть из которых была перечеркнута. Поколебавшись, Дайон сложил список вдвое и засунул за голенище сапога.

Вернув ненужные бумаги на место (если повезет, благодаря этому пропажу обнаружат не сразу), он задвинул камень на место, оправил гобелен и поспешил выйти. Виола ждала у дверей, нетерпеливо притоптывая ногой.

– Ну что? – кинулась она к герцогу.

– Тише, – предупредил он вполголоса. – Все в порядке.

Все так же бесшумно они прокрались мимо стражников и выскользнули в галерею.

– Ступайте в бальный зал, – распорядился Дайон, убедившись, что никто не видел, откуда они вышли.

– А вы? – насторожилась девушка.

– Найду Анри и передам ему бумаги.

– А потом?

Она напряженно всматривалась в его лицо. Дайон улыбнулся.

– Я вернусь, чтобы попрощаться, – пообещал он.

Лицо Виолы превратилось в маску.

– Уверю, в этом нет необходимости, – холодно отозвалась она.

– Но я все равно вернусь. А теперь давайте завершим начатое. Пропажы могут хватиться, и тогда под подозрением окажутся все гости.

– Да, конечно, – упоминание о причине их визита в замок заставило Виолу забыть о личных обидах.

Изогнув губы в улыбке, она направилась в зал, из дверей которого доносился шум голосов и звуки музыки.

Дайон неспешно направился к лестнице. Спустившись, он громко потребовал своего лакея. Антри появился почти сразу. На ходу застегивая ливрею, он вопросительно взглянул на герцога.

– Вы один?

– Да, госпожа фон Ами танцует на балу, но скоро захочет уехать, готовь карету! – приказал Дайон, отводя мнимого слугу к окну. Массивные пилястры защищали их от любопытных взглядов стражников, несших караул у дверей. Убедившись, что за ними не наблюдают, Дайон громко произнес несколько ничего не значащих фраз, делая вид, будто отчитывает слугу за излишнее любопытство и нерасторопность. Документы тем временем перекочевали за пазуху Анри. Еще раз напомнив про карету, Дайон направился обратно в бальный зал.

Кивнул выходящей оттуда паре и поискал взглядом Виолу. Девушки нигде не было. Нахмурившись, герцог еще раз внимательно всмотрелся в лица присутствующих в надежде, что просто не заметил спутницу среди многочисленных гостей. Но нет, Виолы не было в зале.

Сердце сжала тревога. Стараясь сохранять спокойный вид, он подошел к лакею, разносившему вино и поинтересовался, не видел ли

тот его жену. Слуга помотал головой и поспешил дальше. Осторожные расспросы ничего не дали. Слуги пожимали плечами и отворачивались, пряча улыбки: эка невидаль, муж потерял жену на балу. Наверняка хорошенькой женщине просто захотелось развлечься с любовником, и она скоро появится в зале, немного растрепанная, но довольная.

Наконец, потеряв терпение, Дайон вышел к дверям, откуда слуги выносили вино и закуски. Улучив момент, он схватил одного из лакеев, щуплого мальчишку, который больше всего смеялся над ним в бальном зале, и, затолкав в небольшую нишу, прижал к стене:

– Где она?

Поднос полетел на пол и упал бы, не испепели его герцог при помощи магического шара. Лакей побледнел, прекрасно понимая, что он – следующий на очереди.

– Я... я не знаю, – пролепетал он.

– Врешь. – На пальцах заплясали искры.

В эту минуту Дайон почти ненавидел себя, понимая, что уподобляется ле Бриенну, но на кону стояла жизнь Виолы, и выхода не было.

– Где. Моя. Жена?

– Я действительно не знаю, где госпожа фон Ами, – взмолился парень, не сводя взгляда с руки разъяренного мужчины. – Я просто видел, как она уходила...

– Куда и с кем?

– С... господином ле Бриенном... Я, честное слово, не знаю, куда!

При упоминании этого имени Дайон побледнел. Слуга испуганно вжался в стену.

– Молодец, – похвалил герцог, выпуская парня, но, стоило тому отвернуться, нанес удар. Лакей закатил глаза и обмяк.

Дайон быстро снял с него чулки, чтобы связать руки и ноги, а в рот запихнул платок. Благо лакей тоже носил его с собой. Теперь парень не поднимет тревогу прежде времени. Покончив со слугой, он кинулся к лестнице, молясь, чтобы не было слишком поздно.

Глава 17

Вернувшись в бальный зал, Виола неспешно прохаживалась мимо беседующих пар и громко смеющихся компаний: беспокойное состояние не позволяло долго оставаться на одном месте. Можно даже сказать, что появление дружелюбно улыбающегося ле Бриенна имело свои преимущества: оно отвлекло девушку от тревожных мыслей. Тем не менее Виола многое бы отдала, чтобы главный советник лорда Маркуса выбрал для флирта кого-нибудь другого. Увы, от нее в данном случае ничего не зависело.

– Такая милая леди скучает?

– Немного, – вынужденно улыбнулась Виола. – Супруг встретил кого-то из знакомых, а мне совсем неинтересны их разговоры.

Она покрутила головой, делая вид, что высматривает «супруга» среди гостей и вот-вот его разыщет.

– Как неосмотрительно с его стороны! – рассмеялся ле Бриенн. – Впрочем, для меня это только плюс. Вы же не откажете мне в танце? Обещаю потом возратить вас супругу в целости и сохранности.

Виола колебалась, но, не найдя причин для отказа, подала руку советнику. Они направились подальше от беседующих и потягивающих вино гостей и присоединились к танцующим парам.

– Как вам нравится бал? – осведомился партнер, когда они немного приноровились к движениям друг друга. – Надеюсь, вы не все это время скучали?

– Ну что вы! Подобные праздники – это так освежающе. Мы очень редко куда-то выезжаем в последнее время. Все из-за этих ваших мужских войн. – Виола так правдоподобно поджала губки, что ей стало самой от себя противно. – Сидеть дома ужасно скучно.

– Поверьте, мы любим войны не больше вашего, – галантно заверил ле Бриенн. – Мы хотим мира и только мира. Но ради этого, увы, иногда приходится братья за оружие.

Виола слегка повела плечиком, дескать, не знаю, вам виднее, да и вообще мне эта тема не слишком интересна.

– Будем надеяться, что такие празднества будут случаться почаще, – примирительно улыбнулась она.

– Непременно передам ваше пожелание лорду Маркусу, – пообещал советник.

Дальше они танцевали молча, но, когда музыка стихла, ле Бриенну помахал рукой какой-то мужчина, тот улыбнулся в ответ, и вскоре они оказались в обществе еще одной пары. Как выяснилось, это были молодожены, граф и графиня Сельен. Поддерживать малозначащую светскую беседу оказалось совсем несложно. Виола опасалась, что слегка подутратила навык за время Смуты и жизни в лагере, но оказалось, что манеры – это как умение плавать: окажись в нужной среде – и они сразу же вернутся.

– Гобелены здесь, конечно, хороши, но это – вчерашний день, – увлеченно вещал молодой граф. – Сейчас в моду входят гравюры. Очень интересный вид искусства. Месяц назад мы приобрели по случаю два экземпляра.

– Здесь тоже есть гравюры, – заступился за хозяина замка ле Бриенн. – Только не в этом зале, – улыбнулся он, заметив, как закрутили головами собеседники. – Под эту коллекцию отведена отдельная комната на втором этаже.

– А мы могли бы туда заглянуть? – с надеждой осведомился граф.

– Да-да, хотя бы одним глазком! – взмолилась графиня.

– Не думаю, что лорд Маркус стал бы возражать, – откликнулся ле Бриенн. – Пойдемте, я провожу вас.

– А я, пожалуй, останусь здесь, – ухватилась за такую возможность Виола. – Было очень приятно познакомиться, господа.

– О нет! Умоляю, не бросайте меня! – буквально вцепилась ей в локоть графиня. – Не оставляйте меня наедине с мужчинами, это будет так скучно!

– Дорогая, вы несправедливы, – попенял ей муж.

– Я вас отлично знаю, – отмахнулась графиня. – Дорогая Ванесса, пойдемте с нами, это совсем ненадолго.

– Я просто боюсь, что меня станет искать муж, – попыталась отговориться девушка.

И где его только носит, этого Йонатана!

– Сказать по правде, там всего пять гравюр, – признался ле Бриенн. – Так что мы действительно скоро вернемся. Если супруг не хватился вас до сих пор, не думаю, что лишние десять минут что-то изменят.

Ему явно доставило удовольствие бросить камень в огород мужа понравившейся дамы.

– Ну хорошо, – сдалась Виола, не желая устраивать сцену и тем самым привлечь к себе ненужное внимание.

Если бы Дайон был в зале, он бы сказал, что никакой «комнаты гравюр» в замке не было ни в Смутные времена, ни позже. Но, увы, в этот момент герцог как раз заканчивал разбираться со своим заданием. Компания добралась до комнаты, лакею было приказано отпереть замок, а ле Бриенн развлекал гостей забавной историей, приключившейся на предыдущем балу. Виола даже не заметила, в какой момент граф и графиня исчезли из поля ее зрения, словно растворились в воздухе. И после ухода слуги они с советником остались один на один.

До недавнего времени исключительно вежливый и куртуазный, он неожиданно резко затолкнул ее в комнату и захлопнул крайне тяжелую и, несомненно, прочную дверь. Быстро задвинул щеколду, и теперь, оценив гостью взглядом, неспешно двинулся ей навстречу. Виола инстинктивно отступала. Уперевшись спиной в книжные полки, шагнула в сторону. И ни на секунду не отрывала взгляда от ле Бриенна, хорошо понимая, что находится полностью в его власти. Даже если он ее не раскрыл (что было весьма маловероятно), на добрые намерения рассчитывать не приходилось. При этом никто, включая Йонатана, не знал, где ее искать. Место было слишком удаленным, шум и веселье приема остались в другой части замка. И стены здесь были добротные, вряд ли пропускающие звук. Иными словами – Виола лизнула пересохшие от волнения губы – случись что, ни один человек ее не услышит, а Йонатан просто не сумеет ее разыскать.

– Ну что, доигрались, леди? – ле Бриенн, чрезвычайно довольный собой, явно получал удовольствие от происходящего. Ему нравилось чувствовать себя победителем и нравилось общаться с людьми с позиции силы. – Выкладывайте, кто вы такая и с какой целью проникли в замок под ложным именем.

– Вы говорите ерунду, – взяла себя в руки Виола. – Какое ложное имя? Я – леди Ванесса фон Ами. Как еще, по-вашему, мне следовало себя назвать?

– Например, лгуньей, – предложил ле Бриенн.

– Вы отдадите себе отчет, насколько недопустимо ваше поведение?

Виола перешла в нападение, сочтя, что в сложившихся обстоятельствах оно будет лучшей защитой.

– Боюсь, это вы не отдаете себе отчета в том, как изменилось ваше положение. Один из моих друзей знаком, к вашему несчастью, с настоящей Ванессой фон Ами. Она старше вас лет на десять, заметно выше ростом и говорит с сильным южным акцентом. Нет, вы – совсем другой человек. И вне всяких сомнений пришли сюда с дурными намерениями. Я же отвечаю за безопасность нашего герцогства и непосредственно этого замка, так что нам с вами придется долго беседовать.

Он снова шагнул в ее направлении, и Виола опять попыталась отступить, вот только, увы, места для маневра больше не оставалось.

– Расскажите, зачем вы здесь. Какое получили задание? На что конкретно рассчитывали люди, отправившие вас сюда? Чем больше вы добровольно расскажете, тем лучше будете себя чувствовать к концу нашей беседы. Поверьте, способов вытянуть из вас правду у нас предостаточно, и некоторые из них я собираюсь показать вам сегодня лично.

– Вы не смеете! – Виола огляделась, ища пути к бегству. Увы, насколько девушка могла судить, их не было. – Ваш друг перепутал. Я – Ванесса фон Ами!

– Вы – женщина, вступившая в мужскую игру, – отрезал ле Бриенн. – Вместо того чтобы сидеть дома, вышивать крестиком и делать что вам велят. Очень глупое решение. И прекратите сжимать в руке заколку для волос, это смешотворно.

Виола опустила быстрый взгляд на свой кулак, упрямо поджала губы. Расставаться с единственным острым предметом, оказавшимся в пределах досягаемости, она не желала.

Ле Бриенн подошел к ней почти вплотную, схватил за руку и с силой сдавил кисть. Заколка с жалобным звоном упала на пол. Но советник не отпускал. Заведя руку девушке за спину, сдавил еще сильнее. Виола, не выдержав, вскрикнула от боли: казалось, ле Бриенн сломал ей палец.

– Нас ждет весьма увлекательный разговор, – пообещал он, на этот раз схватив ее за волосы.

– Нас с вами тоже, – раздался подчеркнуто спокойный мужской голос со стороны двери.

Не стоило лгать самому себе: Дайон боялся. До самого последнего момента, даже ввязавшись в опасную авантюру с посещением замка, он надеялся избежать встречи лицом к лицу с самым жутким призраком из своего прошлого. Но он не остановился, не замедлил шага, а, услышав женский крик, не колеблясь пробил дверь огненным шаром.

Ле Бриенн развернулся к нему, отшвырнул Виолу на пол и выпрямился, широко расставив ноги.

– А вот и второй шпион, – процедил он, окинув Дайона жестким взглядом с головы до ног. – Напрасно вы сюда пришли. Могли бы и сбежать, пока не поздно.

– Не имею такой привычки.

– Похвально, но глупо. В некоторых обстоятельствах бегство спасает жизнь.

– Учту. Странно, что вы не посоветовали мне этого при наших прошлых встречах.

– Мы знакомы? – удивился ле Бриенн.

– Не узнаете?

Советник нахмурился.

– Есть что-то узнаваемое. Но смутно.

– Времена сейчас такие, *смутные*, – развел руками Дайон.

Удивительно, но страх прошел, уступив место чувству отвращения. Сейчас ле Бриенн выглядел не так, как десять лет назад, сколь бы парадоксально это ни звучало. Он не был ни призраком, ни мучителем, ни образом из кошмаров. Просто человеком с паршивой душонкой, вообразившим себя вершителем судеб. Он даже ростом, казалось, стал ниже, чем прежде. Дайон никак не мог понять почему. То ли герцог вырос с тех пор, то ли, стоя с противником лицом к лицу, воспринимал его иначе, чем сидя на стуле со связанными за спиной руками.

– Приступим к беседе? – полюбопытствовал он. Извлекать меч из ножен не пришлось: он сделал это, прежде чем войти в комнату. – У меня, знаете ли, масса дел.

– Приступим, – не стал возражать ле Бриенн.

Они медленно закружили по помещению, присматриваясь друг к другу, выжидая, кто нанесет первый удар. Наконец Дайон сделал выпад. Клинки встретились, приветственно зазвенев. Затем еще раз и

еще. Настоящее сражение пока не началось, противники просто изучали друг друга, вычисляя сильные и слабые стороны.

У Дайона имелись серьезные опасения касательно исхода поединка. Он понимал, что перед ним серьезный противник, но знал и другое: лучше погибнуть вот так, сражаясь, чем отступить и до конца жизни чувствовать себя рабом этого человека. За свободу можно отдать многое. Даже если это – свобода от призраков. К тому же у него были причины надеяться на хороший исход...

Еще один удар и еще. При интенсивной атаке у ле Бриенна слегка страдала концентрация. Да и физически он хоть ненамного, но уступал герцогу. Мифы прошлого развеялись окончательно.

– Похоже, вы не привыкли иметь дело со взрослыми мужчинами, – бросил Дайон во время короткого перерыва, видя, как тяжело дышит противник. – Предпочитаете женщин и детей?

– Кто вы такой, чтобы позволять себе подобные высказывания?

– Имя, которым меня называют, мало о чем вам скажет, – усмехнулся герцог. – Считайте, что я – возмездие, завещанное временем.

Он снова перешел в наступление. Движения стали быстрыми. Виола, едва оправившаяся от удара головой, полученного, когда ле Бриенн швырнул ее на пол, следила за ходом поединка с немалым трудом. Вот Йонатан заставил противника отступить. Вот он вынужден отступить сам под неожиданно жестким напором. Ле Бриенну удалось выбить из его руки меч, и девушка невольно вскрикнула от испуга, но ее защитник быстро подхватил оружие и принял оборонительную позицию. Настал его черед перейти в наступление. Один удар, другой, третий, ложный маневр – и меч вонзился в плоть ле Бриенна немного ниже шеи.

Советник замер, не падая лишь оттого, что со спины его поддерживала стена, а сбоку – высокое бюро. Схватился за гардину, оставляя на ткани красные разводы. Попытался что-то сказать, но изо рта лишь выплеснулась темная кровь.

– Кто ты такой? – прохрипел он с трудом.

Дайон приблизился, не выпуская из руки меч.

– Все еще не узнаешь?

Несмотря на боль и ускользящую жизнь глаза советника расширились в удивлении.

– Не может быть, – пробормотал он.

– Может, – заверил Дайон, прежде чем пронзить грудь противника насквозь, окончательно прерывая его мучения.

Астор ле Бриенн, главный советник лорда Маркуса, остался неподвижно лежать на полу.

– Как вы?

Дайон подбежал к Виоле и помог ей подняться.

– Хорошо. Нормально, – поправила сама себя девушка. Она пошатнулась, и Дайон бережно ее придержал. – Немного закружилась голова, только и всего. Пройдет.

– Простите, что не пришел раньше.

– Все в порядке. Мы всего лишь немного поговорили. Мне казалось, что палец сломан, – пожаловалась она, вертя перед глазами кистью правой руки. – Но я, должно быть, сгустила краски. А вы пришли как нельзя кстати. Даже не представляю, как вам это удалось. Я думала, вы никогда меня не найдете в этом огромном замке.

– У меня был способ, – уклончиво ответил Дайон.

Он просто знал, в какой именно комнате ле Бриенн был найден мертвым девять лет назад.

– Виола, вы можете идти? Давайте я помогу. Надо выбраться из замка как можно скорее, пока они не обнаружили тело и не подняли тревогу.

Покидая комнату, он на миг обернулся и бросил взгляд на распростертое тело. Правосудие свершилось, но он не чувствовал ликования по этому поводу.

– Йонатан... – Виола тронула герцога за руку. – Нам лучше уйти.

– Конечно.

Они закрыли за собой дверь, задержались у зеркала, приводя себя в порядок, и возвратились в шумную часть замка, где продолжался прием. Как ни в чем не бывало спустились по лестнице и беспрепятственно вышли на крыльцо, где их поджидала карета. Виола подобрала пышные юбки, освобождая место для Дайона, но, в ответ на ее выжидательный взгляд, он отрицательно покачал головой.

– Вы не поедете, – тяжело вздохнула Виола.

– Вы же знаете, что я должен...

– Да.

Широко распахнутые глаза неотрывно следили за каждым его жестом, не позволяя ни солгать, ни уйти от ответа, и герцог почувствовал себя последним мерзавцем. Тем более он только сейчас осознал, сколь многим готов пожертвовать, лишь бы не покидать эту женщину, чуть-чуть эксцентричную, немного взбалмошную, но такую верную, самоотверженную и тонко чувствующую.

– У меня нет выбора, Виола. – Слова давались с огромным трудом. И то отчаяние, с которым она вскинула голову, ничуть не помогало. – Я обязан вернуться.

Она не спорила, не упрекала, не сердилась, только спросила:

– Значит, вы уйдете, и мы никогда больше не увидимся?

Дайон был вынужден отвести взгляд.

– Вы же знаете, что долг любого правителя – защищать свои земли... и свой народ. Я старался быть здесь полезным. Для меня было честью сотрудничать с Жюстом. И, – на этот раз он не прятал глаза, – это были самые счастливые недели моей жизни.

Герцог осторожно коснулся пальцев Виолы и нежно их сжал.

– Но каковы бы ни были мои желания, я скован обязательствами перед своей родиной. Я очень нужен там, откуда внезапно пропал без всяких объяснений, в силу не зависивших от меня обстоятельств... Простите меня, Виола. Я должен уйти.

Она молчала, но не отдергивала руки.

– Вы правы, – сказала она наконец. – Это ваш долг. И если дорога домой лежит для вас через замок, не колеблитесь! Идите и сделайте то, что должны. Я надеюсь, вам будет сопутствовать удача.

– Спасибо, Виола. – Быть может, дальнейшего не стоило говорить, но он не сдержался. – Встреча с вами была самым лучшим, что случилось со мной за эти недели... и не только за эти недели.

Наклонив голову, он поцеловал ее пальцы. И, ловя самый последний взгляд, отступил от кареты.

– Трогай, – приказал он удивленно прислушивающемуся к разговору Весту и повернулся к Анри, так же изумленно взиравшему на него. – Береги ее!

– Но...

– Вы теряете время, – жестко оборвал его герцог.

Вест опомнился и тронул поводья. Карета неспешно развернулась, и у проводившего ее Дайона появилась возможность в последний раз

мимолетно увидеть в окне знакомый женский силуэт, идеально распрямленные плечи и глаза, полные слез.

С огромным трудом преодолев желание броситься наперерез, остановить экипаж, сказать, что он никуда не едет, герцог проводил карету взглядом и с тяжелым сердцем возвратился в замок. Если Йонатан мог позволить себе сомнения и сантименты, Дайон л'Эстре не имел такой роскоши. Он был обязан при первой возможности вернуться в свое время.

Вопреки ожиданиям, добраться до той части замка, где содержали заключенных, не составило труда. Герцог слишком хорошо знал здесь каждый камень, каждую нишу, каждое, даже самое крохотное, укрытие. Один раз, правда, его заметил лакей, но «гость» так убедительно изобразил смятение, намекнув, что ищет место для справления естественной человеческой надобности, что слуга, полностью забыв о подозрениях, все ему объяснил, а после со спокойной совестью удалился. Дайон, с не менее спокойной совестью, продолжил двигаться в нужном ему направлении.

Тюремный этаж делился на несколько разветвлявшихся коридоров. Заключенных здесь было мало (для наказания преступников, как правило, использовался не замок, а городская тюрьма), держали их далеко друг от друга, а охранники обходили территорию с периодичностью, которую Дайон, по понятным причинам, успел выучить идеально. Пришлось простоять несколько минут в почти кромешной темноте (на факелах здесь основательно сэкономили), прижавшись к холодной стене и ожидая, пока одинокий скучающий стражник со светильником пройдет мимо. Зато теперь у герцога было в запасе как минимум десять минут, скорее даже двенадцать. Он осторожно шел вперед, стараясь двигаться бесшумно. Следовало поскорее добраться до потайного коридора, там он окажется в безопасности. Но... неподалеку располагалась дверь, пройти мимо которой Дайон л'Эстре просто не мог.

Сердце забилось с отчаянием загнанного в клетку зверя, когда герцог вновь прижался к шершавой, влажной стене. Трясущимися от напряжения пальцами нащупал ледяной металл кованой двери. В горле пересохло, от звона в ушах казалось, что в подземелье еще шумнее, чем на балу. Герцог отступил от стены, до боли в глазах вглядываясь в едва различимые очертания маленького решетчатого окошка.

– Дайон... – выдохнул он, почти беззвучно шевеля губами. И, набравшись решимости, повторил чуть громче: – Дайон!

Тьма в камере была еще гуще, чем в коридоре, и герцогу ничего не удалось разглядеть сквозь частую решетку. Зато он услышал скрип соломы под ногами узника и вздрогнул от этого давно позабытого звука.

– Кто здесь?

Этот молодой голос не вызвал ощущения дежавю. Собственно, он вполне мог бы принадлежать совершенно постороннему человеку: Дайон ведь не привык слышать себя со стороны. Шокировало не сходство с воспоминаниями, а само осознание: здесь и сейчас происходит нечто невозможное, невероятное, противоречащее всем незыблемым законам бытия. Там, за тяжелой кованой дверью, вслушиваясь в вязкую беспросветность подземелья, стоял *он сам*.

Снова скрипнула солома, и Дайон сообразил: надо что-то сказать. Но как ответить на такой, казалось бы, элементарный вопрос?

– Меня называют Йонатан, – проговорил он, когда дольше тянуть стало невозможно. – Я... друг.

– У меня еще есть друзья?

Вот теперь он узнал себя. Не по голосу, по интонации. По обреченности с легким налетом иронии. Только он не помнил, что говорил так уже *тогда*.

– Их много. Просто они пока не смогли сюда добраться. Но я для этого и пришел. Сказать, что осталось недолго. Тебя отсюда вытащат.

– Когда?

– Через месяц. Понимаю, это немалый срок, но я хочу, чтобы ты твердо знал: твое заточение закончится. Силам сопротивления не удастся захватить замок, но они сумеют тебя освободить. Просто продержись еще немного.

– Но ты уже здесь. Если ты – друг, как утверждаешь, почему не можешь освободить меня сейчас?

Кровь стучала в ушах так громко, что, казалось, еще чуть-чуть – и на этот звук сбежится стража. Может ли он открыть дверь? На несколько недель раньше положить конец мучениям запертого в тюрьме мальчика... собственным мучениям? У него, конечно, нет ключа, но стоило ли себя обманывать? Добыть ключ вполне реально. Подкараулить стражника, ударить его по голове рукоятью меча.

Учитывая, насколько хорошо Дайон изучил их повадки, это не составит большого труда. Но что будет дальше? Он заберет того, молодого, себя в тоннель, они вместе переместятся во времени... и Левансия останется без герцога на долгие девять лет. Что с ней станет за это время? В какой мир они попадут, переместившись через портал?

– Я не могу, – через силу проговорил он, прижав затылок к холодной стене. В глазах защипало, не иначе, в подземелье был слишком плохой воздух.

– Что значит «не могу»? Я тебе приказываю, слышишь? – Уверенный голос человека, не испытывающего и капли уверенности. О да, тот человек за дверью был так хорошо ему знаком! – Ты – мой подданный?

– Это слишком сложный вопрос.

– Ты – левансиец?

– Да.

– Значит, ты обязан выполнить мой приказ.

– Наверное, я – единственный левансиец, на которого не распространяется это правило.

А может быть, все же распространяется? Кто получает право первенства, Дайон-старший или Дайон-нынешний? Впрочем, у него не было времени решать эту юридическую головоломку.

– Нонсенс, конечно... Но здесь все нонсенс. Я правда не могу, прости.

По щекам текли слезы.

Нельзя менять историю: этот урок он уже выучил. Нельзя ставить под удар тысячи жизней. Нельзя перенестись в будущее вместе со своим двойником. Даже если ради этого придется испить чашу до конца. Даже если тот мальчик за дверью возненавидит его навсегда.

Но в голосе, раздавшемся с той стороны, не было ненависти.

– Что ж, по крайней мере, я должен был попытаться.

– Все верно. Так и надо.

– Ты говоришь, остался месяц. Откуда ты можешь знать? Кто ты такой, если способен так точно предсказать будущее?

Узник зрел в корень. И в ответ на прямой вопрос Дайон не посмел солгать.

– Я – это ты, – тихо проговорил он. – Только десять лет спустя. Твое будущее – это мое прошлое.

Он ожидал какой угодно реакции, но только не этой. Парень с той стороны двери расхохотался.

– Отличный ход, – похвалил он, отсмеявшись. – Вы решили, за эти полтора года я настолько сошел с ума, что поверю в любую чушь? Допустим. И что последует теперь? Ты скажешь, что я просто обязан подписать очередной документ, потому что от этого зависит ход истории?

Казалось, следовало спорить, оправдываться, отстаивать свою правоту, но герцог лишь улыбнулся, сам не зная почему. Хотя нет, пожалуй, он все-таки понимал. Он привык думать о себе в период заточения как о бесхребетном существе, не знающем иных чувств, кроме страха, боли и отчаяния, безропотно исполняющем приказы тюремщиков. Как он мог забыть эту ироничную усмешку, дерзкий тон, холодную ненависть, не пожирающую разум, но упрямо ждущую своего часа?

– Странно, что вы прибегли к такому необычному средству вместо того, чтобы прислать по старинке Астора ле Бриенна.

– Ле Бриенн мертв.

Было бы лицемерием заявить, будто озвучивание этого факта не принесло Дайону-старшему ни капли удовольствия.

– Как?! – встрепенулся узник, на время забыв о своем недоверии к собеседнику.

– Я убил его.

– Но он приходил ко мне буквально вчера!

– Наша с ним встреча состоялась совсем недавно.

– Я тебе не верю.

Такая реакция была, вне всяких сомнений, самой что ни на есть оправданной и логичной. И Дайон не собирался возражать.

– Это неважно, – отозвался он. – Главное, что ле Бриенн больше не придет. И это хорошие новости.

– Лучше не придумай, если это правда, – пробормотал узник, настроение которого, похоже, действительно улучшилось. Даже если неожиданный посетитель лгал, такая ложь звучала как музыка.

– Это правда, и скоро из-за нее здесь поднимется переполох. Поэтому я не смогу надолго задержаться.

Судя по звукам, узник переступал с ноги на ногу, осмысливая сказанное, но продолжать разговор не спешил.

– Ты говоришь, меня освободят из замка, – решил наконец он. – Что будет потом? Я выживу? Ах, да. Если я верю тебе, то это глупый вопрос. А если нет, тогда глупо было даже начинать его задавать. Но что будет с остальными? Они выберутся?

– Да. Конечно, не обойдется без потерь... Но вы победите.

– А Эленор?

– О, она точно будет в порядке, – с невольной улыбкой заверил Дайон. – Конечно, и ей временами будет очень нелегко. Но она преодолет любые преграды и в итоге найдет свое счастье.

– Как хорошо, – мечтательно проговорил юный Дайон. И, немного помолчав, добавил: – А я буду счастлив?

Герцог прикусил губу. Лгать он не мог и был неспособен заставить себя дать слишком радужный ответ.

– Ты будешь в безопасности. Ты будешь безраздельно править Левансией. Никто не посмеет оспаривать твои суждения, запугивать или оскорблять.

– Этого достаточно.

Дайон уже не был в этом уверен, но ни за что не вступил бы в спор. Не стал бы убеждать сидящего в темноте и безнадежности мальчика в том, что его будущее – не такое уж радужное. Тем более что в сравнении с настоящим жаловаться и правда не стоило.

Из соседнего коридора слышались шаркающие шаги ленивого стража. Пламя далекого факела слабо заиграло на каменной стене.

– Я должен идти, – сказал, понизив голос, Дайон. И после короткой паузы добавил: – Я горжусь тобой.

Он растворился в темноте прежде, чем охранник приблизился к камере.

Повернуть налево. Создать крохотный магический шар, который слегка осветит коридор, но не привлечет внимания. Найти рисунок на стене. Приложить печатку. И молиться, чтобы дверь открылась бесшумно. Затем просочиться в потайной коридор и оставить стражу ни с чем.

Теперь можно было немного расслабиться. Герцог постоял, прислонившись к стене и восстанавливая дыхание.

Сегодняшняя встреча с самим собой не сохранилась в его воспоминаниях, но так ли это удивительно? Некоторые эпизоды своего заточения Дайон помнил досконально, иные же начисто забыл, и любая попытка мысленно восстановить ход событий заканчивалась лишь приступом головной боли. Лекари говорили, что такие провалы – естественное явление в его обстоятельствах. Своего рода самозащита: мозг блокировал отдельные особенно яркие воспоминания, чтобы позволить своему хозяину сохранить рассудок. Но иногда они находили способ пробиться к сознанию герцога: в сновидениях.

Шумно выдохнув, Дайон решительно двинулся вперед. В какой именно точке должно произойти перемещение? Он не был до конца в этом уверен. Скорее всего, совсем рядом с выходом. Если, конечно, так можно назвать место, заваленное камнями. Но в его случае это не имело значения, ведь главное – добраться до портала.

Дайон шел медленно, прислушиваясь к своим ощущениям, то и дело озираясь, хотя даже в свете огненного шара здесь не было видно ничего, кроме неровных, местами влажных стен. Помня предыдущий неудачный опыт, он шагал очень осторожно, поднимая ноги выше обычного, чтобы не споткнуться и не упасть.

Коридор вскоре закончился. Дайон так ничего и не почувствовал, но что он, в сущности, понимает в работе временных порталов? Быть может, перемещение обычно проходит незаметно. Герцог толкнул дверь... Ничего. Толкнул сильнее. Она не поддавалась, будто была заперта – или завалена с той стороны. Но если он вернулся домой, завал давным-давно разобрали. Он пользовался этим ходом не один раз, открыть дверь не составляло труда. Неужели не получилось?

Мысленно уговаривая себя не поддаваться панике, Дайон зашагал назад. Быть может, чтобы попасть в будущее, надо пройти по коридору в противоположную сторону? Затем он снова двинулся к выходу, стараясь восстановить в памяти предыдущее путешествие во времени. Увы, он мало что помнил, кроме затмевающей разум головной боли и падения. Снова попытался открыть дверь... Опять неудачно.

Не в силах больше терпеть неизвестность, герцог отправился обратно, к тюремным камерам. Воспользовался кольцом, чтобы открыть проход, и спешно потушил магический шар, услышав голоса.

– Трое дежурят около камеры, – отдавал распоряжения офицер.

– Не слишком ли много? – проворчал кто-то.

– Поговори мне тут! Смотреть в оба, дальше двух ярдов не отходить, в кости не играть, на факелах не экономить.

Дайон находился достаточно далеко, чтобы оставаться незамеченным, но в коридоре и вправду стало ощутимо светлее.

– Господин Жорж, есть подозрение, что узника попытаются отбить? – позволил себе уточнить один из солдат.

– Точной информации нет. – Офицер не рассердился на незначительное нарушение субординации. – Было совершено покушение на лорда ле Бриенна, в замке полно посторонних, так что мы должны быть готовы ко всему.

Невзирая на сложность своего положения, Дайон усмехнулся. Убийство ле Бриенна офицер назвал «покушением». Стало быть, либо такова была официальная версия, либо военных просто не известили об истинном положении дел, и им приходилось ограничиваться догадками. Что ж, нежелание властей сеять панику можно понять.

– Дальше: вы караулите камеру, еще двое обходят помещение. На тебе западное крыло, на тебе восточное. Проверить каждую щель. Обход проводить каждые десять минут. Обо всем мало-мальски подозрительном докладывать мне лично. Вам все ясно?

– Так точно! – откликнулся нестройный хор стражей.

– Приступайте.

Герцог приготовился. Он умышленно не стал закрывать проход, напротив, затаился в потайном тоннеле, предварительно полностью погасив свет. И, лишь когда стражник, обнаружив отворот коридора, свернул в темноту, Дайон создал магический шар, бесшумно обезвредив с его помощью охранника. После чего на всякий случай запечатал коридор, зажег свет, и, стараясь издавать как можно меньше звуков, переоделся в вещи стража. Теплые, широковатые брюки, кольчуга, которую Дайон натянул поверх собственной рубахи, характерный плащ с нашивкой, застегивающийся на груди при помощи простенькой броши.

Не желая раскрывать тайну тоннеля прежде времени, он все-таки вытащил тело в основной коридор, запер дверь при помощи перстня, взял факел и уверенной походкой зашагал в сторону собственной камеры, сейчас охранявшейся как никогда основательно.

– Ну что там? – усмехнулся один из солдат. – Хоть крыса какая-никакая нашлась?

Офицер уже ушел, и подчиненные могли позволить себе более вольный тон.

– Даже мышей нет. – Дайон старался говорить столь же насмешливо. – На редкость скучное подземелье. Пойду дальше смотреть.

– Ну да, ну да, – кивнул страж ему вслед. – Не забудь: о каждой букашке докладывать старшему по званию.

– Непременно, – поддержал шутку герцог и был таков.

Исследовать подземелье он, разумеется, не собирался, вместо этого вскоре сменил направление и поднялся по неровным ступеням к выходу из замка. Шел в меру быстро, но ни в коем случае не переходя на бег, стараясь изобразить уверенный шаг человека, точно знающего, куда и с какой целью он направляется. Целью в данном случае были ворота.

Дайон надеялся, что в своем нынешнем одеянии сумеет уйти без проблем. Как-никак входящие на территорию замка интересовали стражу значительно больше, чем те, кто собирался ее покинуть. Вопрос заключался в том, как охрана станет вести себя сейчас, после убийства ле Бриенна. Во дворе паники заметно не было, из замка доносилась музыка и смех гостей. Иными словами, о случившемся знали пока немногие, и информацию на данном этапе предпочитали не разглашать. Это внушало надежду.

Однако уйти незамеченным не удалось. Один из дежуривших у ворот стражников преградил дорогу.

– Куда? – лаконично осведомился он.

– В город.

Дайон дал единственно возможный ответ. Не говорить же правду: «В лес к партизанам».

– Зачем? – не удовольствовался такой реакцией стражник.

– Да самому лень, но Монро отправил к аптекарю, говорит, какого-то снадобья не хватает. – Дайон вовремя припомнил фамилию лекаря, служившего в то время в замке и пару раз дававшего противные микстуры самому юному герцогу. В первом случае перестарался палач ле Бриенна, во втором юношу поразила лихорадка, что было неудивительно, учитывая условия, в которых его содержали.

– Это, наверное, из-за последних событий, – многозначительно переглянулся с напарником стражник. – Давай тогда быстро.

Наверное, решили, что кроме ле Бриенна есть и другие пострадавшие, а может, просто не знали, что советник лорда Маркуса не ранен, а мертв. Уточнять Дайон не стал, кивнул и поспешил прочь. Дальше и дальше от замка, который был и однажды будет ему домом, но сейчас превратился в логово заклятого врага.

Зайдя достаточно глубоко в лес, герцог избавился от формы стража. Появись он в таком виде в лагере, его сначала убьют, а уж потом будут разбираться, кто это такой. Умирать, тем более так глупо, не хотелось.

Немного подумав, он закопал кольчугу и прочие вещи под приметной осиной, решив, что Жюсту и его людям такой трофей вполне может пригодиться. Выровняв землю и немного передохнув, двинулся дальше. Обменявшись с часовыми паролем, он беспрепятственно прошел в лагерь и замер, невольно залюбовавшись открывшейся картиной.

Виола сидела у догорающего костра, держа в руке тонкую веточку, и ожесточенно обрывала с нее листья. Непокорная прядь, как это часто случалось, выбилась из прически и упала на лоб. Даже сосновая иголка, прицепившаяся к рукаву, смотрелась почти как украшение, ничуть не портя образа. Улыбнувшись, Дайон обогнул колючий куст и вернулся на тропинку.

Девушка услышала шорох, нахмурилась, настороженно повернула голову. Увидев, кто именно направляется к лагерю, сперва удивленно распахнула глаза, а потом вскочила.

– Йон! – выдохнула она, не веря своим глазам.

На мгновение они застыли, а потом ринулись друг другу навстречу. Шаги Дайона становились все шире, и, наконец, он побежал, подхватил Виолу в объятия и закружил под возмущенные возгласы перепуганной сойки.

– Вы не ушли через портал? – спросила девушка, когда ее ноги снова коснулись земли.

– Он не сработал, – честно ответил Дайон. И не менее честно добавил: – Кажется, я чертовски этому рад.

– Я тоже. – Она прижалась лбом к его плечу.

Дайон наклонился, чтобы зарыться лицом в ее волосы, но в этот момент Виола подняла голову. Ее лицо было так близко, тонкое,

нежное, с широко распахнутыми глазами, в которых отражались звезды.

– Виола...

Он так и не понял, кто из них первый потянулся к другому. Поцелуй, еще один и еще. Сначала нежные, едва ощутимые, они с каждым разом становились все более страстными. Ладонь Виолы неуверенно скользнула по его груди, и Дайон ощутил ее тепло сквозь тонкую ткань рубашки. Сердце забило в бешеном ритме.

Казалось, что мир куда-то уплыл, перестал существовать, оставив только их двоих и еще тлеющие угли костра. Горячая волна охватила тело. Понимая, что может произойти, Дайон попытался отстраниться. Виола всхлипнула и потянулась к нему, но герцог решительно перехватил ее руки.

– Виола, – голос звучал хрипло.

– Что?

– Нам не стоит продолжать.

– Почему?

– А ты не догадываешься?

– «Догадываешься»? – передразнила она, усмехаясь. – Я догадываюсь, что могла оказаться с тобой и Мэтью, когда вы пытались спасти Бенуа, я догадываюсь, что могла оказаться женой шерифа, если бы вы с Вестом не ворвались тогда в дом, да даже сегодня... – Она покачала головой и отвернулась к костру. – Сегодня любой из нас мог умереть.

– Но мы все живы, – Дайон попытался ободряюще улыбнуться.

– Сегодня – да, а завтра? – Виола снова обернулась.

Он молча смотрел на нее. Тоненькая, очень хрупкая и невероятно сильная, она прекрасно понимала, что делает. В ее глазах мелькнул невысказанный вопрос, и Дайон не выдержал, снова привлек девушку к себе.

– Я люблю тебя, – прошептал он, впиваясь в ее губы.

– Люблю... – шептал он, пока нес ее на руках в свою палатку.

Виола не отвечала, только прижималась к нему все сильнее и сильнее, словно боялась, что что-то сможет разлучить их.

Струзив на кровать драгоценную ношу, Дайон попытался выпрямиться, но Виола обхватила его шею руками:

– Не оставляй меня, пожалуйста!

– Не оставлю, – обещал он, осторожно освобождая ее от одежды. Платье, шурша упало на землю, за ним последовала и одежда Дайона. Кровать была узкой, и ему пришлось полностью прижаться к разгоряченному телу девушки. Все еще не решаясь, Дайон заглянул в ее глаза:

– Виола...

Он знал, что прерваться сейчас будет похлеще любой пытки ле Бриенна, но ради этой девушки он готов был испытать что угодно. Она открыла глаза, взглянула на склонившегося над ней мужчину и провела ладонью по его щеке:

– Да...

Она с удивлением обнаружила, что по телу Дайона пробежала дрожь. Медленно, словно боясь испугать ее, он поцеловал ее сначала в губы, а потом все ниже и ниже, спускаясь к груди. Шершавые ладони ласкали разгоряченную кожу, вызывая до сих пор неизведанные ощущения.

– Виола, девочка моя...

Тихий вкрадчивый голос завораживал, заставляя трепетать еще больше. Голова кружилась, перед глазами мелькали разноцветные искры. Она растворялась в умелых руках, в тяжести придавившего ее тела, в обжигающем тепле атласной кожи... Резкая боль на секунду вторглась в сознание, заставляя открыть глаза. Лицо мужчины было очень близко. Она видела бисеринки пота, усеивавшие его лоб, плотно сжатые губы, тонкую жилку, бьющуюся на виске...

– Йон, – прошептала она вдруг пересохшим ртом.

Он двигался очень осторожно, позволяя ей привыкнуть к себе и новым ощущениям. Это было сродни танцу. Дикому, пронзительному, перед которым вольт казалась пустой и выхолощенной. Каждое движение отзывалось наслаждением.

– Любимая моя, отважная девочка...

Время замедлило ход, а потом и вовсе остановилось. Были только темнота, тихий шепот и два тела, плотно прижавшиеся друг к другу.

– Люблю тебя, – это было последнее, что услышала Виола, прежде чем окончательно потеряться в неге наслаждения.

Глава 18

Проснувшись, Дайон долго лежал и смотрел на спящую девушку. В голове царил сумбур, а на душе скребли кошки. Все запуталось еще больше. Герцог не раскаивался в том, что сделал, но не понимал, как быть дальше.

Все попытки вернуться в свое время провалились, но Дайон уже не был уверен, что это плохо. Виола завозилась, перевернулась на бок, устраиваясь поудобнее, подсунула ладонь под щеку. Не желая будить ее, Дайон почти бесшумно встал и оделся. Похищенный вчера список белел на утоптанной земле. Герцог поднял его и повертел в руках, жалея, что не потерял в давешней суматохе.

Он все еще раздумывал, не сжечь ли бумагу, когда Виола вдруг открыла глаза.

– Ты уже проснулся? – сонно пробормотала она.

– Да. – Он торопливо убрал список в рукав. – Спи, я принесу тебе завтрак.

– Хорошо. – Она послушно опустила ресницы.

Дайон подождал, пока ее дыхание выровняется, и покинул палатку. Лагерь все еще спал. Герцог подошел к углям, разворошил их, раздумывая, что делать дальше.

Виола должна узнать правду. Дайон тяжело вздохнул. Интересно, как ей рассказать? Принести завтрак и между прочим заметить: «Знаешь, на самом деле я – герцог Левансийский, и, кстати сказать, я на год моложе тебя?»

Он усмехнулся: дался же ему этот год! Фактически Виола была моложе его на девять лет. Имел ли Дайон право лишать ее этих девяти лет, если ему все-таки придется вернуться? Хочет ли он сам этого возвращения? Раньше – да, но теперь... Вопросов было больше, чем ответов. Он устало потер виски. Странно, но привычной острой боли, характерной для подобного состояния усталости, не было. Он недоуменно нахмурился, пытаясь вспомнить, когда случился последний приступ. Кажется, в день, когда похитили Виолу... а потом события завернулись с такой скоростью, что он позабыл о своем недуге.

Бумага, спрятанная в рукаве, тихонько зашуршала. Поморщившись, Дайон достал список и еще раз просмотрел его. Несколько фамилий показались знакомыми. К одному из этих людей Дайон как раз недавно обращался, чтобы попытаться попасть обратно, в свое время. Еще двое, это он знал точно, погибли во время Смуты, их убили люди лорда Маркуса. Трое пропали в подземелье инквизиции. Все эти имена на листке были перечеркнуты. Оставалось еще трое. И если напротив двух из них стоял знак вопроса, но напротив третьего – жирный росчерк: «Опасен!»

Дайон задумчиво посмотрел на угли невидящим взглядом. Он уже знал, что вмешательство в историю ни к чему хорошему не приведет. Но, возможно, именно этот человек владел теми знаниями, которые были так необходимы герцогу.

Тяжело вздохнув, Дайон спрятал листок и направился к кромке леса. Завтрак мог и подождать, а Виоле он скажет, что ходил за булочками.

Жилище Одаренного, по иронии судьбы, располагалось совсем недалеко от той книжной лавки, где Дайон обнаружил заинтересовавшую его рукопись. Тесное, невнушительное, с низким потолком, иными словами, даже не заподозришь, что здесь может проводить время человек с неординарными способностями. Облик мага лишь усиливал ощущение диссонанса: необычно высокий рост никак не вязался со скромными размерами помещения.

– Добрый день! – поздоровался герцог, внимательно и с некоторой долей недоверия разглядывая хозяина дома. – Я пришел к вам, чтобы спросить совета по одному... профессиональному вопросу.

– Конечно, профессиональному, – усмехнулся Одаренный, закрывая и убирая на полку какую-то книгу. Не иначе, незаконную по нынешним временам. – Ко мне по другим и не заходят. Куда вам надо переместиться? На большое расстояние, на маленькое? Большое стоит дороже. И предупреждаю сразу: с запертыми помещениями не работаю.

– А если серьезно поднять расценки? – с ухмылкой поинтересовался Дайон.

Маг наконец полностью сосредоточился на посетителе.

– Вы ведь исключительно из любопытства спрашиваете, – безошибочно определил он. – Так какое расстояние вас интересует,

большое или малое?

– Как вам сказать... Нулевое.

Одаренный удивленно изогнул брови.

– Расстояние значения не имеет, – пояснил Дайон. – Меня устроит по окончании перехода оказаться на том же самом месте. Но, если можно так выразиться, при иных обстоятельствах.

– При иных обстоятельствах?

Теперь маг приглядывался к Дайону с несомненным интересом.

– Например, в другой временной точке.

Дайон пошел ва-банк.

– Вы ведь знаете, что это незаконно? – все так же изучающе прищурился Одаренный. – Путешествия во времени строжайше запрещены.

– Мне казалось, что этот вопрос можно уладить.

– Нарушения человеческих законов проверить реально, – хмыкнул маг. – Но вот с запретами мироздания сложнее. Время создано таким, какое есть, оно движется от прошлого к будущему по бесконечной прямой линии. Я не стану искривлять ее ради того, чтобы вы смогли посетить давно разрушенный музей или увидеть знаменитого героя древности. Игры со временем слишком опасны и могут закончиться трагически.

– Я знаю. Смею вас заверить: для меня это отнюдь не развлечение. Я уже совершил один такой переход.

Вот теперь Одаренный взирал на него не просто с интересом, а, можно сказать, замороженно.

– Вот, значит, в чем дело. Энергия вокруг вас необычно колеблется, видимо, это из-за временного излома. Природа пытается закрыть брешь, но ей не удастся, потому что вы не принадлежите нашему времени. Откуда вы прибыли? Прошлое или будущее?

– Будущее. Примерно десять лет.

– Поразительно, – зачарованно выдохнул маг. – Могу я спросить вас, в двух словах, что станет со страной?

– Надеюсь, мой ответ не может возыметь драматических последствий. Со страной все будет в порядке. – Дайон сказал это, хоть и не мог знать наверняка, каких взглядов придерживается хозяин дома. С одной стороны, он в черном списке лорда Маркуса, с другой, это еще не гарантировало лояльности семейству л'Эстре. Но минимального

риска было не избежать. – Законный король возвратит свою власть. То же случится в Левансии, как и в других герцогствах, где-то позже, где-то раньше.

– Хорошо, – с удовлетворением кивнул Одаренный. – Я благодарен вам за это знание. Но теперь, – его тон резко изменился, показывая, что разговор возвращается в деловое русло, – отложим экскурс в историю и перейдем к делу. Вы же здесь не для того, чтобы отвечать на вопросы любопытных вроде меня.

– Справедливо, – подтвердил Дайон. – Я ищу способ вернуться обратно.

– Это элементарно. Просто вернитесь в то место, где произошло перемещение. Такие переходы всегда работают в двух направлениях.

– Именно так я и прочитал в одной книге. Однако, когда я вернулся в то место, ничего не произошло.

Одаренный удивленно нахмурился.

– Вы уверены, что вернулись в ту же самую точку?

– Я обошел там все. Речь идет о тоннеле, так что это было не слишком сложно. Уверен, я ничего не пропустил.

– Но это очень странно. – Маг принялся ходить из угла в угол, сцепив руки за спиной. – Портал просто обязан был вернуть вас обратно. Это затянуло бы временную брешь, после чего переход бы благополучно закрылся. Именно на этом принципе работает система путешествий во времени: созданный переходом диссонанс поддерживает портал в открытом состоянии, гарантируя путешественнику возможность возвращения. – На некоторое время он задумался, продолжая мерить комнату шагами. Разволновавшись, Одаренный даже стал двигаться быстрее. – А ваш маг ничего не говорил на этот счет? – спросил он, остановившись напротив Дайона.

– Мой маг? – не понял герцог.

– Ну да. Тот, который отправил вас в прошлое.

– Ах, вы имеете в виду это. Дело в том, что не было никакого мага.

– То есть как?!

– Вот так. Я просто шел по коридору, оступился, упал, а когда вышел на улицу, обнаружил, что перенесся в другое время. Вернее, понял я это не сразу, но увидел огненные сполохи, признаки войны, которых в мое время мы, к счастью, не наблюдаем.

– Но этого не может быть, – растерянно проговорил маг. – Для того чтобы открыть портал, совершенно необходим Одаренный с соответствующими способностями. Вы были один?

– Абсолютно! – Теперь и герцог начинал заметно нервничать. – Можно, конечно, предположить, что кто-то шел за мной на расстоянии, и я его не заметил...

И если так, он этому кому-то голову оторвет, когда вернется. Если вернется. Но Одаренный с ходу отмел этот вариант.

– Такое бы не сработало. Существует ритуал, необходимый, чтобы создать излом. Вы должны были в нем участвовать. Кстати, а не могли вы сами провести ритуал? У вас нет способностей порталщика?

– Исключено. Во-первых, я, как недавно выяснилось, владею магией разрушения, портал же подразумевает созидание. А во-вторых, вряд ли я мог совершить полноценный ритуал, даже об этом не подозревая.

– Верно, верно. – Маг снова зашагал по комнате. – Но в таком случае это не имеет никакого смысла. Вы отправились в прошлое, хотя никто не открывал портал. Не смогли вернуться, хотя путешествие в одном направлении состоялось. Либо мы имеем дело с совершенно новым принципом перемещения, либо...

Он замер на месте с открытым ртом.

– Либо что? – не выдержал Дайон.

Одаренный хлопнул себя по лбу.

– Как же я сразу не догадался? Мы начали с неверной предпосылки, – стал спешно объяснять он, возбужденный собственным открытием. – Мы исходили из того, что портал был создан в ваше время. Первое путешествие – это ваше отправление в прошлое. Второе – возвращение в будущее. Но ведь может быть и все наоборот!

– То есть как «наоборот»? – нахмурился Дайон, которому поведение мага казалось все менее и менее адекватным.

– Портал еще не был создан! – воскликнул Одаренный. – Он будет открыт здесь, в наше время, в семьсот девятом году! И с его помощью вы отправитесь в будущее, в семьсот девятнадцатый.

– Семьсот восемнадцатый, – поправил Дайон, чувствуя, что голова его вот-вот взорвется.

– Пусть будет семьсот восемнадцатый, – щедро согласился Одаренный. – Главное, что таким образом проход будет открыт. И это позволит вам в перспективе совершить переход в обратном направлении, то есть из вашего времени к нам сюда.

– Но я не собираюсь бегать из будущего в прошлое и обратно! – возмутился Дайон.

– Бегать и не придется. Обратный маршрут вы уже совершили. Представьте себе: между двумя обычно несовместимыми точками проложили дорогу. Она позволяет путешествовать из девятого года в восемнадцатый и обратно. Время настроено приблизительно. Какой маршрут окажется первым, а какой вторым – штука весьма запутанная, да это и неважно. Сами понятия «раньше» и «позже» теряют в нынешней ситуации всякий смысл. Главное: портал будет открыт отсюда и позволит вам переместиться в двух направлениях. Один раз в будущее, один в прошлое. В прошлое вы уже переместились, когда по незнанию ступили в восемнадцатом году на территорию портала. Осталось еще одно путешествие. Отсюда в ваше время. Для этого портал надо будет создать. Вы пройдете через него – и круг замкнется.

– Допустим. – От ненормальности всего обсуждавшегося у герцога слегка кружилась голова, но это не имело ничего общего с его обычными приступами. Просто нелегко было понять и принять возможность столь безумных игр со временем. – Кто в таком случае откроет портал? Как именно? Что для этого потребуется?

– Портал, несомненно, открою я.

– Почему вы так в этом уверены? Вы обладаете даром предвидения?

– Нет, – улыбнулся Одаренный. – Просто на сегодняшний день я – единственный специалист в королевстве, способный создавать такие переходы. Видите ли, нас очень мало. Но подлинная потребность в наших возможностях возникает еще реже. Зачастую мы всю жизнь учимся, работаем, оттачиваем мастерство ради одного такого случая, какой представился мне сейчас. Ради единственного события, которое позволит, потребует и оправдает нарушение временных закономерностей. Многие проживают целую жизнь, так и не дождавшись подобного шанса. Мне очень повезло. Что же касается деталей, нужно будет провести ритуал, технически это несложно. Присутствовать будем вы и я. Портал должен быть настроен

непосредственно на вас. Не знаю, по какой именно причине, но ваша личность тесно связана и с нашим временем, и с тем, будущим. Именно эта связь позволила вам переместиться сюда. И она же поможет вам вернуться.

– Ритуал можно провести в любом месте?

Маг отрицательно покачал головой.

– Только в том тоннеле, который привел вас в прошлое. Мы ведь уже знаем, что он будет находиться там, верно?

– Это проблема, – нахмурился Дайон. – Тоннель расположен в замке лорда Маркуса.

Последние слова он произнес с ненавистью, какую не в силах был сдерживать. Это был его родовой замок, замок его родителей, замок его деда и прадеда. Лорд Маркус не имел на эти земли никаких прав.

– Лорда Маркуса? – Теперь Одаренный пристально разглядывал Дайона, сложив руки на груди. – А позвольте спросить, кто вы, собственно говоря, такой? Какое отношение имеете к герцогу Левансийскому, если так свободно расхаживаете десять лет спустя по подземной части его замка? На стражника вы не похожи, даже на начальника охраны. Так каким ветром вас туда занесло? Вижу, что вы не горите желанием отвечать. Но тут, знаете ли, слишком многое поставлено на карту. Я не стану вам помогать, если не узнаю всей правды.

Дайон тяжело вздохнул. Как ни крути, этот человек был единственной зацепкой, одинокой ниточкой, соединявшей его с домом.

– Хотите знать, кто я такой и что делал в замке правителей Левансии? – Он опустил на стул и закинул ногу за ногу, что, впрочем, ничуть не помешало ему смотреть на высокого собеседника сверху вниз – навык, оттачивавшийся годами. – Извольте. Я и есть Дайон л'Эстре, единственный наследник линии л'Эстре мужского пола и, следовательно, законный герцог Левансии.

Тишина. Просто тишина, нарушаемая разве что учащенным дыханием.

– Хотите доказательств? – предположил Дайон. – У меня их нет. Никакого, знаете ли, родимого пятна или опознавательного шрама. Впрочем, можете взглянуть на это. Если, конечно, оно о чем-то вам говорит.

Он продемонстрировал Одаренному свою печатку. Тот внимательно присмотрелся к изображению герцогского герба.

– Насколько мне известно, это кольцо хранится в личном сейфе лорда Маркуса под сильнейшей магической защитой, – проговорил он наконец.

– Хранится, – без особого трепета подтвердил Дайон. – Но, как видите, в данный момент оно существует в двух экземплярах.

– Как и герцог Левансийский...

– Если вы верите мне на слово. Вряд ли мой перстень так убедителен.

– Дело не в перстне. Не только в нем. Слишком многое совпадает. Ваши манеры, ваш возраст, замок. И, главное, привязка к нашему времени. Уж если кто-то и связан со Смутой так прочно, чтобы проникнуть сюда сквозь время, то это в первую очередь Дайон л'Эстре.

– Может быть, сядете? Я, признаться, устал задира́ть голову.

– Если ваша светлость не возражает, – усмехнулся Одаренный.

Пиетета по отношению к собеседнику он явно не испытывал, скорее был шокирован совокупностью маловероятных событий. Но такая совокупность пробуждала в маге преклонение перед вселенной, а не перед отдельно взятым герцогом.

– Мою светлость давно перестали беспокоить подобные мелочи, – поморщился Дайон, разминая указательным пальцем шейный позвонок. – Итак, можете ли вы вернуть меня назад? У меня там, понимаете ли, герцогство без присмотра.

– Могу, – уверенно кивнул Одаренный. – Для этого потребуются сначала перенестись сквозь пространство, чтобы оказаться в нужной части замка, а затем провести ритуал и открыть портал во времени.

– Возможно открыть его для двоих?

– Смотря кто второй, – осторожно заметил Одаренный.

– Женщина.

– Она из этого времени?

– Да.

– Боюсь, что это будет весьма затруднительно, ваша светлость.

– Почему?

– Нужна привязка. Только на этот раз – к будущему.

– Но ведь я как-то перенесся сюда, – Дайон не стал скрывать свое раздражение.

Одаренный тяжело вздохнул:

– Вы – уникальный случай. Человек двух времен. Живя в будущем, вы не могли отпустить прошлое. Вот почему вы здесь. Но для того чтобы я смог открыть портал в ваше время, связь с будущим должна быть сильнее. Перед тем как переместиться в прошлый раз, вы почувствовали себя в своей эпохе чужим. А к нашему семьсот девятому вас тянули нерешенные вопросы и незажившие раны. Теперь все должно быть наоборот. Вам придется сосредоточиться на том, что важно для вас в семьсот восемнадцатом. И отпустить свое прошлое. Оставить нас, – он со слабой улыбкой оглядел свое небогатое жилище, – позади. Вы к этому готовы?

Дайон инстинктивно повертел головой, будто речь и вправду шла о скромном доме Одаренного. Готов ли он расстаться со Смутой? Сумел ли залечить старые раны? К своему удивлению, герцог осознал, что, похоже, сумел. Ему больше не снились кошмары и даже головные боли с некоторых пор не давали о себе знать. Воспоминания о казематах не сдавливали внутренности ледяной хваткой. Астор ле Бриенн превратился из навевающего ужас призрака в обычного человека, чересчур честолюбивого и излишне самонадеянного, да к тому же еще и мертвого. Готов ли он отпустить свое прошлое? Готов.

Сложность заключалась в другом. Дайон л'Эстре отчаянно не желал менять бурлящую событиями жизнь графа Йонатана де Грандые на размеренную рутину герцога Левансийского. Там, в семьсот восемнадцатом, осталась благоустроенность, комфорт, высокое положение в обществе, всеобщее послушание и власть. Здесь он получил взамен холодную палатку, посредственную похлебку из общего котла, дружеские, а иногда и не очень, пинки, политические преследования и смерть, ходящую по пятам. А заодно – уважение, заслуженное поступками, а не именем. Право действовать вместо того, чтобы отдавать приказы. Свежий лесной воздух вместо удушающей атмосферы собственного замка. Сообщество единомышленников вместо гнетущего одиночества. А вместо ночных кошмаров... Дайон зажмурился и потер пальцами виски. Виола – лучшее, что случилось с ним за эти годы, и неважно, на какую из временных линий смотреть. Он не мог бросить Виолу. Это несправедливо по отношению к ней. И

несправедливо по отношению к нему. Парадоксальным образом, легко отпустив прошлое, герцог был решительно не готов расстаться с настоящим.

– Нет, – хрипло проговорил он, открыв глаза. – Я не могу соблюсти ваше условие. Во всяком случае, мне... – Слова давались с трудом. – Мне придется как следует все обдумать.

– Ну что ж. Если так, то я пока ничем не могу вам помочь, – развел руками Одаренный. – Приходите, когда осознаете, что хотите вернуться.

– Вы так уверены, что я приду? – приподнял брови герцог.

– Конечно. – Маг улыбнулся.

– Почему?

– Ну вы же здесь. Вы пришли из будущего. А это значит, что я открыл для вас портал. Вернее, еще открою. Вы меня понимаете?

В сложностях временного парадокса Дайон разобраться не успел. Взрыв был такой силы, что он не удержался на ногах, отлетел к камину и как следует приложился головой о решетку. Перед глазами заплясали искры. С потолка посыпалась сперва труха, а затем и более крупные деревяшки. В углу яркой змейкой заструилась полоска магического пламени, сперва тонкая и будто хрупкая, но быстро набирающая силу.

Герцог вскочил (голова тут же закружилась, и пришлось схватиться за каминную полку, чтобы не упасть), и принялся искать взглядом Одаренного. Тот обнаружился в противоположной части комнаты. Точнее, Дайон сумел разглядеть его ноги, торчащие из-под обломков мебели, и край щедро присыпанной пылью куртки. Чертыхаясь и прикрывая голову руками (потолок продолжал осыпаться, да и всему дому, похоже, недолго осталось), герцог ринулся к магу.

Не без труда отбросив в сторону доску, прежде служившую книжной полкой, он понял, что дело плохо. Грудь и живот мага были перепачканы в крови, разорванная рубашка местами обуглилась, что могло свидетельствовать лишь об одном: на пострадавшего не только обрушились обломки мебели, его еще и задело огненным шаром.

– Эй!

Дайон чуть приподнял голову мага, понятия не имея, как быть дальше. В противоположном конце комнаты всюду занималось пламя.

Огненный шар явно был не один. К счастью, Одаренный приоткрыл глаза.

– Похоже, люди лорда Маркуса нашли меня даже в этом захолустье, – прошептал он.

– Я похитил из замка список, в котором фигурировало ваше имя. Мне следовало быть умнее и сразу предупредить вас. Я не учел, что тот список мог быть не единственным.

– Или они ищут не меня, а вас. Нет смысла каяться и сожалеть о содеянном. – Маг закашлялся. Из рта вырвался сгусток крови. – Надо выбираться отсюда, иначе мы либо попадемся, либо сгорим заживо.

Дорогу к двери уже перекрыло пламя, и вероятность прорваться наружу, неся на руках беспомощного мага, была минимальной. Дайон не знал, стоит ли сообщать об этом тяжело раненному человеку, но тот вновь разрешил его сомнения:

– Помогите мне поднять правую руку. Вот так. Сейчас я перенесу нас в безопасное место.

Одаренный закрыл глаза, и Дайон испугался, что он потерял сознание, но вскоре обескровленные губы зашевелились, произнося незнакомые герцогу слова. Запах дыма стал ощутимо сильнее, Дайон на миг прикрыл заслезившиеся глаза, а когда с усилием распахнул их, вокруг уже не было пожираемой разрушением и пожаром комнаты. Только трава, покрывающая склон холма, облачное небо и – в отдалении – вершины соседних холмов.

Одаренный лежал рядом и неровно, прерывисто дышал.

– Я могу чем-то помочь? – спросил герцог, склонившись над раненым.

Увы, сам он сильно в этом сомневался. Талантом лекаря герцог Левансийский не обладал.

Неудивительно, что маг покачал головой.

– Это я могу помочь вам, – не без труда проговорил он. – Но времени уже не будет.

– На что?

– Решать, хотите ли вы вернуться в свое время. Мне недолго осталось, – пояснил он. – Легкое задето. Так что либо я переправлю вас прямо сейчас, либо вы навсегда останетесь здесь. То есть не навсегда, конечно. – Он слабо улыбнулся. – Все равно вернетесь в свое время, но лет через десять.

– Вы не в том состоянии, чтобы проводить ритуалы, – возразил Дайон. – Надо позаботиться о вашем здоровье. А специалиста по порталам я найду.

– Не найдете. Я – единственный, кто может работать со временем. По крайней мере, в Левансии. И вам не стоит беспокоиться на мой счет. Я же говорил: любой порталист может только мечтать о таком шансе. Открыть проход в будущее, да еще и для герцога Левансийского. По сути, спасти герцогство. Это дорогого стоит.

– Даже жизни?

И снова слабая улыбка.

– Вне всяких сомнений.

Дайон сжал ладонями виски, чувствуя, как участилось дыхание.

– Я могу попрощаться... с друзьями?

Он даже не сказал Виоле, что уходит. Пообещал принести завтрак... Ему обязательно надо поговорить с ней, объяснить все, пообещать, что в своем времени он найдет ее. Один короткий разговор, только и всего...

– Нет. Если, конечно, они не где-то поблизости. Мне и так предстоит открыть два портала: один в замок, второй – сквозь время. Третий, к вашим друзьям, я просто не потяну.

Дайон прикрыл глаза. Сейчас герцог физически ощущал всю тяжесть бремени власти. Как бы он ни любил Виолу, отказаться от возвращения значило предать всех, кто проливает сейчас свою кровь... В том числе и саму Виолу. Он тяжело вздохнул, смиряясь с неизбежным.

– Открывайте. Я возвращаюсь домой.

И снова он в темном, узком коридоре, где потолок словно умышленно спускается все ближе и ближе к макушке путника. Здесь тихо, сыро и душно одновременно. Тюрьма надежно отгорожена стеной, и о существовании двери, а значит, и самого этого коридора, не знает никто – кроме мальчика, по-прежнему сидящего в заточении. Герцог мысленно простился и с ним.

– Я окажусь в той же минуте, когда покинул свое время? – хриплым голосом уточнил Дайон.

– Вряд ли. – Одаренный сидел, прислонившись спиной к стене: переход в замок отнял много сил. – Я не могу открыть портал с

точностью до минуты. А главное, портал нестабилен. Помните, я говорил, что мироздание борется с временной брешью, поскольку она противоречит законам природы? – Он немного помолчал, переводя дыхание. Герцог терпеливо ждал, поддерживая на весу скромный огненный шар, не позволяющий им остаться в крошечной темноте. – Когда я создам переход, и вы отправитесь на ту сторону, он не сможет схлопнуться, поскольку будет ожидать вашего возвращения к нам, сюда. Но мироздание будет все равно работать на то, чтобы залатать брешь. Поэтому точка вашего временного выхода будет потихоньку, капля за каплей, смещаться назад, к сегодняшнему дню как точке открытия портала. Иными словами, время, в которое вы попадете, – несколько более позднее, чем момент, переправивший вас в прошлое.

– На сколько? – напрягся Дайон, которого, впрочем, и до сих пор нельзя было назвать расслабленным.

– Не знаю. Несколько минут, несколько дней. Может быть, несколько недель. Совсем несущественно с позиции временного излома, но для человека, скорее всего, ощутимо. Итак, вы готовы?

– Да, – ответил Дайон.

Просто потому, что в сложившейся ситуации ему больше нечего было ответить.

Одаренный снова зашептал какие-то слова, а герцог все думал про Виолу. Про то, как она обнаружит его отсутствие. Как поднимет на уши весь лагерь, поняв, что он не вернулся к вечеру. Как не ограничится помощью Анри и Веста, и станет искать сама, но не найдет. А он так и не появится. Ни завтра, ни послезавтра, никогда.

– Идите! – выдохнул Одаренный из последних сил.

Он съехал еще ниже по стене и теперь почти лежал, лишь голова оставалась чуть приподнятой.

– Спасибо, – прошептал Дайон.

И двинулся прочь по коридору. Шаг, еще шаг. Он так и не понял, в какой именно точке перемещение произошло в прошлый раз. Еще пара мгновений, и Виола останется в прошлом. В далеком прошлом. А вместе с ней Анри, и Жюст, и спрятанный в лесу лагерь, и последние осколки свободы. Вернется тяжкий груз правления, ежеминутное принятие сложных решений и женитьба на еще незнакомой, но уже ненавистной женщине.

Дайон с удивлением осознал, что успел дойти до самого конца тоннеля. Обернулся, приподнимая и усиливая магический шар. Одаренный лежал на прежнем месте. Герцог быстрым шагом возвратился к нему.

– Не сработало, – констатировал очевидное он.

Одаренный несколько раз тяжело вдохнул и выдохнул, прежде чем сумел более-менее внятно ответить.

– Значит, вы слишком привязаны к нашему времени. Попробуйте еще раз. У меня почти не осталось сил. Боюсь, не смогу долго удерживать... Без вашего содействия портал не откроется окончательно.

Он закрыл глаза, но продолжал дышать, тяжело и неровно.

Герцог обреченно опустил голову. Слишком привязан к этому времени... Конечно привязан. Приходилось взглянуть правде в глаза: он не вернется в будущее. Просто не сумеет. Зря этот маг на что-то рассчитывает. Ничего не выйдет, это вполне очевидно. Его, Одаренного, смерть будет напрасной. Как и смерть Мэтью, и гибель Робера Бенуа. Нет, Смута, конечно, закончится, но девять лет спустя герцог Левансии исчезнет, не оставив наследника. Какое-то время Феррант и другие его приближенные сумеют поддерживать видимость порядка. Потом правда всплывет наружу, начнутся народные волнения и борьба за власть. К тому времени когда Дениза, чисто гипотетически, родит второго сына, Левансия погрязнет в междоусобной войне.

Дайон вскинул голову, стиснул зубы. Этого не должно случиться. Жертвы всех этих людей не будут зря. Как и его кропотливая работа на протяжении девяти лет. Он не будет счастлив? Наверное. Но если Дайон л'Эстре чему-то и научился за прошедшие годы, так это тому, что его личное счастье не стоит во главе угла.

И он побежал. Что есть сил, словно за ним гналась пущенная из арбалета стрела. Словно смерть грозила в любую секунду вонзиться между лопаток. Он мчался, больше ни о чем не думая, решительно преодолевая ярд за ярдом, как вдруг споткнулся и упал. Шар погас, и вокруг воцарилась кромешная тьма.

Глава 19

Когда глаза привыкли к темноте, Дайон обнаружил, что по-прежнему стоит в подвале собственного замка, вот только поблизости никого не было.

«Получилось или нет?» – промелькнуло в мозгу.

Он огляделся. Темные, покрытые мхом камни, потрескавшийся раствор между ними – все говорило о том, что подвалом давно не пользовались. Чуть поодаль герцог заметил арку потайного хода, так неосторожно открытого им несколько (да какое там несколько, целую вечность!) недель назад.

Проверить можно лишь одним способом. Сжав рукоять кинжала, герцог направился к лестнице.

При виде него стражники изумленно выпучили глаза, но тут же вытянулись по струнке. Получилось. Дайон выдохнул, но вместо ликования его охватила опустошенность. Слишком многое пришлось оставить там, во временах Смуты. Многое и многих. Но здесь, в семьсот восемнадцатом, долг правителя требовал действий. И, расправив плечи, герцог направился по ступеням наверх, к привычной жизни. С каждым шагом его спина становилась все более прямой, а лицо стягивала маска холодного безразличия.

Шаги герцога Левансийского гулким эхом плясали под древними сводами родового замка. Слуги испуганно шарахались в сторону, а потом провожали своего господина ошеломленными взглядами. Дайон постарался не обращать внимание на перешептывания за спиной. Судя по всему, его успели хватиться. Как долго он отсутствовал – предстояло узнать. Поднявшись на второй этаж, он остановил ближайшего лакея:

– Где Юрбен?

– Все собрались в зале для совещаний, ваша светлость! – браво отрапортовал тот.

Все? Дайон нахмурился и направился в зал.

Лакеи с поклоном распахнули двери, и герцог шагнул внутрь ровно в тот момент, когда огромные часы начали бить одиннадцать раз.

– Добрый день, господа!

Его появление произвело эффект разорвавшегося огненного шара. Все как один повскакивали со своих мест: Феррант, Юрбен, Оберрон... Последним поднялся Ковентедж.

– Дайон! – Дениза подлетела к брату и схватила за плечи. – Где ты пропадал?

– Это трудный вопрос, – пробормотал герцог, мягко касаясь ладони сестры. – Эрл.

Он кивнул Ковентеджу, выглядевшему наиболее спокойным из всех, и получил такой же скупой кивок в ответ:

– Герцог.

– Не ожидал вас здесь увидеть.

– Мы приехали, как только получили известие.

– Известие о чем?

– О твоём исчезновении! – возмутилась такой непонятливости Дениза. – Где ты был?!

В этом вопросе слилось все: тревога, отчаяние, радость. Испытывая угрызения совести, что заставил сестру волноваться, Дайон крепче сжал ее руку.

– Поверь, это неважно.

Ковентедж покачал головой, давая понять, что не одобряет поведение деверя. Это заставило герцога нахмуриться.

– Что здесь происходит? – Он обвел присутствующих взглядом.

– Экстренное заседание, ваша светлость, – отрапортовал секретарь и запнулся.

– По поводу? – спокойно продолжил Дайон.

– По поводу вашего отсутствия, ваша светлость, – Феррант первым пришел в себя. – Признаться, оно затянулось, и мы начали подозревать худшее.

– Что я сбежал, испугавшись свадьбы? – Дайон подошел к своему стулу, но садиться не спешил, что вынудило и остальных оставаться на ногах.

– Что вас убили. – Старший агент с честью выдержал тяжелый взгляд герцога.

– И поэтому вы побеспокоили мою сестру?

– Дайон! – с укором воскликнула Дениза.

– Если вы знаете кого-то еще, кого можно побеспокоить, я с радостью переложу на него эту миссию! – язвительно заметил

Ковентедж. – До сих пор я искренне считал, что Дениза – единственная ваша близкая родственница.

– Это не повод беспокоить ее по пустякам!

– При всем уважении, ваша светлость, не думаю, что исчезновение главы государства – пустяк, – вмешался Оберрон.

– Особенно в отсутствии прямого наследника, – мрачно добавил Ковентедж.

Дайон смерил его надменным взглядом и все-таки занял место во главе стола, давая знак садиться и остальным.

– Если с моим отсутствием все прояснилось, то предлагаю перейти к другим вопросам, – холодно предложил он. – Феррант?

– В целом все спокойно, ваша светлость, – ворчливо отозвался тот. – Нам удалось скрыть от общества ваше исчезновение, хотя риск разоблачения был велик.

– А слуги в замке?

– Знают только самые преданные, но им приказано молчать под страхом смерти. Остальные считают, что вы заболели.

– Хорошо, – кивнул Дайон. – Что с текущими делами?

– Мы отменили все встречи, сославшись на ваш недуг.

Юрбен торопливо вскочил и подал герцогу пухлую папку. Его движения чем-то напоминали Мэтью, и у Дайона защемило сердце. Перед глазами возникло неровное алое пятно на рубашке и слабая улыбка, едва тронувшая бескровные губы.

Наверное, он слишком задумался, и очнулся лишь когда в зале воцарилось нехорошее молчание. Все настороженно смотрели на герцога.

– Что? – переспросил он, понимая, что пропустил часть разговора.

– Может быть, перенесем заседание на завтра? – осторожно предложил Феррант.

Герцог упрямо мотнул головой.

– Продолжайте.

– В последнее время мы засекали две вспышки магической активности неподалеку от замка. Установить точные координаты не удалось. – Оберрон подал герцогу свой доклад.

Дайон кивнул.

– Я разберусь с этим позже.

Еще одна папка поверх предыдущих. Дайон тяжело вздохнул, понимая, что заснет сегодня не скоро.

– Если это все, предлагаю заняться непосредственными делами. – Он встал, давая понять, что совещание закончено.

Ковентедж поднялся последним. Он долго смотрел на деверя, потом шумно вздохнул и вышел, плотно закрыв за собой дверь, оставляя свою жену наедине с братом.

Несколько минут оба молчали. Дениза заговорила первой.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Герцог покачал головой.

– Нет.

Понимая, что это прозвучало резко, он прикрыл глаза, а потом шагнул к сестре, привлек ее к себе и крепко обнял.

– Прости, что заставил волноваться.

– Где ты пропадал?

Настойчивости Денизе было не занимать.

– Боролся со своими демонами. – Дайон слабо улыбнулся. – И я пока не знаю, кто из нас победил.

Дениза подняла голову, подозрительно глядя на брата:

– Опять приступы?

– Нет. Их не было. Пока что.

– Ладно.

Она уткнулась лбом ему в плечо, как когда-то Виола. Совсем недавно, и очень-очень давно. Дайон тяжело вздохнул и погладил сестру по голове.

– Ты устала и перенервничала. Тебе необходимо отдохнуть.

– О нет, хоть ты не уподобляйся остальным! – сразу же вспыхнула Дениза. – Я не больна, а всего лишь беременна! Да сотни, нет, тысячи женщин в моем состоянии готовят еду, стирают, таскают воду...

– Эти тысячи не замужем за эрлом, – резонно возразил Дайон.

– Не думаю, что Раймонду понравится твое предложение, – рассмеялась Дениза. – Тысяча жен! Они же должны где-то жить, и всех их надо содержать! Представь, во что превратится наш замок.

– Думаю, выстоит.

Дайона немного резануло слово «наш». Еще одно свидетельство того, что у сестры давно своя жизнь, в которой герцогу Левансийскому нет больше места. Следовало понять это еще тогда, когда она

отказалась ехать с Феррантом. Судя по выражению лица, Дениза приблизительно догадывалась о направлении его мыслей.

– Дайон...

– Не надо. – Он остановил ее взмахом руки.

– Но... – Она замерла в замешательстве, быть может, впервые в жизни не зная, как поступить.

Герцог улыбнулся, правда, улыбка эта не затронула глаз.

– Прости меня, я действительно очень устал. Поговорим завтра?

Не дожидаясь ответа, он вышел. Прошествовал в свои личные покои, не обращая внимания на кланяющихся слуг и вытягивающихся в струнку стражников, и рухнул на кровать. Раскинул руки в стороны, рассматривая тяжелый балдахин с вышитым на нем гербом Левансии.

Сейчас в лагере, наверное, обед. Он остро ощутил запах дыма от костра, негромкие разговоры, смех детей, и тряхнул головой. Все это следовало оставить в прошлом.

Как и Виолу. Для нее, в отличие от самого Дайона, прошло девять лет. Что она подумала, когда проснулась и поняла, что его нет? Долго ли злилась? Зная Виолу – долго. В любом случае девушка наверняка сумела его забыть, давно вышла замуж и счастлива.

«Если дожила до конца Смуты», – мрачно подсказал внутренний голос. Герцог стиснул зубы, соскочил с кровати и закружил по спальне.

Не выдержав, он все-таки прошел в свой кабинет и вызвал Ферранта. Старший агент явился сразу, словно ждал приглашения в соседней комнате.

– Ваша светлость?

– Отряд Жюста. – Дайон не стал ходить вокруг да около. – Что стало с его людьми?

– Жюста? – нахмурился Феррант.

– Ближе к концу Смуты они сожгли здание инквизиции, – напомнил герцог, стараясь выглядеть равнодушным.

– Да, а потом убили шерифа, – кивнул старший агент.

– Что с ними стало?

– Да как и со всеми, – все еще недоумевая, пожал плечами Феррант. – Кто-то погиб. Кто-то выжил...

Дайон кивнул.

– Я могу поинтересоваться целью ваших расспросов, ваша светлость? – осторожно начал старший агент.

– В сущности, ерунда. – Дайон постарался отмахнуться как можно более небрежно. – Недавно где-то слышал об этом отряде. Говорят, люди Жюста неплохо сработали в конце Смуты?

– Да, это так. – Феррант немного замешкался с ответом, явно пытаясь понять, с чего вдруг герцог Левансийский заинтересовался темами, которых старательно избегал на протяжении стольких лет. – Именно они проникли в замок и добыли списки тех, кто поддерживал лорда Маркуса.

– Вот как? И кто это сделал?

– Некий мужчина, называвший себя виконтом Йонатаном де Грандье. Правда, потом выяснилось, что имя было фальшивым. Вторым, вернее, второй была девушка. Кажется, Виола дю Белле.

– И что с ними стало? – Дайон пытался казаться равнодушным, хотя при упоминании имени Виолы сердце учащенно забилось.

– Мужчина пропал, скорее всего, погиб, а девушка... – Феррант нахмурился. – Какое-то время она жила в лагере, и ей приписывали роман с этим самым Йонатаном... Смутное время, сами понимаете. Кажется, несколько лет назад она уехала из Левансии. Мне запросить более подробные сведения?

– Нет, не стоит. – Герцог покачал головой. – Не думаю, что это имеет значение.

– Как вам будет угодно, – поклонился Феррант.

Дайон кивнул, давая позволение выйти. Дождавшись, пока за старшим агентом закроется дверь, он тяжело вздохнул и откинулся на высокую спинку кресла. Как и следовало ожидать, Виола давно жила своей жизнью. Даже если, вернее, *когда* Феррант ее найдет, что Дайон ей скажет? Для нее прошло слишком много времени.

– Ты здесь? – Дениза бесшумно вошла в кабинет.

– Где же еще мне быть? – вымученно усмехнулся он.

– Не знаю. – Дениза наклонила голову набок, рассматривая брата. – Мне кажется, ты изменился, поэтому я не знаю, чего ожидать.

– Просто мы стали реже встречаться.

– Наверное. – Она все еще пристально рассматривала герцога. Слишком пристально.

– Ты что-то хотела? – вопрос прозвучал грубовато. Дайон понял это, но слишком устал, чтобы исправляться.

– Да. Поговорить.

– Говори, – он указал ей на стул, а сам снова опустился в кресло.

– Послушай, я понимаю, что в последнее время все слишком давили на тебя с этой дурацкой женитьбой. И если ты не хочешь...

Дайон выставил вперед руку, останавливая сестру.

– Все были правы, – твердо произнес он. – Левансии нужен наследник, иначе десять лет назад люди гибли зря.

Дениза понимающе кивнула и еще немного постояла, ожидая продолжения разговора. Его не последовало. Пожав плечами, она вышла.

Герцог снова опустился на стул и закрыл лицо руками. В этот момент он сожалел, что не погиб вместе с Одаренным. Тогда все было бы гораздо проще. Во всяком случае, сердце не болело бы, разрываясь на части.

Глава 20

Неделя пролетела как один миг: слишком много дел накопилось в отсутствие правителя. Дайон погрузился в них с каким-то мрачным мазохизмом, не давая себе ни единой передышки. Казалось, только так он мог вернуть долг тем, кто погиб за него. И только так он мог хоть на какое-то время забыть о Виоле. Но мысли все равно постоянно возвращались к ней. В том числе и сейчас, пока он, облаченный в парадный костюм, стоял в комнате в ожидании начала бала.

Массивная цепь, символ герцогской власти, давила на плечи, а голову стискивал золотой обруч. Дениза, находившаяся здесь же с мужем, то и дело искоса поглядывала на брата. Но он делал вид, что не замечает этих взглядов.

Часы на каминной полке пробили семь.

– Ваша светлость, все готово! – известил церемониймейстер. – Гости ждут!

Дайон кивнул и, не глядя на остальных, направился к дверям, ведущим в бальный зал. Дениза с мужем заняли свои места на два шага позади герцога.

Лакеи распахнули тяжелые, украшенные позолотой и росписями дубовые створки.

– Его светлость герцог Левансийский, граф и графиня Ковентедж! – провозгласил церемониймейстер и сразу отошел, освобождая проход.

В глазах зарябило от ярких нарядов и фамильных украшений, в нос ударили терпкие запахи духов. Сразу же вспомнился другой бал, тот, который они посетили с Виолой. Перед глазами пронеслись призраки прошлого: лорд Маркус, его любовница, Астор ле Бриенн, изумленно взирающий на своего убийцу... Покашливание Денизы за спиной заставило вынырнуть из воспоминаний.

Не глядя на торжественно склонившихся подданных, Дайон направился к установленному на возвышении креслу. По обе стороны от него стояли два кресла поменьше: для Денизы и ее мужа.

Герцог повернулся к собравшимся и на секунду склонил голову, приветствуя гостей согласно этикету. Выждав, пока Дениза подойдет к

своему месту, он сел в кресло и махнул рукой, давая знак начинать церемонию представления ко двору.

Официально это был самый обыкновенный бал дебютанток. Девушек, достигших определенного возраста, следовало представить свету (а в идеале – прямо сегодня найти им жениха, даже не дав бедняжкам как следует насладиться светской жизнью). Заодно и людям постарше представлялся случай размять косточки, обсудить дела и вдоволь посплетничать.

Однако в действительности вряд ли в зале находился хоть один человек, будь то гость аристократического происхождения или разносящий вино лакей, который не знал бы: сегодняшней бал – особенный. Герцог л'Эстре выбирает себе невесту.

Юные девушки, слишком юные, в сопровождении матерей и тетюшек одна за другой подходили к герцогу, а церемониймейстер громко выкрикивал их имена. Реверанс, пара ничего не значащих фраз, и девушка отступала на несколько шагов, а ее место сразу же занимала следующая.

Спина, которую приходилось держать абсолютно ровно, болела, от улыбки сводило скулы, а девицы все шли и шли. Знакомые имена сменялись незнакомыми. Часы пробили половину часа, затем восемь раз, а вереница желающих быть представленными герцогу не заканчивалась. Судя по всему, секретарь постарался на славу: слухи о том, что герцог Левансийский ищет невесту, распространились с быстротой пожара, и на бал собралось все королевство.

Краем глаза Дайон заметил, как заерзала на своем кресле Дениза, пытаясь устроиться поудобнее. Он искренне посочувствовал сестре, которая терпеть не могла такого рода церемонии, но в этот раз твердо решила поддержать брата. Сам он привык к подобным мероприятиям и давно отстранился от происходящего, машинально кивая.

– Рад встрече... очарован... добро пожаловать... – Привычные слова сами слетали с губ.

– Баронесса дю Белле с племянницей. Леди Виола дю Белле.

Знакомое имя проникло в сознание, выводя из транса. Тихое аханье. Дайон поднял голову. На герцога Левансийского ошеломленно смотрела... Виола.

– Йон? – выдохнула девушка.

Мир дрогнул и завертелся с возрастающей скоростью. Герцог хотел вскочить, но Ковентедж, заметивший нечто странное в выражении лица деверя, успел опустить ладонь на его руку, заставляя опомниться. Дайон вцепился побелевшими пальцами в подлокотники, удерживая себя на месте.

– Рад встрече. – Голос прозвучал глухо. – Надеюсь, вы получите удовольствие от сегодняшнего вечера.

Изумленная радость на лице Виолы быстро сменилась безразличием. Она светски улыбнулась.

– Не сомневайтесь в этом, ваша светлость!

Девушка сделала положенные три шага назад и развернулась, направляясь вглубь зала. Еще немного, и она скроется за спинами гостей.

– Дайон...

– Что? – Он вздрогнул и посмотрел на сестру.

– Все в порядке?

– Конечно.

И герцог Левансийский привычно улыбнулся очередной дебютантке, прекрасно понимая, что уже выбрал себе невесту.

Ему стоило немалого труда дождаться, когда официальная часть закончится, и музыканты заиграют первый танец. Герцог никогда не любил балы и не получал удовольствия от их предсказуемого течения, всякий раз разыгрываемого как по нотам. Но и особой ненависти к ним тоже не испытывал. Это была очередная часть его обязанностей, не больше и не меньше. Вот только сегодня все случилось иначе.

С первыми аккордами Дайон л'Эстре поднялся с трона, и решительно направился к гостям. Само собой разумеется, все взгляды сразу же устремились в его сторону. Каково же было всеобщее изумление, когда он остановился не подле пышущей юностью дебютантки, не подле одной из более взрослых, но, в силу своего положения в обществе, чрезвычайно перспективных невест, а подле мало кому известной женщины. Не самой молодой, обладающей не самой безупречной репутацией и присутствующей здесь исключительно в качестве сопровождающей.

– Вы позволите?

Вопрос был данью традиции: отказать хозяину в первом танце означало серьезно его оскорбить. Дайон слышал удивленные

перешептывания за спиной, чувствовал на себе вопросительные взгляды Денизы и ее мужа, но не повел и бровью. Он уже пожертвовал слишком многим и сейчас не готов был принести в жертву еще больше. Не сводя взгляда с той, кто занимал все его мысли, он требовательно протянул руку.

Виола опустила ресницы, скрывая злой блеск глаз.

– Ваша светлость, вероятно, ошиблись, – поддержала всеобщее неодобрение она, склоняясь в глубоком реверансе. Слишком глубоко. – Полагаю, вы хотели пригласить на танец мою племянницу.

И она улыбнулась милой, вежливой, светской улыбкой, каковой вне всяких сомнений желала его разозлить. Вот только разозлить герцога л'Эстре было в данный момент практически невозможно. Его Виола. Повзрослевшая и одновременно та же самая.

– Моя светлость очень редко ошибается, – ответил он, так и не опуская руки. – Особенно в таких вопросах. Вы мне отказываете?

– Ну что вы! – поддельно ужаснулась девушка. – Как можно отказать герцогу! Все, что будет угодно вашей светлости.

Она вложила свои пальцы в его ладонь. Дайон еле заметно усмехнулся. Опасения, что Виола окажется сломленной, оказались напрасными. Он легко узнал тот огонь, который горел в ней прежде. Может быть, сейчас она легче управляла своими порывами, но она оставалась все той же девушкой, которая целовала его, а потом вlepила пощечину, защищая юного герцога.

Вместе они вышли в центр зала. Поклон, реверанс.

– Вольта! – скомандовал герцог музыкантам.

Заигравшая было скрипка визгливо оборвалась на самой высокой ноте. Гости зашумели, а музыканты выглянули с галереи, желая удостовериться, что не ослышались.

– Ваша светлость, не думаю, что это уместно... – попытался вмешаться церемониймейстер.

Дайон смерил его мрачным взглядом, и он поспешил ретироваться, вытирая платком моментально вспотевший лоб. Второй взгляд был адресован музыкантам, которые мгновенно заняли свои места.

Первой взвизгнула скрипка, аккорды подхватили флейты и ударные. Подчиняясь законам танца, Виола, кружась, обошла партнера. Герцог еще раз поклонился и протянул руку. Узкая девичья

ладонь легла в мужскую. Шаг, еще один. Музыка нарастала. Подчиняясь ритму, Дайон резко притянул к себе Виолу, но тут же выпустил, и она, кружась, снова обошла его. Еще шаг, на этот раз друг к другу. Герцог подхватил девушку за талию, покружил, выпустил и сразу снова привлек к себе.

С этого момента этикет позволял танцевать и остальным, так что к ним быстро присоединялись все новые и новые пары.

– Как вам нравится бал? – Дайон прервал опасно затянувшееся молчание.

– О, он превосходен, ваша светлость! Для меня большая честь здесь оказаться.

Она настойчиво делала вид, будто не догадывалась, что Йонатан из лесного лагеря и правитель Левансии – одно и то же лицо, но герцог был уверен в обратном. На секунду он сделал вид, будто смотрит в сторону, и сумел перехватить ее взгляд – оценивающий и укоризненный одновременно.

– Вы странно на меня посмотрели. Быть может, хотите что-то сказать, – ухватился за эту возможность он.

– О нет, ваша светлость. Ничего особенного. Вы просто напомнили мне одного человека, с которым я была знакома когда-то давно.

– Вот как?

– Увы.

– Он был хорошим человеком?

– Отвратительным. – Виола с едкой улыбкой смотрела ему прямо в глаза.

– И чем же он был так плох?

– На него ни в чем нельзя было положиться.

– Неужели?

– Представьте себе. Безответственный эгоист, как, впрочем, многие мужчины.

– Может быть, у него были причины для поступка, который так вас разочаровал? – как бы между прочим спросил герцог, стараясь не показать, что сравнение с «многими мужчинами» его задело.

Разумеется, Виола старалась уязвить его умышленно, и все равно Дайон испытывал муки ревности, прекрасно понимая, что пропустил девять лет ее жизни.

– Вне всяких сомнений, – насмешливо откликнулась девушка и, изящно повернув голову, перенесла вес с правой ноги на левую. – У всех безответственных людей есть причины для их поступков. Но мне нет до этих причин никакого дела.

– Вы жестоки.

Он снова протянул руку, как того требовал танец. Вложив пальцы в его ладонь, Виола в такт музыке обошла кругом своего партнера и снова вежливо улыбнулась.

– Но... Может быть, вы запомнили о нем хоть что-нибудь хорошее? – решил подойти с другой стороны Дайон.

Заложил левую руку за спину, сделал шаг вперед, затем шаг назад, не выпуская пальцев партнерши.

– Да, безусловно! – заверила девушка. – Он очень забавно брлся. Ох, простите, ваша светлость! Наверное, это было вульгарное замечание. Впрочем, чего ждать от нас, женщин Смутного времени?

В этот момент музыка смолкла. Оборвалась на дребезжащей ноте. Все замерли.

– Благодарю за танец, – склонил голову Дайон, понимая, что дальнейший разговор сейчас невозможен.

– Это была большая честь, – присела в реверансе Виола.

Показалось или она выдохнула с облегчением?

Герцог собирался проводить ее к родственникам, но девушка ретировалась прежде, чем предполагали правила этикета, и мгновенно затерялась в толпе ярко наряженных гостей.

Музыка вновь зазвучала, но юные девушки и их сопровождающие обрадовались напрасно: Дайон л'Эстре не стал никого приглашать на танец. Вместо этого махнул рукой ближайшему лакею и приказал немедленно вызвать к нему Ферранта. А сам отошел к колонне, все еще выискивая глазами Виолу. Кто-то из знакомых хотел его окликнуть, но, встретившись взглядом, предпочел ретироваться.

– Ваша светлость, что-то случилось? – невозмутимо поинтересовался Феррант, возникая за спиной и профессиональным взглядом обводя зал.

– Виола дю Белле. – Дайон не стал тянуть время. – Это она добыла тогда бумаги Маркуса. Мне нужна информация про нее за последние девять лет.

– Насколько детальная?

Феррант умело скрывал свое удивление, но герцога было не обмануть.

– Не слишком. Никаких интимных подробностей. В общих чертах: где жила, чем занималась, где проживает сейчас, каково ее семейное положение...

Он попытался произнести последнюю фразу как можно более буднично, но старший агент на то и был старшим агентом, чтобы схватывать на лету.

– Прошу прощения, но я не думаю, что это хорошая кандидатура. Я, конечно, проверю все досконально, но репутация женщины, жившей в военном лагере...

– И борющейся с нашим врагом во благо Левансии! – герцог слегка повысил голос. – Кажется, здесь все про это забыли?

– Прошу прощения, ваша светлость.

Старший агент с изумлением смотрел на герцога, впервые видя подобную вспышку гнева. Дайон кивнул, давая понять, что принимает извинения.

– Мне нужна информация, и я рассчитываю получить ее в ближайшее время.

– Конечно, как вам будет угодно, – поклонился Феррант. – Что-нибудь еще?

– Нет, свободен, – буркнул Дайон, уже и сам недовольный тем, как легко вышел из себя.

К тому же, как он ни приглядывался, Виолы нигде не было видно. Неужели ушла? Сердце пропустило удар. Дайон с трудом заставил себя остаться у колонны, а не бежать к крыльцу, попутно допрашивая лакеев, кто уехал с праздника.

Внезапно его лицо озарила улыбка. Юное создание с белокурыми волосами, немного нервно сжимающее веер. Девушка вряд ли старше шестнадцати, мало похожая на Виолу, но, вне всяких сомнений, представленная вместе с ней. Стало быть, они прибыли на бал вместе. Вероятнее всего, это – дебютантка, которую Виола сопровождает. Подробностей он не помнил: слишком сильным оказался шок, когда он лицом к лицу встретился с единственной женщиной, будоражившей его мысли.

Матроны сперва обрадовались, увидев, что герцог вновь направился к ожидающим партнеров девушкам, но начали сердито

перешептываться, обнаружив, что предпочтение отдано представительнице той же семьи, что и в прошлый раз. В конце концов, хозяину бала следовало бы проявить уважение и к членам других домов! Но перешептывания перешептываниями, а указывать герцогу Левансийскому не смел никто.

– Прошу прощения...

Дайон с улыбкой протянул руку юной родственнице Виолы.

– Жоржетта дю Белье, ваша светлость.

Девушка присела в реверансе и с искренней, почти детской радостью приняла приглашение герцога. Они присоединились к танцующим парам. К чести сказать, танцевала партнерша очень легко.

– Это ваш первый выход в свет? – любезно поинтересовался Дайон.

– Да, как вы догадались?

– Это было нетрудно. И как вы находите праздник?

– Он бесподобен! – пылко воскликнула девушка.

Герцог не мог не улыбнуться ее непосредственности. Юной Виоле тоже было свойственно это качество.

Девушка смущенно покраснела, на миг опустила глаза. Идеальная дебютантка, само олицетворение молодости, к тому же, насколько он понимал, с хорошим приданым. Ей не составит труда найти жениха в самое ближайшее время.

– И кто же вас сопровождает? – любопытно спросил Дайон, делая вид, что лишь продолжает поддерживать светскую беседу.

– Моя тетушка.

– В самом деле? – Не слишком большая разница в возрасте между тетей и племянницей, всего около десяти лет, но это не такая уж редкость. – Она из Левансии?

– Да, мы живем одним домом, в усадьбе Мэйзон-Вилль.

Да здравствуют юные дебютантки, которые так любят общение!

– Надеюсь, вы не слишком устали с дороги? – улыбнулся Дайон.

– Нет, что вы! Это всего полчаса каретой. Хотя верхом я бы доскакала быстрее! – гордо добавила Жоржетта, и герцог снова отметил в ее интонациях нечто, напоминающее ту, юную, Виолу.

– О, ни секунды не сомневаюсь в ваших способностях. А как насчет вашей тетушки, полагаете, ей бы это тоже было по силам?

– Нет, ну что вы! – Девушка даже удивилась такому вопросу. – Она никогда не ездит верхом. У нее пошаливает сердце, да и подагра не дает покоя.

– Подагра? – настала очередь Дайона удивиться.

Хотя, конечно, Смутное время на каждом оставило свой отпечаток, в том числе и в виде разнообразных недугов, ему ли не знать?

– Но, я надеюсь, она не слишком от этого страдает?

Жоржетта на пару секунд прикусила губу, должно быть, прикидывая, стоит ли давать ответ постороннему человеку. Однако желание поболтать и почти детская непосредственность взяли верх.

– По правде сказать, она больше жалуется, чем страдает.

– Что заставляет вас так думать?

Это было совсем не в духе Виолы.

– Ну, например, когда мы бываем дома одни, она часто говорит о том, как ей плохо. Зато когда к ней в гости приходят мужчины, ее состояние неизменно улучшается. Ох, простите, ваша светлость, я не должна была заговаривать о подобных вещах. Это неприлично.

Девушка покаянно опустила глаза и даже на короткий промежуток сбилась с такта. Дайон, имевший большой опыт в танцах (хотя и меньшую охоту к оным), подхватил ее и уверенно повел за собой, помогая снова уловить ритм.

– Ну что вы, вам не в чем себя упрекнуть, – подбодрил он. – Ведь я же герцог, а это почти как отец любому из левансийских подданных. И что же, часто мужчины заходят в гости к вашей тетушке?

– Нередко. У нее очень галантные кавалеры.

– Неужели? – скрипнул зубами Дайон.

Подагра! Женская хитрость – и ничего более. И это она возмутила его мнимой безответственностью!

– Она очень привлекательная женщина, – улыбнулась девушка, даже не подозревая об обуревающих партнера чувствах.

– Не сомневаюсь. Но отчего же я не вижу ее среди танцующих? Похоже, она и вовсе покинула зал, оставив вас в одиночестве.

– Нет, что вы! Тетушка никогда бы так не поступила. Вот же она. В зеленом платье. Беседует с милым седовласым господином.

Дайон посмотрел в указанном направлении, мысленно пообещав себе, что вскоре на голове у указанного господина останется

значительно меньше седых волос... и обнаружил увлеченную беседой женщину лет сорока пяти, действительно весьма привлекательную для своего возраста, но даже отдаленно не напоминающую интересовавшую его даму. Только тут герцог сообразил, что платье Виолы было не зеленого, а синего цвета. Наконец пришло запоздалое воспоминание: три женщины, присевшие в реверансе перед тронем, и монотонный голос церемониймейстера «Баронесса дю Белле с племянницей. Леди Виола дю Белле».

– То есть вот это и есть ваша тетушка? – спросил он, чувствуя себя последним идиотом.

– Да, ваша светлость, – снова заулыбалась Жоржетта. – Буду счастлива вас познакомить.

– Конечно. С удовольствием, – рассеянно откликнулся герцог. – К слову, мне казалось, вы пришли в обществе еще одной дамы?

– Ах, да, конечно! Кузина Виола... то есть Виола дю Белле. На самом деле она тоже моя тетька, только двоюродная, но я зову ее кузиной.

– И где же она?

– Сказала, что ей нездоровится, и уехала домой.

Дайон едва заметно усмехнулся. Виола предпочла сбежать. Интересно, чего она испугалась? Встречи с тем, кого считала погибшим? Или же чего-то еще? Во всяком случае, невзирая на укол разочарования, Дайон, потрясенный встречей не меньше, чем девушка, был даже рад этой внезапной передышке.

Танец закончился, и Дайон, поблагодарив партнершу, любезно проводил ее к тетушке, куда сразу же подскочил очередной кавалер. При виде герцога юноша смутился и покраснел. Дайон сухо улыбнулся, кивнул и снова отошел к колонне.

Жаль, что в отношении своей кузины Жоржетта была немногословна. Дайон вздохнул. Во всяком случае, он не заметил на руке Виолы обручального кольца. Это внушало надежду. В любом случае, чтобы узнать все, придется дождаться отчета от Ферранта, и уж тогда...

– Изображаешь памятник? – насмешливый голос сестры заставил опомниться.

– Как ты себя чувствуешь? – ляпнул он первое, что пришло на ум.

– Отвратительно.

– Вот как? – встревожился герцог. – Тебе плохо? Сказать Ковентеджу, чтобы проводил тебя в покои?

– К сожалению, Раймонд слишком занят, пытаюсь вместо тебя исполнить обязанности хозяина замка, – она кивнула в сторону танцующих.

Дайон виновато улыбнулся.

– Прости, я действительно забыл о гостях...

– Я заметила, и все еще надеюсь услышать от тебя объяснение происходящему. Женщинам в положении, знаешь ли, вредно волноваться!

– Это нечестная манипуляция с твоей стороны, – проницательно усмехнулся Дайон. – Я обязательно все объясню, – пообещал он, посерьезнев. – А сейчас, прости, мне надо вернуться к своим обязанностям, а Ковентеджу – к тебе.

Он направился в центр зала. Практически наугад пригласил на танец дебютантку, смущенно прятавшуюся за спиной у пожилой матроны. Не слишком красивая партнерша постоянно смущалась и краснела, но герцог легко вовлек ее в ничего не значащий разговор.

За этой девушкой последовала еще одна, а потом еще. Стараясь быть радушным хозяином, Дайон умышленно выбирал из девушек тех, кто по какой-либо причине был обделен вниманием мужчин. Некрасивые, скромные, небогатые, они смущались, краснели и постоянно сбивались с такта, но герцог с вежливой улыбкой уверял их, что все в порядке.

Исполнив роль радушного хозяина, он, наконец, вернулся на свое место, рассеянно следя за гостями. Ноги гудели, а золотой обруч, казалось, еще больше сжимал голову. Выждав еще полчаса, Дайон поднялся и вышел, совершенно справедливо посчитав, что теперь его отсутствие никто не заметит.

Около дверей в личные покои его нагнал Юрбен. Судя по покрасневшим щекам и тяжелому дыханию, бедняге тоже досталось от мамаш, стремящихся пристроить своих дочерей.

Личный секретарь герцога слыл неплохой партией и как мог избегал брачных уз.

– Простите, что беспокою вас в такое время, ваша светлость, – проговорил он вполголоса. – Прибыл один человек, Одаренный, и просит вас о встрече. Ему объяснили, что время неподходящее, и даже

в обычный день вашу аудиенцию может получить далеко не каждый. Но он настаивает, утверждает, что, узнав его имя, вы согласитесь его принять. Вот. – Он протянул Дайону сложенный вдвое листок бумаги.

Герцог развернул записку и улыбнулся. Кажется, остаток вечера он проведет в более приятной компании.

– Зовите! – велел он.

– Вы его знаете? – рискнул проявить открытый интерес секретарь. Как доверенное лицо герцога Левансийского, он не мог вспомнить, чтобы тот хоть раз упоминал имя просителя.

– Нет, – улыбаясь, ответил Дайон. – Но я... слышан.

Заинтригованный, секретарь направился к ожидавшему указаний лакею.

Спустя пару минут Одаренный появился в дверях. Он выглядел ощутимо старше, чем при их предыдущей встрече: не молодой, хоть и успевший обзавестись опытом, маг, а убеленный сединами муж. Но взгляд был все тот же: умный, внимательный, немного озорной. Опираясь на трость, он прошествовал к Дайону и поклонился.

– Рад вас видеть, – поприветствовал герцог.

– Счастлив этой встрече, ваша светлость.

– Я вижу, вам нездоровится? Ваша трость, – пояснил свой вопрос герцог.

– Последствия Смуты, – развел руками Одаренный. – Меня преследовали люди лорда Маркуса. Я долгое время скрывался от них, но однажды меня все-таки нашли.

– Знакомая история, – покивал Дайон. – Как же вы выжили?

– Чудом, ваша светлость. Я был уверен, что долго не протяну. Но мне удалось, собрав последние силы, открыть портал прямо в лазарет. Промаяхнись я на каких-нибудь двадцать метров – и меня бы нашли слишком поздно, чтобы оказать помощь. А так я сразу попал в руки талантливых лекарей. Самые опасные раны исцелили, но вот нога продолжает напоминать о прошлом. Возможно, так и должно быть. Ведь это важно – не забывать.

– Вы совершенно правы, – кивнул герцог. – Юрбен!

Секретарь замер, всем своим видом демонстрируя, что готов выполнить любые указания.

– Позаботьтесь о том, чтобы нас никто не беспокоил. И, – Дайон многозначительно вытянул указательный палец, останавливая готового

приступить к подготовке секретаря, – проследите, чтобы нас обеспечили на весь вечер хорошим коньяком.

– Будет исполнено, ваша светлость! – пообещал Юрбен.

Глава 21

На следующий день Дайон проснулся поздно. От выпитого коньяка голова была приятно тяжелой. Впервые за долгое время мысли герцога ничто не омрачало. Одаренный, как оказалось, выжил, ле Бриенн и лорд Маркус мертвы, он сам убил одного и подписал смертный приговор другому.

Внезапно Дайон понял, что отпустил прошлое. Ужас и страх того времени ушли, вытесненные воспоминаниями о костре в лагере, спорах с Жюстом, драках с Анри и перепалках с Виолой.

Воодушевленный этим осознанием, Дайон встал и подошел к окну, глядя на залитый солнцем сад сквозь узкую щелку между портьерами.

Виола... Она здесь, почти рядом, и судя по ее обиде, ничего не забыла. Значит ли это, что у Дайона есть шанс? Вне всяких сомнений. Ненависть в данном случае гораздо лучше равнодушия, к тому же в арсенале герцога Левансийского значительно больше возможностей доказать свою любовь, чем у невесты откуда взявшегося Йонатана.

При мыслях о любви герцог усмехнулся и покачал головой. Кто бы мог подумать. Еще несколько недель назад Дайону казалось невозможным само предположение, что его могут затронуть обычные человеческие чувства.

Теперь, глядя в зеркало, он переживал как мальчишка. Что, если Виола все-таки связана обязательствами? Или обида окажется сильнее, чем прочие чувства? Стараясь не думать об этом, он позвонил в колокольчик, вызывая камердинера.

Ровно через час безукоризненно одетый герцог появился на пороге своего кабинета, вернее, приемной, в которой находился стол секретаря. Сам Юрбен стоял у окна, что-то оживленно обсуждая с Феррантом. Заметив правителя, оба моментально поклонились:

– Ваша светлость.

– Доброе утро. Вернее, день! – При виде старшего агента Дайон вопросительно изогнул бровь. – Феррант, у вас что-то срочное?

– Как вы и приказали, ваша светлость.

Он подхватил со стола папку.

- Так быстро?
- Наши агенты не зря получают свое жалованье.
- Хорошо, пойдёмте!

Герцог направился в кабинет, занял кресло, кивнув старшему агенту на стул, предназначенный для посетителей и углубился в чтение.

Феррант постарался на славу. Даты, переезды, места проживания, круг знакомых. Дайон усмехнулся, читая о предполагаемом романе между неким Йонатаном и объектом изучения. Интересно, как бы отреагировал Феррант, узнав правду? По меньшей мере, без нотаций о безопасности дело бы не обошлось, после чего старший агент лично бы помчался проверять подземелье замка и заколачивать наиболее подозрительные ходы.

Закончив чтение, герцог отложил папку.

- Что ж, Феррант, вы превзошли самого себя. Благодарю.

Старший агент склонил голову, после чего вопросительно взглянул на Дайона.

- Какие будут указания относительно... объекта?
- Никаких.
- Но...

Дайон откинулся на спинку кресла.

– Феррант, – вкрадчиво произнес он, – вам не кажется, что я способен сам решить личные дела?

– А это – личное дело, ваша светлость? – осторожно уточнил старший агент.

- Несомненно.
- И... насколько личное?
- Более чем.
- Понятно. Я могу поздравить вашу светлость с помолвкой?

– Пока еще нет. Я не делал предложения, а моя избранница не дала согласия.

– Позволю себе предположить, что отказа не будет, – заметил Феррант. – Тем более учитывая репутацию дамы...

– Мы говорим о будущей герцогине Левансийской, – подчеркнуто спокойно предупредил Дайон.

С минуту они молча смотрели друг на друга, старший агент отвел взгляд первым.

– Прошу прощения, ваша светлость, но если мне будет позволено...

– Не будет. И еще. Я отправляюсь в Мезон-Вилль. Один.

– Как вам будет угодно.

– Ты не понял. Совсем один. Никакой охраны и никаких соглядатаев.

– Но ваша светлость! – вскинулся старший агент. – Это небезопасно!

– Вряд ли Виола дю Белле захочет меня убить.

Еще как захочет, в этом Дайон даже не сомневался. По крайней мере, влепит ему пару пощечин. Но Ферранта это не касается.

«Вы – мазохист!» – прозвенел в голове знакомый голос. Герцог улыбнулся, вызвав тем самым еще большее негодование агента.

– До исчезновения вы проявляли бóльшую осторожность.

Этот скупой упрек свидетельствовал о том, что Феррант вышел из себя. Дайон лишь хмыкнул в ответ.

– Хорошо, – сдался старший агент, прекрасно понимая, что не сможет переубедить собеседника. – В таком случае, ваша светлость, позвольте охране проводить вас хотя бы до ворот усадьбы.

– Если это вас успокоит... – пожал плечами Дайон. – Но они останутся за воротами.

Он не хотел заявляться к Виоле со свитой: девушка и без того явно не примет его с распростертыми объятиями.

– Вы свободны, Феррант.

Дверь закрылась. Оставшись один, Дайон прошелся по кабинету, потом еще раз пролистал отчет, а затем перечитал интересующие моменты.

После смуты Виола некоторое время жила у себя в поместье. Обручилась с кузеном Анри дю Белле, но по достижении полного совершеннолетия, расторгла помолвку и уехала из Левансии. Много путешествовала и совсем недавно вернулась домой по просьбе кузины, чью дочь надо было вывезти на первый сезон и представить ко двору герцога.

Дайон улыбнулся, вспомнив наивную дебютантку и ее вчерашний успех после танца с правителем Левансии.

– Я не помешаю?

Дениза бесшумно появилась в дверях, заставив Дайона вздрогнуть.

– Нет. – Он отложил отчет Ферранта. – Проходи.

– Спасибо.

Графиня Ковентедж подошла к столу и замерла, ожидая приглашения. Дайон закатил глаза:

– Будем играть в герцога и младшего агента или ты как заботливая сестра сразу перейдешь к делу?

– С момента исчезновения ты очень изменился.

Она все-таки присела на стул.

– В лучшую или худшую сторону?

Дениза окинула его задумчивым взглядом:

– Не знаю... Ты стал другим. Что произошло?

Он опустил голову:

– Ты действительно хочешь это знать?

– Разумеется.

– Я был в прошлом. Попал в эпоху Смуты через временной портал.

Он замолчал и присмотрелся к Денизе, силясь понять, поверила ли она хоть самую малость. Долгое время сестра сидела неподвижно. Он дорого бы дал, чтобы понять, что происходило в эти минуты у нее в голове.

– Значит, они все-таки существуют, – проговорила она наконец. – Я была уверена, что это сказки для романтиков.

– Я тоже, – усмехнулся Дайон.

– Но ты не романтик.

– Нет. – Он инстинктивно дал привычный ответ, затем задумался. – Наверное. Уже не знаю.

По лицу Денизы скользнула понимающая улыбка.

– Ты встретил там женщину. Боже, я, кажется, поняла! Это та самая, с бала?

– У меня невероятно умная сестра.

– Ерунда. Специфика работы агента. Необходимо быстро ориентироваться в постоянно меняющейся обстановке. Думаю, там, в прошлом, ты натворил немало дел.

– О да. Здание инквизиции так и не удалось восстановить.

– Это твоих рук дело?! – Дениза вскочила с кресла и в возбуждении закружила по комнате. Ей стоило большого труда остановиться напротив Дайона, лишь для того, чтобы потребовать: – Рассказывай все в мельчайших деталях!

– Ты не рассказал ей, – констатировала она, когда история подошла к концу.

Герцог покачал головой:

– Времени не было. Нас преследовали люди Маркуса. А я был обязан вернуться сюда.

Дениза кивнула.

– Ну и натворил же ты дел...

Она не упрекала, просто констатировала факт. Возможно, даже не без зависти. Дайон вздохнул.

– Да уж... сделанного не воротишь.

– Ну, после твоего рассказа я начинаю думать, что это спорное утверждение. Как ты теперь собираешься выпутываться?

– Как и любой честный человек. – При этих словах герцог усмехнулся. – Поеду, попрошу руки Виолы и буду надеяться, что она, прежде чем меня придушить, все-таки согласится.

– Интересно, почему ты считаешь, что она может отказать?

– Я младше ее на целый год! – выпалил он и рассмеялся. – Какая неприятность, правда?

– Это предлог. А причина?

– Девять лет, Дениза. – Он встал и отошел к окну. Всмотрелся в дымку, окутывающую столицу. – Для нее прошло девять лет!

– Думаешь, она изменилась?

– Знаю, что изменилась. А кроме того, изменились обстоятельства, – тяжело вздохнул герцог. – Все слишком запуталось. Мне следовало рассказать ей тогда, – прошептал он.

– Что помешало?

– Сначала это казалось нецелесообразным, а потом я просто не успел. – Дайон обернулся и беспомощно посмотрел на сестру. – Но не уйди я порталом тогда, я бы застрял в том времени. И тогда мы все бы проиграли.

– Или ты женился бы на своей Виоле, вы нарожали бы кучу ребятишек, после чего ты появился бы в замке сразу после своего

исчезновения и предъявил права на герцогство, – почти весело предположила Дениза.

Дайон ошеломленно моргнул.

– Об этом я даже не подумал!

– Немудрено, ведь ты всегда отличался благоразумием и избегал авантюр.

– Да, в нашей семье авантюрами славилась ты, – поддразнил он сестру, но сразу посерьезнел. – Как думаешь, она простит меня?

– Если любит... Женщины часто сентиментальны...

– Неужели? – герцог скептически изогнул брови.

– Не стоит обо всех судить по мне!

– Вы с ней чем-то похожи.

– Тогда тебе стоит поторопиться, иначе она сбежит.

– Но как я пойму, что она все еще любит меня?

– Это элементарно. – Дениза снова опустилась в кресло, и в ее глазах заплясали смешинки. – Если она захочет тебя убить, значит, любит.

Глава 22

Мезон-Вилль располагался всего в полчаса езды от замка. Герцога Левансийского этот факт радовал и страшил одновременно. Слишком быстро он мог получить ответ на свой вопрос. Стараясь не подавать виду, он ехал во главе небольшого отряда, гадая, стоит ли гнать лошадей, или же проделать весь путь степенной рысью. Выбор пал в пользу второго – явиться перед Виолой вспотевшим и запыхавшимся не входило в его планы.

Обомлевший при виде герцога привратник с трудом сообразил, что необходимо распахнуть ворота в имение.

Точно так же чуть позже остолбенел отворивший дверь лакей.

– Дайон л'Эстре, – представился герцог, хотя в этом не было подлинной необходимости. – Я бы хотел поговорить с госпожой Виолой дю Белле.

– Она в гостиной. Позвольте, я провожу, – спохватился слуга.

Однако в гостиной Виолы не оказалось, только Жоржетта, которая при виде герцога изумленно округлила глаза. Правда, в отличие от слуг, девушка быстро спохватилась и проинформировала, что кузина Виола решила погулять в саду.

– Не знаю, стоит ли мне говорить вам, но у нее плохое настроение, – доверчиво сообщила Жоржетта. – И она просила ее не беспокоить...

– Полагаете, мне следует заехать в другой раз? – вежливо осведомился Дайон.

– Я не знаю, – девушка беспомощно моргнула. – Вы ведь герцог...

Он невольно улыбнулся.

– Я постараюсь не задерживать вашу тетю надолго.

– Это хорошо, – кивнула Жоржетта, делая знак лакею. – Проводи его светлость в сад.

Снова полутемный коридор. Дайон с трудом сдерживал себя, чтобы не обогнуть степенно вышагивающего лакея. Его останавливало только то, что он не знал дорогу. Наконец слуга распахнул дверь:

– Ваша светлость, прошу!

Дайон по привычке кивнул и шагнул через порог, готовясь к самому главному разговору в своей жизни.

Виола стояла в саду в окружении роз. Белые, алые, кремовые – своей свежестью они подчеркивали утомленный вид девушки и темные круги, залегшие под подозрительно покрасневшими глазами. Наверняка она плакала. Осознание этого заставило испытать чувство вины.

– Виола!

Дайон шагнул вперед, не глядя. Острые шипы сразу же впились в одежду, царапая кожу, но он и бровью не повел.

Виола, напротив, вздрогнула.

– Ваша светлость? – Она склонилась в положенном реверансе. – Какая честь! Чем обязаны?

– Мне надоела эта игра. – Почему-то реверанс задел его больше всего. – Давай поговорим начистоту.

– Начистоту? О чем?

Дайон на секунду прикрыл глаза. Холодный тон собеседницы заставлял усомниться в успехе. Лучше бы она набросилась на него с кулаками или же попыталась убить.

– Пройдемся? – он кивнул на тропинку.

Виола покачала головой:

– Не думаю, что это хорошая идея, ваша светлость.

– Ладно, – вздохнул он. – Я знаю, что ты ненавидишь меня, и по праву: я исчез, как последний негодяй...

– Вы себе льстите, ваша светлость, – наигранно улыбнулась девушка. – Я давно все забыла.

– Поэтому ты вчера вспомнила мое имя?

– Ваше? – Она с наигранным изумлением взглянула на собеседника.

– Виола, послушай, – Дайон шагнул к ней вплотную, – я не хотел оставлять тебя, но... У меня появился шанс вернуться сюда. В мое время. Обстоятельства сложились: «сейчас или никогда». Я не мог поступить иначе.

– Допустим. – Судя по ответу Виолы, о переходе во времени она уже успела догадаться. Впрочем, чему здесь удивляться? Она всегда была сообразительной. – А до этого рассказать мне правду было

нельзя? Прежде, чем наступило это твое «сейчас или никогда»? Ну хорошо, вначале ты недостаточно мне доверял. Но потом?

– Признаю, я совершил ошибку.

– Ошибку? – с сарказмом повторила она. – Всего-то навсего ошибку. Надо попросить прощения, только и всего. Так? Черта с два! Сколько там для тебя прошло? Неделя, месяц? Или ты прямо на бал переместился?

– Не прямо на бал, – устало возразил Дайон, но Виоле его ответ был не слишком и нужен.

– Девять лет! Девять чертовых лет, Йонатан! Или как там тебя! Сначала мы тебя искали. Следы привели к порталыщику, дом которого сожгли маги Маркуса. Но останков в доме не нашли. Арестованных, по словам очевидцев, тоже не было. Тогда я предположила, что Одаренный переместил тебя домой. Хотела на это надеяться. Старалась убедить себя, что ты не погиб и не попал в казематы. Потом про нас пронюхали люди Маркуса, и лагерь пришлось сворачивать. А когда закончилась Смута, я снова стала тебя искать.

– Искать? – выдохнул Дайон.

– Искать! – с почти мазохистским удовольствием подтвердила Виола. – А ты думал, я просто обо всем забуду, как и ты?

– Я ни о чем не забыл.

– Плевать мне на это! И не думай, ни на что особенное я не рассчитывала. Я с самого начала говорила, что не имею на тебя видов. Что не собираюсь замуж, ни за кого, и за тебя в том числе. Да и потом, какая из меня была невеста? После того, как я больше года провела в партизанском отряде и якшалась черт знает с кем? Нет, кое для кого я все еще оставалась лакомым куском, поскольку у меня приличное приданое. Но для герцога не подходила никак. А я ведь знала, что ты – герцог! Я стала искать просто для того, чтобы убедиться, что ты жив. Что жернова Смуты тебя не перемололи. Я объехала всю страну. Я видела всех герцогов королевства. Тебе уже докладывали, что я много времени провела за границей? Так вот, я искала Йонатана и там. И, представляешь себе, не нашла! – Она звонко хлопнула в ладоши, изображая радость. – А ты, оказывается, все это время просто мотался по временным петлям!

Несмотря на тот ужас, который вызвала в Дайоне шокирующая история Виолы и чувство собственной вины, сейчас он невольно

улыбнулся. Последняя претензия прозвучала так, будто он кутил в дешевом трактире с продажными женщинами.

– Между прочим, я и тебя тоже видела. Еще тогда, девять лет назад, – припечатала девушка. – Мы даже танцевали на балу, посвященному восстановлению твоей законной власти.

– Не может быть! – воскликнул Дайон. – Я совершенно тебя не помню. В смысле, не помню с тех пор, – поспешил оправдаться он.

– Конечно, не помнишь, – зло согласилась Виола. – Еще бы ты запомнил. Ты смотрел сквозь меня.

Сквозь нее. Конечно. Только так он и смотрел тогда на женщин. Да и не только тогда, впоследствии тоже. Независимо от того, танцевали они с ним на балу, флиртовали на приемах или согревали постель. Так было вплоть до его перемещения во времени.

– Прости, – тихо сказал он.

– С легкостью, – яростно ответила Виола. – Потому что я тоже смотрела сквозь тебя. Ты совершенно не был похож на мужчину, которого я полюбила. Да и как мне могло прийти в голову, что мальчишка на год младше меня, которого мы к тому же не раз обсуждали, – это и есть ты?

– Я ничего не знал о тебе тогда, – прошептал герцог. – И я сожалею. Я многое должен был сделать иначе. Я не могу изменить прошлое, Виола, – вздохнул он. – Я знаю, я пытался. Это был очень жестокий урок, но я его выучил. Помнишь, когда погиб Мэтью? Он помогал мне спасти одного человека. Я знал, что этот человек умрет, но, перенесясь в прошлое, попытался изменить обстоятельства. Спасти ему жизнь. В итоге он все равно погиб, но кроме того, я и Мэтью не уберег. Я вовлек его в бессмысленные потуги играть со временем, и таким образом, по сути, лишил его жизни. Мне остается лишь успокаивать себя мыслью, что Мэтью погиб бы в любом случае. Потому что не в человеческих силах изменить прошлое. Но я могу изменить будущее. Как и ты.

Казалось, Виола задумалась, но лишь на пару секунд. Посмотрела на герцога исподлобья, грустно усмехнулась и произнесла:

– Вы сами сказали, ваше светлость, что игры со временем – за гранью человеческих сил. Так что нам не удастся ничего изменить. К тому же мне нравятся мужчины старше меня. А вы моложе на целый год, как я теперь ясно вижу.

Дайон раздумывал, как достойно ответить на эту эскападу, не нарушая в то же время законов вежливости, когда откуда-то сверху послышался громкий треск. Резко обернувшись и инстинктивно хватаясь за рукоять меча, он понял, что звук доносится со стороны одной из ближайших яблонь.

– Ты тоже слышал? – тихо спросила Виола, отреагировавшая столь же быстро: в руке она сжимала неведомо откуда взявшийся короткий кинжал. И выдавила из себя напряженную улыбку. – В прежние времена я бы подумала...

– Что за нами кто-то следит, – закончил предложение Дайон, уже значительно громче. – Убью параноика! Ведь требовал не приставлять ко мне охрану!

– Ну зачем же сразу так сурово? – послышался сверху женский голос, притом до боли знакомый. – Я просто гуляла поблизости и внезапно захотела погрызть яблочко. В моем положении такое бывает.

Ветви раздвинулись, и перед изумленными спорщиками предстала графиня Ковентедж, вольготно устроившаяся на дереве. В руке она держала надкусанное зеленое яблоко и теперь демонстрировала его в качестве подтверждения своей легенды.

– Дениза? – выдохнул Дайон, от удивления не сразу нашедшись, что еще сказать.

– Дениза Арсе? – уточнила Виола, глядя на пожирательницу фруктов с затаенным восторгом. – Я видела вас когда-то, издалека. Еще во время Смуты.

– Тебе повезло, что только издалека, – сердито и потому едко отозвался Дайон, к которому наконец возвратился дар речи. – А я вот имею счастье лицезреть эту особу в самых неожиданных обстоятельствах. Потому что это еще и моя сестра.

– Элинол л'Эстре? – неверяще переспросила Виола. – Она и Дениза Арсе – одно лицо?

– Зато какое! – Сестра герцога нарочито довольна поднесла руку к своему и правда весьма миловидному личику. Правда, при этом потеряла равновесие и чуть не упала с дерева, что заставило герцога нервно подпрыгнуть, а ее самую сильную перехватить ветку. – И вы забыли упомянуть третью ипостась: графиня Ковентедж.

– Графиня Ковентедж должна сидеть в замке за вышиванием, а не лазать по деревьям в своем положении! – прорычал Дайон. – Твой муж

совершенно отбился от рук. Впрочем, я с самого начала мало чего от него ожидал.

– За вышиванием?! – возмутилась Виола.

Зато Дениза ничего не ответила. Вместо этого надкушенное яблоко, метко брошенное с высоты, стукнуло герцога по темени, прежде чем, отскочив, упасть в траву.

– Оно было кислое, – с невинным видом пояснила бывшая шпионка.

Герцог лишь отмахнулся.

– Я знаю, что ты не сама придумала сюда прийти. И тот, кто тебя послал, ответит по всей строгости, – заверил он. – Это же надо придумать: отправить шпионить за мной беременную женщину!

– Не беременную женщину, а агента, – парировала Дениза.

– Беременного агента, – не остался в долгу Дайон. – К тому же еще и бывшего.

– Он не виноват, – примирительно сказала графиня, начиная спускаться с дерева и старательно игнорируя то, как герцог прыгает вокруг ствола, пытаясь ее подстраховать. – Я сама вызвалась.

– С каких это пор ты сама вызываешься за мной шпионить? – без тени доверия пробурчал Дайон.

Дениза спустилась наконец на землю, и это позволило ему немного успокоиться.

– Я гуляла по замку... с пальцами, – добавила она с насмешкой, – обдумывала наш с тобой разговор – и тут вижу Ферранта. У бедолаги лицо бледное, как у привидения. И при этом яркие красные пятна на щеках. Ну, слово за слово, он мне объяснил, что «этот самодур»... нет, как бы правильнее сформулировать... «его светлость изволила проявить тяжелый характер и не разрешила приставить к себе охранника на время пребывания в Мэйзон-Вилль». Вот ты закатываешь глаза, а старший агент места себе не находил. Он и нарушить твой прямой приказ не может, и отпустить герцога без охраны тоже права не имеет.

– Я и в куда более опасные времена ходил за пределами замка без всякого сопровождения.

– Верно, но он-то об этом не знает! Одним словом, я сжалилась над беднягой и пообещала за тобой присмотреть. Так сказать, тряхнуть

старинной. Ты даже не представляешь, каким облегчением это стало для Ферранта!

– Ну-ну, я ему устрою облегчение, когда вернусь, – процедил герцог.

– Феррант... – Виола нахмурилась. – Это тот самый, от которого ты прятался в высоких травах?

– Стоп! С этого места нельзя ли поподробнее? – в момент подскочила к ней Дениза. – Прятался? От Ферранта?

– Еще как! Уполз так резво, что только пятки сверкали.

– Я же рассказывал, что едва избежал с ним встречи, – буркнул Дайон. – У Ферранта профессиональная память, рано или поздно он обязательно сопоставил бы... Ты не могла бы перестать хохотать?

Но судя по тому, как согнувшаяся пополам Дениза помотала головой, хохотать она собиралась еще долго, и герцог безнадежно махнул рукой.

– Полз от Ферранта? В высоких травах?

Она вытерла рукавом слезившиеся глаза.

– Еще и зверушку какую-то напугал, – добавила, тоже развеселившись, Виола. – Кажется, она игуаной называется.

– А где все это случилось? – любопытствовала Дениза, отсмеявшись. – Раз трава, то вряд ли в подполье. Вы партизанили? В каком отряде?

Дайон покачал головой. Он точно помнил, что говорил сестре об отряде, но Дениза не была бы агентом, если бы не умела мгновенно расположить к себе собеседника.

– В южной части Клермона. Отряд Жюста, – ответила Виола.

– Вот оно что! Я знала пару человек из этого отряда. Там служил такой высокий... Вест! – вспомнила она.

Феррант и не самая светлая часть биографии Дайона были забыты. Сейчас девушки разговаривали так, как нередко случалось с ветеранами Смуты.

– И был еще очень славный паренек, правда, совсем молодой, кажется, его звали Анри, – продолжила вспоминать Дениза.

– Это мой брат, то есть двоюродный.

– Да ты что! И как они сейчас?

Этот вопрос сестра герцога задала осторожнее, отставив в сторону недавний ажиотаж. Увы, ответ в подобных случаях нередко

оказывался печальным.

– Анри в добром здравии. Сейчас живет за границей, – ответила Виола. – А Веста я в последний раз встречала пару лет назад, он тоже был в порядке. Но с тех пор я ничего о нем не слышала.

– Так случается, – согласилась Дениза. – Чаще, чем нам бы хотелось. Кстати, именно поэтому мы с бывшими сослуживцами стараемся встречаться хотя бы раз в год, чтобы узнать друг о друге и вообще посидеть, вспомнить... И ближайшая такая встреча назначена совсем скоро!

Она покосилась на небо, затем на удлинившиеся тени, потом хлопнула себя по лбу и потянулась к кулону с часами.

– Через два часа, – торжественно объявила она. – Я даже опасалась, что придется опоздать, но теперь думаю, ничто не помешает прийти вовремя. Присоединяйся! – предложила она, обращаясь исключительно к Виоле.

– Меня ты, стало быть, не приглашаешь, – хмыкнул Дайон.

– Не могу, – развела руками Дениза. – Ты – слишком заметная фигура. Герцог не должен появляться на таких встречах. Во-первых, ему это не по статусу, а, во-вторых, все уверены, что основную часть Смуты ты провел в заключении. Никто не должен знать, что ты умудрился одновременно партизанить. Знаю, со мной ситуация тоже сложная, – поспешила пояснить для Виолы она. – Но мы очень долго работали над разделением между Эленор л'Эстре и Денизой Арсе. Так что скажешь? Хочешь пойти со мной? Расскажешь нам свои истории, послушаешь чужие, выпьем, прошлое повспоминаем.

– С удовольствием, – искренне обрадовалась Виола. – Годами приходится вести чужую жизнь. Было бы здорово хоть разок собраться, как тогда.

– Вот и прекрасно, – поддержала Дениза. – Времени как раз хватит, чтобы переодеться и добраться до места в подходящем виде. Так что давай быстренько принимай предложение моего брата – и поехали.

– Предложение? – тихо переспросила Виола, прислушавшись к своим ощущениям и осознав, что эта мысль больше не пробуждает желания рвать и метать.

Что бы она ни говорила вслух, девушка отлично узнавала в сегодняшнем герцоге того человека, который произвел на нее столь

сильное впечатление девять лет назад.

– Ну да, – отозвалась Дениза как ни в чем не бывало, в то время как Дайон нарочито возвел глаза к небу, выказывая таким образом свое отношение к тому факту, что данный вопрос пытаются разрешить без его участия. – А что, по-твоему, здесь сейчас между вами происходит? Нет, вы, может быть, и сами этого еще не поняли, но я-то не напрасно тут битый час шпионю.

– Ты сказала, что просто захотела яблоко, – едко напомнил герцог.

– Вот, смотри, – Дениза указала рукой на брата, но обращалась к Виоле, – наблюдательный! Память хорошая! К тому же красавец-мужчина. Умный, воспитанный, богатый. Родословная идеальная. В хорошей физической форме: ползает быстро. Правда, властный: все у него по струнке ходят. Но для жены сделает исключение, если женится по любви.

– А если не по любви? – хмыкнула Виола, просто для того, чтобы что-то сказать и справиться со смущением.

– Тогда поселит в самой дальней башне и забудет как страшный сон, – моментально нашлась с ответом графиня.

И тут же получила незнамо когда подобранном надкусанным яблоком по плечу.

– Поосторожнее с замужней женщиной в положении! – притворно возмутилась она.

– С агентом, который лазит по деревьям и шпионит за приличными людьми, – не моргнув глазом поправил Дайон.

– Вот видишь, он еще и приличный человек! – как ни в чем не бывало повернулась к Виоле Дениза. – Соглашайся. Таким не отказывают. И кроме того, мы на встречу опоздаем.

Она постучала пальцем по стеклянной крышечке часов.

– Дениза, будь добра, оставь-ка нас одних.

Виола поймала себя на том, что не может понять, просьба это или приказ. Слова вроде и произнесены вежливо, а взгляд такой, что возражений не терпит. *Тот* взгляд. Взгляд Йонатана.

Графиня поджала губы, поиграла бровями, то ли изображая возмущение, то ли намекая на бессмысленность требования, но все-таки сдалась. Вздохнула, снова многозначительно произнесла: «Время!» и... полезла обратно на дерево.

– Она неисправима, – покачал головой Дайон.

– Должно быть, это семейная черта, – заметила Виола.

– Возможно.

И, больше не обращая внимания на сестру, герцог л'Эстре опустился на одно колено.

Девушка отпрянула в изумлении, затем постаралась взять себя в руки и нервно спросила:

– Что ты вытворяешь?

– Виола, очень прошу тебя, помолчи совсем немного и дай мне сказать. – Дайон улыбнулся, увидев, как она недовольно поджала губы. – Я признаю, что во многом был неправ. И был наказан – уверенностью, что никогда больше тебя не увижу. Я шел на вчерашний бал, как приговоренный – на каторгу, и думал, что над моей головой навсегда сомкнулись тучи. Но, слово герцога, когда я увидел тебя, это был луч солнца, разогнавший сумрак. Я понял, что мне все по силам, потому что есть ты. Ты никогда не была ангелом... Прости, не смог удержаться. Я знал, что твои глаза сердито сощурятся, что ты именно так сложишь руки и именно так повернешь голову. Я помню каждое твоё движение. Воспоминания преследуют меня днем и ночью. Это было так недавно и так давно. Ты поразительная, Виола. Ты умная, преданная и искренняя, а это такая редкость в наши дни. Ты решительна и отважна, и если видишь перед собой цель, тебя не остановят никакие препятствия. Я не могу представить себе другую герцогиню л'Эстре. И другой не будет. Потому что я понял, что мне все по силам.

– Когда-то ты говорил, что не хочешь жениться, – неуверенно заметила Виола.

– Ты говорила, что не хочешь замуж. Будем страдать вместе.

– Прошло девять лет. Я изменилась.

– Ты стала еще лучше.

– Я на год старше тебя!

– Да, я помню. На это, конечно, трудно ответить, но... Все говорят, что я выгляжу старше своих лет.

Последний аргумент прозвучал столь нелепо, что Виола вынуждена была рассмеяться – на что, без сомнения, и был расчет.

– Выходи за меня замуж! – настойчиво призвал Дайон Левансийский.

Девушка растерянно огляделась, ища поддержки у мироздания. Мироздание проявилось в облике устроившейся на ветке Денизы, которая усиленно закивала, а затем постучала пальцем по крышке часов.

И, не выдержав столь мощного напора, Виола улыбнулась и сказала:

– Да.

Эпилог

Свадьба герцога Левансийского проходила в кафедральном соборе. Она состоялась осенью. Виола настаивала на длительной помолвке, и Дайон не стал возражать, прекрасно понимая причину. Им действительно следовало заново узнать друг друга. Чтобы избежать лишних сплетен, Виола предпочла оставаться в Мэйзон-Вилле, и Дайон всерьез подумывал, не выкупить ли соседнее имение, чтобы не проводить в дороге слишком много времени.

И вот теперь он стоял у алтаря, спиной ощущая любопытные взгляды подданных. Храм был наполнен до предела, а те, кому не достались приглашения, еще с вечера заполнили площадь. Еще бы! Не каждый день удастся поприсутствовать на свадьбе герцога.

Колокольный звон возвестил о прибытии невесты. Дайон шумно выдохнул и взглянул на Ковентеджа, исполнявшего роль шафера. Странно, но в последнее время они с мужем сестры лучше понимали друг друга. К слову, у эрла появилось сразу два наследника: Дениза родила двойню. Дайон еще не имел счастье лицезреть племянников: они с Виолой собирались сделать это после свадьбы. Герцог усмехнулся. Узнай он о двойне девять месяцев назад, наверняка повременил бы с женитьбой, ведь Дениза фактически решила проблемы наследования Левансии и Эвендейла. Но тогда не было бы столь раздражающего обсуждения невест, у него не разболелась бы голова, он не спустился бы в потайной коридор и – как итог – не встретил Виолу...

Звон колоколов сменился пением церковного хора. Значит, невеста вошла в собор и направлялась к алтарю. Зная, что по традиции, он не должен оборачиваться, Дайон бросил быстрый взгляд на шафера. Раймонд ободряюще улыбнулся и прошептал:

– Потерпи еще немного. Она чудо, как хороша.

Герцог опустил голову и стиснул кулаки, борясь с желанием как следует наподдать графу. Но вряд ли драка у алтаря была хорошей идеей.

Пение стихло. Он наконец обернулся и встретился взглядом с невестой. Облаченная в белое платье, Виола казалась особенно

хрупкой.

Дайон протянул руку, и она без колебаний вложила в нее свою ладонь. Кажется, священник начал церемонию, он что-то говорил, а герцог все смотрел на свою избранницу. Он знал, что действительно будет оберегать ее до последнего вздоха. И даже время не сможет разлучить их. Никогда.